

ГЛАВА II

СОБОРЫ

Всякое движущееся вперед тело, как лодка или пароход, встречает всегда сопротивление инертной воды; и тем сильнее это сопротивление, чем большую скорость развивает движущееся тело. То же будет происходить и с автомобилем или аэропланом в воздушной среде. Наша мысль так же материальна, как все остальное, согласно последним достижениям нашей науки, поэтому и она должна испытывать сопротивление в своей среде. И, действительно новые идеи, открытия и учения всегда испытывают сопротивления со стороны людей с устаревшими взглядами, привычками и, вообще, с неразвитым и неподвижным сознанием.

Труден был путь и для христианства, пробивавшегося среди ветхозаветного общества. Первыми гонителями были свои же близкие и родные, а после свой народ – иудеи. Но по мере распространения нового Учения встали на его пути более сильные элементы, как повелители римской империи в лице Нерона, Диоклетиана и Галерия. Они почуяли новую нарождающуюся и организованную силу, полную фанатической твердости и упорства. Неподчинение христиан древне-языческим обычаям вызвало целый ряд гонений с огромным количеством жертв. Внутренняя духовная сила новой религии преодолела все возводимые препятствия к своему дальнейшему распространению, и рост христианского общества быстро увеличился. При Константине Великом с христианством уже невозможно было не считаться. Это было понято гениальным императором и благостное отношение к христианам способствовало сосредоточению всей власти в римской империи в одних его руках. Вот что говорит Андреев в своем труде в «Пособ. к истор. церкви»: «В 312 г. он (Конст.) издает указ, касающийся христиан. Указ этот не дошел до нас. Почему? Потому что христиане желали забыть о нем. По догадке проф. Болотова и др. этот указ был продиктован желанием затруднить массовый переход в христианство язычников после эдикта Галерия 311 г. Это обстоятельство вызва-

ло ропот, потушить который имеет целью Миланский эдикт 313 г. Стало быть, главное дело было в понудительных объективных данных, которые толкали к объявлению христианства».

«Отношение Константина к христианству, – говорит проф. Спасский, – очень долго не выходило за пределы практических интересов. Миланский эдикт открыто ставит своей задачей «мир и покой нашего царствования». Константин вмешивается в Донатистские споры, возникшие в Африке, созывает соборы, председательствует на них и спешит скорее уладить дело, и все это нужно для того, чтобы «неразвлекаемые распрями епископы со всею ревностью служили Богу, так как для общественных дел от этого произойдет много пользы». «... Привести в один состав» – синкретизировать все религии – вот задача этого представителя синкретизма на троне» (стр. 483).

Константин, не будучи христианином, своей мудрой политикой привлек к себе сердца христиан и только благодаря этому ему удалось преодолеть своих противников в лице своих соправителей Максенция и Лициния. Такая перемена к христианству со стороны владыки римской империи у многих христиан породила то расположение к этому императору, которое граничит с обоготворением. По этому поводу Андреев в своей книге пишет:

«Константин начал переворот с отцовским ореолом покровителя христиан, продолжал его деятельным участием в жизни церкви и тем закрепил в свою личную собственность впечатление спасителя. Воображение христиан всей империи потянулось к нему и наделило его чудесными чертами. Он был вычищен и КАНОНИЗИРОВАН РАНЬШЕ КРЕЩЕНИЯ. Читайте *Vita Constantini* Евсевия и вы будете изумлены этой необузданной жаждой ОБОГОТВОРЕНИЯ, этим необъятным стремлением превратить человека в икону. На рубеже двух периодов истории церкви неизбежно было поставить только такую закутанную в облака фигуру полу-бога, и Константин успел войти в роль. Он пошел навстречу этому обоготворению... Человек велик и свят, но свят неизбежно во всем или не свят совсем: нельзя быть святым наполовину ... тут они (христиане на Западе) обвевались еще духом римской дисциплины, расходовали свою религиозную энергию не столько на религиозные пререкания, как это склонны были делать их восточные собратья ... Отсюда держаться (Константину) постоянно на высоте благодетеля и спасителя в отношении к таким людям было сравнительно нетрудно, и этот ореол перешел на Восток. Издали требовательному Вос-

току Константин представлялся идеалом христианского царя, хотя пока еще был только языческим доброжелателем новой религии, учитывавшим не столько внутренние ее достоинства, сколько ее силу». (Стр. 489 – 490).

«Когда он (Константин) прибыл в Рим (в 326 г. после Никейского собора), то с собственного семейства положил начало своему несчастью. Не обращая никакого внимания на родственные узы, он умертвил своего сына Криспа Цезаря, заподозрив его в близких сношениях с Фаустой, мачехой (второй женой Константина). Когда же Елена, мать Константина, пораженная таким несчастьем, впадала в безутешную скорбь по убитому юноше, Константин, как бы в утешение ее, исцелил прежнее зло новым и большим: приказав натопить чрезмерно баню, он посадил туда Фаусту и вынес ее оттуда мертвой». Так повествует языческий историк Зосим. Стр. 493.

Несмотря на такие факты, популярность Константина среди христианского общества была велика и поспособствовала тому, что сам Константин «приучился смотреть на себя как на последнюю инстанцию в церковных делах».

Нападки извне для христианства были не только как гонение за неисполнение языческих обрядов и как запрещение перехода из язычества в христианство, но очень часто носили и характер идеологический. Апологеты должны были бороться и с иудеями и с образованными язычниками, отстаивая серьезность своих воззрений. «Бог, сошедший на землю, был для иудеев скандалом, а для эллинов безумием. Апологеты иудеев вразумляют указанием на исполнение пророчеств (Иустин. «Разговор с Трифоном иудеем»). А эллинам апологеты разъясняют, что воззрения христиан совершенно входят в раму философских представлений эпохи. Иустин заявляет: «Когда мы говорим, что все произведено и устроено Богом, то мы провозглашаем учение Платона. Когда утверждаем, что мир сгорит, то думаем согласно стоикам, и когда учим, что души злодеев, и по смерти находясь в обладании чувствами, будут наказаны, а души добрых людей, свободные от наказаний, будут блаженствовать, то мы говорим то же, что и философы». Веру в Христа апологеты стараются представить в терминах стоической философии. «...До своего явления на земле Логос был посылаем к человеческому роду. И Иисус Христос, Сын и Посланник Божий, был прежде именно этим Логосом, являясь людям то в виде огненном, то в образе бестелесном. Сын Божий, явившись на земле, даровал людям Новый Завет,

требования которого совпадают с вечными велениями Божества. Отсюда и до пришествия Христа люди, жившие согласно наставлениям Логоса, были христианами, как, например, Сократ, Гераклит, Авраам», говорит апологет Татиан. Пос. истор. цер., стр. 497.

Великие и светлые мысли высказал Татиан, кои дают примирение и общность со всеми религиями и кладут в основу свою Истину Единства и Любви. Только эти начала и способствовали к привлечению широкого потока людей всех наций и стран войти в гостеприимные врата христианства первых веков. Людские сердца инстинктивно чувствуют и пламенно отзываются на вечный призыв Космоса к исполнению его Заветов и Законов. Только позднейшие века засушающего догматизма пресекли живой дух Учения Христа и омертвили все великое дело первых веков и лучших его учителей.

Далее Андреев, как апологет сегодняшнего христианства, говорит: «Учение апологетов до известной степени сослужило свою службу: бесспорно, оно многим образованным язычникам перебрало мост к христианству. Но оно имело и неудобства. Если море гностических систем II века грозило потопить христианство в процессе острого паганизирования, то ведь в сущности, к тому же вело и богословие апологетов... Отсюда мы видим, что противник гностицизма Ириной (начало III века) неблагоприятно относится и к апологетам. Ириной отказывается от всяких теорий касательно акта происхождения Логоса от Отца; как совершилось рождение – об этом никто не знает «кроме Отца, который родил и Сына, который родился». Ириной мало интересуется тем, как думать. Для него гораздо важнее знать, как жить и спастись. А получение спасения мыслимо только при допущении, что оно совершено Богом: «Если бы Бог не даровал спасения, у нас его не было бы», «Слово Божие, Господь наш Иисус Христос в последние времена сделался человеком среди людей, дабы воссоединить конец с началом, т.е. человека с Богом, через Его во плоти пришествие совершилось по благоволению Отца смешение и общение Бога и человека». Произошло то же, что бывает с привитыми садовыми деревьями: «Человек привитой через веру и, восприяв Духа Божия, не утратил своей плоти, но улучшил качеством плоды дел. Усвоение спасения отдельным человеком происходит в крещении и причащении через веру, которая заключает в себе праведную жизнь, ибо верить – значит исполнять волю Божью». Таковы главные пункты учения Ирины. Оно имело громадное значение в истории последующей дог-

матики. Оно представляло главное православное богословское течение эпохи... Но оно имело и изъяны, оно преграждало разуму доступ к уяснению отношений между лицами Троицы. За попытки этого уяснения гностиков Ириней называет акушерами». Так говорит Андреев на стр. 498–499.

Если это главные пункты учения Иринея, и если оно являлось «главным течением» православного богословия, то именно потому и следует остановиться и разобраться в нем. Ириней не желает думать, как он говорит, он хочет знать. Но ведь это довольно странное заявление: думать – значит производить процесс труда – работы мысли; без такого труда мы не можем получить и знание. Все в мире совершается трудом и работою. «Царство небесное силою берется», как говорил Христос, а не пустым исполнением обрядов или формы, как крещение и причащение. В таком уходе от работы, замазывание необходимости упорного труда – главная слабость людей и богословов, возлагающих на милость Божию, на Его Благодать, на спасение через Христа и Его страдания. Нет примеров спасения в жизни через возложение наше на Благодать Божью, но много можно перечислить случаев получения этой Благодати через чистую и праведную жизнь, даже таких людей, кои не были крещены и не причащались. Апостол Павел был даже сначала до озарения и призыва гонителем веры Христовой, но по жизни своей он был чист, правдив и устремлен в исполнении Заветов Божьих. Без этих качеств не осенила бы его великая Благодать Господня.

Как можно мыслить о спасении, но отвергать ЕДИНЕНИЕ, ОБЩЕЕ БЛАГО и ЛЮБОВЬ, этот великий якорь спасения от нашего невежества и злобных дел?

Христос нам дал основные законы Космоса, великую Истину Вечности. Но Он не мог нам сказать о всех частностях нашей жизни. Природа дала нам сознание, и мы, работая нашею мыслью и сердцем, можем правильно разрешать все насущные вопросы жизни, сообразуясь с законами Космоса. Итак, без работы мышления, мы не можем не только знать «как жить», но и разрешить вопросы поставленные Иринеем. Затем он упоминает в связи с предыдущими словами слова «чтобы спастись». Но ведь тут опять нужна работа мысли: нужно определить, прежде всего, от чего «спастись»? Ведь этот термин употребляют к различным понятиям. И каждое такое понятие требует значительного обсуждения. Есть устремление к спасению от смерти, от адских мук, к спасению от бесконечных страданий

и неудач в нашей жизни, спасение от индивидуального или духовного уничтожения и т. д. На все эти понятия не ответишь в короткой статье, чтобы мало-мальски выяснить их. Итак, о каком спасении предполагает Иринея, а вместе с ним и церковь тех времен, которая приняла его учение? Без такого уяснения – невозможно что-либо сказать, ибо по каждому такому понятию тема будет не мала.

Далее Иринея сопоставляет «Слово» и Иисуса, как сущности однозначащие. Откуда он это взял? Только потому, что почти все отцы так их сопоставляли? Христос ведь нигде этого не сказал. Он не сказал и о том, что является едиnorodным Сыном Бога, нигде не упоминается о том, что является 2-ым лицом Св. Троицы. Наоборот, всегда называл себя «сыном человеческим», говорил, что «Отец Мой более Меня» (Иоанн 14 – 28). Ни одно из лиц Св. Троицы не может быть более или менее другого, ибо Бог один, так же, как ни одна часть нашего тела не является более или менее другой. И если Иринея так «знает» все остальное, то не велики его знания, ибо они ни на чем не основаны – не проделана соответствующая работа мысли и сердца. Все это является досужим измышлением человеческого.

Правда, и Ориген на стр. 76 – 77 своей книги «О Началах» говорит: «Бог и Отец, содержа все, воздействует на каждое существо, общая каждому бытие от своего собственного бытия, ибо Он есть сущий. Меньше Отца Сын, деятельность Которого простирается только на разумные существа, ибо Он – второй от Отца. Еще меньше Св. Дух, воздействующий только на святых. Поэтому сила Отца больше силы Сына и Св. Духа, и сила Сына больше силы Св. Духа, и, опять, гораздо выше сила Святого Духа, чем прочих святых. Сын меньше Отца, потому что Он второй есть от Отца; Св. Дух ниже Сына и пребывает в святых. При таком порядке могущество Отца больше могущества Сына и Св. Духа; могущество же Сына, в свою очередь, больше, чем могущество Духа, и, последовательно, сила Св. Духа больше силы прочих существ, называемых святыми».

Труд Оригена «О Началах», как мы знаем, подвергся сильным переделкам разными лицами, поэтому трудно распознать подлинные мысли великого богослова. Из приведенной выдержки выделяется мысль о том, что функции трех лиц Троицы различны, причем могущество, согласно выдержке, распределено не в зависимости от функций, а почему-то по положению 1-го, 2-го и 3-го лица. На каждое явление и понятие можно смотреть под разными углами зрения. Так и на Бога с его ипостасями можно взглянуть, как я и сказал

выше, что нет возможности соизмерять величины несоизмеримые и, исходя из этого, ни один из аспектов Бога не может быть больше и меньше другого. Но если рассматривать Бога, как первопричину, а Премудрость и Слово – порождение первопричины, то действительно первопричина существенней, а потому и больше своего порождения. Затем, если действительность Премудрости или Бога Слова ограничивается только лишь разумными существами, действительность Св. Духа еще более ограничена только лишь в отношении святых, то, конечно, по количеству лиц подлежащих воздействию, может быть, и можно сказать, что затрачиваемая мощь в этом последнем случае будет меньше, но если взглянуть со стороны качества энергии, то тут вывод может быть и иной. Но ведь эти детали так не важны и не существенны, что не следует на них долго останавливаться, ибо и причины существенной для распознавания ее к тому нет никакой. В этом деле самым важным вопросом все же останется вопрос о Иисусе Христе; но об этом было уже много сказано, скажу и еще в соответствующих местах.

Может быть, следует еще несколько выяснить проявление в мире и жизни различных аспектов Бога. Бог вечно нарождает Сына – дает жизнь всему. Но такие порожденные сущности многими опытами в бесконечных своих воплощениях должны развить все качества своего духа, как: сознание, любовь, творчество и т.д., – и проявить в своем сердце Бога, или, как привыкли в христианском мире говорить – изобразить Христа: «... я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос» (Рим. 4 – 19). Но когда великими усилиями человека наступит этот период, то тогда и начнет осенять этого человека благодать Божия, или наступит нисхождение Духа Божиего. Все это можно сказать иным языком и иными словами, принятыми нашею западною наукою. Природа нарождает в физический мир всякую жизнь. Трудно бессознательной жизни развить в себе проблески сознания во всех царствах природы до человеческого. Но великими страданиями и бесчисленными жизнями достигается и эта ступень. В человеческом царстве расширение сознания и других великих качеств духа достигает огромной высоты, но, вместе с этим, человек, понимая свое положение в мире и задачи природы, начинает отрешаться от всего низменного и от своих животных инстинктов. И опять многие жизни затрачиваются на эту внутреннюю работу, пока у человека не разовьется его высшее «Я» – его трансцендентальная сущность, которая во много

раз выше, мудрее, чище и духовней его низшего воплощенного «я». И тогда только оно, это высшее «Я», получит силу победить и достаточно развить свою ограничивающую оболочку – тело человека, – и приспособить ее для вмещения всего накопленного опыта многих человеческих жизней, а также и памяти во всем объеме и знании этих существований.

«При каждом новом воплощении мы получаем организм ограниченный, как по причине общего уровня человеческого развития, так и в силу атавизма предков, кроме того, еще обусловленный нашей кармой. Мы привлекаемся в среду, которая доступна нам именно по карме. Потому зерно духа нашего, несмотря на его многие накопления, может лишь частично появляться в каждой новой земной оболочке. Можно наблюдать, как бывший музыкальный виртуоз в своем новом теле, в котором нет необходимой координации центров для, так называемых, музыкальных способностей, сохранил понимание и большее или меньшее влечение к этому искусству, но виртуозом он уже не будет» (Из писем Е.Р.). Но происходит, наконец, и этот момент для каждого человека, когда вся сущность нашего духа начнет совмещаться и человек становится озаренным и благословленным Св. Духом. Ибо «Я и Отец – едино». Более подробно эти мысли мною изложены в моей 1-ой книге «Воспитание духа» в гл. «3-ий путь» стр. 61.

Но продолжим основную тему нашего изложения. Ириной говорит, что Христос пожелал «воссоединить» конец с Началом – человека с Богом. Если можно допустить, что Бог есть Начало всего, то никак нельзя сказать, что человек есть конец. Не ведая Начала, можно ли что-либо сказать о конце? Если Начало должно «воссоединиться» с концом, то конец должен быть очень близок к Началу, а мы знаем, что между нами и Богом лежит целая беспредельность. Отсюда нужно точнее выразить понятие «воссоединения». Без точного понятия может быть лишь пустое словоговорение.

Такие же непонятные представления заключаются и в словах смешение и общение. Можно ли смешать возвышенное с низким или соединить Божественную любовь с эгоизмом человеческим, или беспредельную Мудрость с такою же беспредельною глупостью и т. д. Ведь только тогда может произойти такое понятное нам смешение, когда эгоизм изжит уже будет и заменится любовью, когда низкое возвысится до беспредельности и когда глупость заменится разумом и он разовьется до неземной Мудрости, т. е. ког-

да будет произведен огромный труд преобразования человека. И опять, о каком общении думает Ириной, а с ним вместе и церковь? Обычно понимаемое нами общение Бога с людьми было и до Христа, напр.: с Ноем, Моисеем, Авраамом и пророками.

Люди должны много и глубоко обдумать все то, что хотят высказать, чтобы не ввести в заблуждение и не смутить других людей. Непонятные термины, на ветер брошенные слова приносят не выяснение Истины, а затуманивание ее на многие века, как мы сейчас видим в вопросах богословия. Отсюда, и только таким путем, ширится безверие людей, доходящее до кощунства по причине непроходимых дебрей и нагромождений богословской казуистики некоторых отцов церкви.

«Через веру человек улучшил качеством плоды дел ...», – говорит далее Ириной, но беда в том, что большинством людей неправильно понимаются и проводятся в жизнь указанные слова. И в этом большая доля вины ложится на некоторых богословов, взиравших главным образом на внешнее проявление веры, чем на внутреннее содержание и исполнение ее. Недаром уже в апостольские времена были сказаны слова (посл. ап. Иакова 2 – 20): «Не хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва». Нельзя смешивать неравнозначущие понятия и подводить их под знак равенства, как вера и жизнь по вере. Нужно всегда четко их разграничивать, дабы слово не расходилось с делом. Вера есть план, путь или подсознательное знание, но признание существования плана или пути не есть пройденный путь или исполненный план. Одно такое признание веры приводит к формальному исполнению обрядности и при крещении, и при причащении без внутренней духовной работы; но это последнее есть самое важное в нашей жизни. Во всей своей совокупности физическая жизнь дана нам, как школа нашей духовной сущности. Потому, не отвергая форм или обрядовой стороны, мы должны насытить их духовным содержанием. Каждое нечеткое и неудобопонятное толкование с затемненными терминами вводят людей в заблуждение и потому граничат с преступностью против Духа. Именно, большинство таких писаний, какие мы имеем в богословских трудах, есть преступление против Духа и Истины.

Как часто можно заметить среди отцов-богословов какую-то непонятную заботливость о плоти своей. Она важна только для получения должного опыта духа и ничуть не больше. Трудно допус-

тить, чтобы человек, знающий о вечном духе, при каждом удобном и неудобном случае вспоминал бы свою плоть. Так и в заключительных словах Ириной мог бы свободно о ней не вспоминать; ценность его мысли от этого нисколько не пострадала бы.

Наконец, мысль Ириной в приведенном выше отрывке о спасении через крещение и причащение я уже разбирал на стр. 71, и поэтому вновь касаться сейчас этого вопроса не буду. После же, когда дойдет речь до обсуждения вопросов, поднятых на соборах, я вновь вернусь для разбора его.

В первые три века христианство не только испытывало гонения извне, но оно само постоянно выдвигало и порождало чрезвычайно много вопросов, из-за которых слагалась борьба внутри самой церкви. Сколь радостно назревание таких вопросов, столь же нежелательны борьба и пререкания, кои есть лишь проявление нашей нетерпимости. Назревание множества вопросов потому должно быть отрадным и желательным явлением, что они служат показателем жизни и роста духа, который ищет путей к своему расширению, приспособлению и к познанию окружающего мира. Зерно истины прорастет и даст всход, а все остальное, неправильное и необоснованное, с течением времени отойдет, и сама истина очистит себе свой путь. Не следует лишь применять власть и силу к сложению такого очищения. Великие Силы Природы сами в свое время произведут необходимое ей очищение. «Чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до жатвы» (Матф. 13 – 29). В этих словах Христа проявлена высшая мера терпимости, мудрости и вместимости в Его великом Учении. Даже Он не брал на себя право осуждения, но лишь приказал отрясти «...прах от ног ваших (Мф. 10 – 14). Именно, никто не имеет право на безапелляционное признание истинности своих взглядов и в навязывании их силою другим. Тем и ужасны все наши отцы – ересологи, что они, доказывая свою правоту, самым беззастенчивым образом нарушали заповедь Христа о терпимости и прощении; именно, правда и истина принадлежат только лишь Богу во всех вопросах, а равно и в отношении веры. Где же тут скромность и смирение – слова, так часто произносимого и прилагаемого к себе как «смиранный»? Величие духа заключается в признании своего несовершенства, ошибочности, но не в слиянии смиренности и правоты. Всегда в Учении Христа говорится – прости и не осуди: «Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жерт-

вы, то не осудили бы невинных» (Мф. 12 – 7). Ведь почти на всех страницах Евангелия говорится разными словами о прощении. Как же могли «ересологи» основать свое осуждение не только ценнейших книг, груды сожженных на кострах, но и таких лиц, как Иоанн Гус, Саванарола и Джордано Бруно, осудить и заточить таких отцов, как Иоанн Златоуст, Григорий Богослов и Ориген, а в самое последнее время и Льва Толстого, за то только, что слова Христа и Его Учение понимали не так, как большинство осуждавших отцов. Воистину, отцы не так поступали, как заповедал Христос и до жатвы хотели собрать плевелы, а рвали и истребляли пшеницу.

Мысль того времени пошла двумя путями: «Те, для которых была дорога логика, в интересах мыслимости отвергают ипостасное бытие Логоса и во Христе признают человека, в котором не воплотилось, а только действовало Божество, а те, для кого дорога была вера, которые не могли не видеть во Христе Бога, признали Его воплощением единого Отца. Эти учения отстаивали Божескую «Monarchiam» и поэтому известны под именем «монархианских». Они все выступили на сцену в конце II и в начале III в.» (Андреев, стр. 500).

Не нужно, как я уже говорил, смешивать термины и жонглировать ими так, как выгодно, в зависимости от того или иного пристрастия нашего. Для всех нас должна быть важна не логика и вера, а истина. Логика – один из многих способов подхода к познанию истины, а вера, необоснованная и примитивная, при неразвитом сознании, может сотворить себе и идола. И многие сотворяют его благодаря своей неразумной вере. Как легко люди поддаются чувству обожествления, мы уже видели в канонизации Константина – убийцы сына и жены; но еще легче, правда, для тех же лиц низвести другое, но достойное лицо в любое болото своих низменных чувств. Поверьте, истина важна для Бога и Христа еще в большей мере, чем для нас; вспомните лишь слова: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь». И не нужен Христу ни ваш трон царя, ни пьедестал, куда люди возводят его уже две тысячи лет. Великая чистая правда важнее всего. «Ищите, – сказал Христос, – и обрящете» эту правду и не нужно будет обманывать ни себя, ни других.

«Монархиане первого типа называются динамистами (от слова сила), потому что они утверждали, что Христос есть простой человек, в котором действовала особая божественная сила. Монархиане второго типа называются модалистами, потому что во Христе они видели только самого Бога Отца, воплотившегося ради нашего спа-

сения. Так как, согласно этому воззрению, пострадавшим оказывался Отец, то такой вид монархианства назывался еще патрипассианством (*patris passio*).

«Из монархиан-динамистов должны быть отмечены Феодот старший (около 190 г.) и Феодот младший, но особенно Павел, епископ Симосатский. По Ипполиту Феодот старший утверждал, что Иисус есть простой человек, рожденный от Девы по воле Отца, живший подобно всем людям. За Его святость, благочестие на Него во время крещения в Иордане в виде голубя сошел свыше Христос (гностическая концепция). Отсюда, высшие силы Он развил не раньше, чем сошедший на Него Дух явил себя. Согласно Павлу, в сыне Девы обитало Слово – Логос, но обитало не «существенно, а только через научение и причастие». Это Слово действовало и в пророках, но особенно во Иисусе. Единение со Отцом у Него было, но оно состояло только в следующем: «имел одно с Богом хотение». Андреев, Пос. к Ист. цер. 501.

ЕРЕСЬ АРИЯ

Главной причиной первого Вселенского или Никейского собора (325 – 28 г.) было желание Константина ликвидировать спор и умиротворить иерархов церковью, ожесточенно боровшихся между собой в определении понятия Сына по отношению к Богу-Отцу. Учение пресвитера Ария положило начало спору и привело к полному расколу в среде духовенства и вызвало невообразимую смуту в умах людей, кои живо интересовались догмами веры. Современник, Григорий Нисский оставил такое красочное описание этой эпохи: «Все полно, – говорит он, – таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, – улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить овалов, – философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене на хлеб, – отвечают: Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, – говорят: Сын произошел из ничего».

Андреев в своей книге на стр. 520 так изображает состояние умов той эпохи: «Спор загорелся в Александрии в 318 г. между уже пожилым пресвитером Арием и епископом Александром. Арий так излагал взгляды Александра и, в связи с ними, собственные: «Всегда Бог, всегда Сын; Сын существует с Богом нерожденным. Ни на одно кратчайшее мгновение, какое только может себе предста-

вить мысль человеческая, Отец не предваряет Сына по бытию, Сын из самого Отца». «Мы, – говорит Арий, – не можем и слушать таких нечестивцев, хотя бы еретики (Александр) угрожали нам тысячами смертей. Чему мы учили и учим? Тому, что Сын не есть нерожденный, ни даже часть нерожденного; тому, что хотением Бога существовал Он прежде веков, полный Бог едиnorodный, неизменяемый, но не существовал до рождения. Он не был неимеющим начала бытия. А нас проеследуют за то, что мы сказали: Он есть из не-сущего». Не менее ошибочно казалась Арию и та мысль, что Сын из самого Отца, т.е. из существа Отца. Если Сын из самого Бога, то приходится допустить, что Он существовал прежде рождения. Рождение, по Арию, есть первый момент бытия Сына; Он родился, прежде не существуя, родился не из существа Отца, произошел из ничего. При таком представлении естественно, если Арий предпочтет акт, вследствие которого Сын имеет свое бытие, называть не рождением, а творением».

Преимником Александра был Афанасий В. О нем в ист. ц. говорится следующее: «По своему настроению Афанасий очень близок к Иринею. Для него главное в религиозной жизни – не моральное совершенство, а нечто большее. Христос принес нам не только уроки правдивости. «Бог вочеловечился, чтобы мы обожились». Будучи земными людьми, мы, благодаря пришествию Спасителя, становимся богами «не как истинный Бог», а поскольку дал нам это Бог. Мы принимаем в себя Духа и через это делаемся общниками божеской природы – «причастием духа становимся общниками божеского естества» и достигаем обожения... По-видимому, это состояние Афанасий представлял себе, как полную противоположность одержанию бесами. Бесы своим нечистым присутствием грязнят, пачкают и расстраивают весь наш духовнотелесный состав. Наоборот, в воде крещения мы смываем, сбрасываем с себя ветхое выпачканное одеяние и обновляемся благодатию духа: «крещающийся совлекает с себя ветхого человека, рожденный свыше обновляется благодатию духа»... «Не обожился бы человек, сочетавшись с тварью, если бы Сын не был истинным Богом». Те же мысли мы видим у Иринея.

Вот материал, который обсуждался и перетолковывался на всех Соборах до Вселенского и на этом последнем.

Не всегда укладывается в наше сознание весь этот материал и трудно современному человеку разобраться в запутанности выдвиг-

нутых вопросов той переходной эпохи. Нужно проникнуться духом того времени и воспринять настроения и мирозерцание первых веков христианства. Каждый честный мыслитель, каких всегда немало, был прав по-своему, и в то же время, и не прав. Прав, прежде всего потому, что мыслит и ищет сущность и истину, а не прав благодаря нетерпимости и невместимости мнения других: «Иисус сказал: не запрещайте ему; ибо никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня. Ибо кто не против вас, тот за вас» (М-к 9 – 40). Спора нет, часто красота форм, построения фраз и яркость приведенных образов может вас поражать и пленять, но все же нам следует глубоко разбираться в находящихся перед нами материалах. Недопустимо быть чистеньким снаружи для глаз окружающих и грязненьким – полным эгоистических порывов внутри себя. Необходимо разбираться, кроется ли в них красота тленной формы или красота устремленно-ищущего духа. И лишь в последнем случае в подобной красоте кроется вечная Истина. В III главе настоящей книги «Переоценке наших воззрений» мною приведен отрывок произведения псевдо-Варуха столь поэтически прекрасный, что я не мог устоять от соблазна его перепечатать, но все же красота в нем лишь в форме, в устремлении земного человека к ценностям мира физического, а не в духовном устремлении к вечным космическим ценностям, к вечно прекрасным, глубоким и необозримо широким. Все прекрасные образы в мыслях наших отцов мало дадут гармонии с идеями Христа, если не соблюдена будет терпимость к своим ближним.

«Утверждение Афанасия В. – «Бог вочеловечился, чтобы мы обожились», отвечает оккультной истине, ибо Дух Иисуса Христа в своей огненной Божественной Сущности, конечно, для нас есть Олицетворение Божественного Начала. Приняв земную оболочку в тяжкую эпоху вырождения и разложения духовных ценностей, чтобы дать новый импульс духу человеческому и тем приобщить человека к божественному естеству, в нем заключенному, Он истинно обожил его. Мы приобщаемся к Божественному Началу в нас, поскольку мы можем принять это в сознание наше. Именно, причастием духа становимся мы «общниками божеского естества» и достигаем обожения... Говоря современным языком, разве не сказано в Учении, что лишь принятие в сознание высших энергий дает нам доступ к ним».

«Также правильно, что отвергая Дух, мы открываем доступ темным силам, одержанию и т. д. «Крещающийся совлекает с себя вет-

хого человека, рожденный свыше обновляется благодатию духа»... «Не забудем, что в первые века христианства в такие обряды, как крещение и причастие, вкладывалось большое внутреннее духовное значение, и лишь позднее они выродились в государственные установления, неисполнение которых грозит лишением прав и т. д. Крещение и причастие первоначально были символами приобщения к духовной жизни. Ведь и Мистерии Древности были обрядами, полными глубокого внутреннего значения, и большинство наших христианских обрядов было заимствовано, именно, от языческого Мира. Но все имеет значение лишь в духе и, конечно, никакие механические манипуляции не могут нам дать духовного перерождения или же приобщить к чему-либо без участия духа нашего. Но обряды эти помогали создать известные условия и настроения, при которых дух наш мог легче воспрянуть и вознестись. Ведь и сейчас нельзя еще лишить человека Храма и всей обрядности. Нужно лишь внести новое очищенное и духовное понимание многих обрядов и, главное, не делать их обязательными. Пусть дух избирает сам свой путь. Не забудем, что обряд крещения в первые века христианства в большинстве случаев совершался над взрослыми, которые хотели запечатлеть этим символом свой отрыв от старого и приобщение к новому пониманию. Но, конечно, когда оно стало обязательным и совершается над бессознательными младенцами, то оно утратило всякий смысл. И особенно невежественно выкидывание некрещенных младенцев за ограду кладбища. Мало, очень мало людей, которые не утратят всякого воспоминания о вознесении Духа, если нечто видимое и осязаемое не будет напоминать об этом. Поэтому ближайшая задача – не разрушение Храма, но очищение и новое объяснение, как обрядов, так и великого Учения Христа. Именно, нужно утвердить в сознании людей, что без духовного порыва в нас никакой обряд не имеет значения. Нужно постоянно напоминать, что Благодать Божия может быть воспринята лишь добровольно». Из писем Е.И.Р.

Как ужасно человек может затемнить сущность вещей непродуманными формулами и красочными фразами, несогласованными и несгармонизированными с великою окружающею природою и ее вечными и неизменными законами. Как можно механическими манипуляциями положить духовное начало очищения и приобщения, когда весь физический мир ничто иное, как переходная ступень к великому и вечному миру духовному? «Бог есть дух, и поклоняющие-

ся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн, 4 – 24). А мы все духовное приурочиваем к внешним обрядам. Можно ли к росту человека прибавить хоть дюйм обрядовым способом? Все произрастает постепенно, незаметно и исподволь. Нужно лишь создавать подходящие условия к тому. Так же развиваются и наши духовные стороны. Детями Божьими мы стали не с появлением Христа, а были ими с момента зарождения нашей монады много-много миллионов лет назад (прочтите кн. Иова, гл. 38). Христос только поучал нас, открывал и разъяснял великие и вечные законы Космоса и «обожил» нас, поскольку каждый учитель, способствуя развитию и расцвету духовной сущности нашей, приближает нас к божеству. Но Он как величайший Учитель, сделал это в наибольшей степени.

Во всех человеческих суждениях всегда лежит какая-либо база или аксиома, не требующая доказательств по причине, с одной стороны, ее неоспоримости и очевидности для всех, а с другой, благодаря невозможности доказать ее научно. На таких основаниях люди базируются в своих дальнейших идеологических построениях и делают те или иные выводы и заключения. Человек видит или слышит, и это обстоятельство дает ему возможность умозаключать. Так построена всякая наука. Возьмем, к примеру, геометрию (Эвклида), там есть аксиома (см. геом. Киселева, стр. 4), которая гласит: «Всякую геометрическую фигуру можно перенести из одного места пространства в какое угодно другое, не нарушая ни величины составляющих фигуру частей, ни их взаимного расположения». Дальнейшие геометрические выводы и построения покоятся на этой базе. Но если мы в основание наших рассуждений положим мысль обратную и будем, базируясь на ней, строить наши выводы, то, естественно, получится страшный хаос в наших выводах и заключениях. Итак, нужно быть очень осторожным в таких основах, на коих мы будем в дальнейшем обосноваться в своих рассуждениях. Именно, при допущении подобной ошибки и произошли все богословские споры, из которых и до сих пор они не могут выбраться. Их положение или аксиома: «Иисус Христос – Бог» – заставляет изыскивать термины и определения, изречения и тексты писаний для совмещения Иисуса с Богом – Отцом, ибо, с другой стороны, Бог – един. Вся эта работа завела людей в дебри непролазные, из которых они и сейчас не могут выйти. Конца всем этим спорам и дебатам не может быть, пока люди не изберут себе иную базу, на которую они могли бы опереться твердо.

Те лица, которые приняли базу: «Бога не видел никто никогда» (Иоанн 1 – 18), – в отношении Иисуса скажут, что Иисуса видели и знали, потому Он не Бог. В дальнейших теологических выводах у них не будет спора и разногласий, потому что основание у них верное и незыблемое.

Нелепо и непоследовательно, принимая постулат вышеприведенный от Иоанна 1 – 18, вдруг заявлять на соборах, что Иисус – 2-ое лицо св. Троицы. Да и в священных писаниях Востока тоже подтверждается непознаваемость Бога, а все познаваемое не Бог, а люди в своем прошлом и наши старшие светлые Братья, всячески оказывающие помощь в нашей эволюции. В комментариях к станцам из книги «Дзиан» сказано: «Вдохновляющие Разумы, оживотворяющие эти различные Центры Бытия, именуются людьми, за пределами Великой Горной Цепи, без всякого разбора, как Ману, Риши, Питри, Праджапати и так далее; и как Дхиани Будды, Коганы, Мелха (Боги Огня), Бодхисатвы и другие по сю сторону. Истинно, невежественные называют их Богами; непосвященные ученые – Единым Богом; мудрые же, Посвященные, почитают в них лишь Манвантарные проявления ТОГО, что ни наши Создатели (Дхиан-Коганы, ни их твари не только не могут обсуждать, но даже что-либо знать. АБСОЛЮТ не может быть определен; и ни один смертный или бессмертный никогда не видел и не постигал Его на протяжении периодов Существований. Изменяемое не может знать Неизменяемое, так же как не может то, что живет, постичь Абсолютную Жизнь». «Потому человек не может знать более высоких Существ, нежели своих собственных прародителей». «Также он не будет преклоняться им, но он должен познать, каким образом явился он на свет». Из Тайной Доктрины» Блаватской стр. 47, том II.

Сокровенное Учение Востока, которое излагается Е.П.Блаватской в «Тайной Доктрине» на стр. 58 II тома, поучает: «В каждой Космогонии позади Божества «Творящего» и выше него пребывает Божество Превышнее, Планировщик, Зодчий, по отношению к которому Творец является лишь выполняющим посредником. И еще выше, над и вокруг, внутри и вовне находится Непознаваемое и Неведомое, Источник и причина всех этих Эманаций».

«Таким образом, становится легко понять причину, почему Адам – Адам и встречается в халдейских писаниях, несомненно, более ранних, нежели Книги Моисея. По ассирийски Ад означает «Отец» и по арамейски Ад есть «Един» и «Ад-Ад» единый, тогда как

Ак по ассирийски «создатель». Таким образом, Ад-ам-ак-ад-мон стал Адам-Кадмон в Каббале (Зохар), означая, как оно и было, «Единый (Сын) божественного Отца, или Творец», ибо слова Ад и Ом означали одно время почти в каждом языке «божественный, или божество»... У евреев Адам Кадмон был тем же, что и Афамаз, Тамаз или Адонис греков – «Единый от Отца и с Отцом...».

Ту же мысль, отчасти, начинают постигать и наши богословы, но, к сожалению, не находят в себе силы и мужества отринуть старинные предрассудки, стараясь сохранить неверную базу и согласовать всю уйму всяческих противоречивых воззрений.

Андреев на стр. 635 своей книги говорит: «Часть 3-го и все 4-е столетие Церковь употребила на решение вопроса о том, кто Иисус – Бог или человек, и если Бог, то как мыслить отношения лиц Троицы друг к другу. Построение концепции спасения, которая удовлетворяла верующие массы, требовало необходимости признания Иисуса Богом: тварь не могла возродить и дать нетление падшему человеку ... Положение ставило трудную задачу: признать Христа Богом и, одновременно, отстоять монотеизм – примирить веру и знание, психологию и логику, богословие и домостроительство (устройство церкви), согласить интересы мысли и спасение. Богословская мысль билась, как в тисках, между этими противоположными требованиями в течение целого столетия и, в конце концов, добилась решения, которое могло удовлетворить большинство».

Но посмотрим дальше: «Христос учил на земле, – говорит Андреев; – остались евангелия как величайшая святыня. В них рассеяно много черт, которые характеризуют простого человека с его немощами. Творец неба и земли, промыслитель мира, беспомощно бежит от преследования в Египет, скрывается от недругов, терпит многое, как самое обыкновенное создание. Как в мысли совместить эти несовместимые вещи? Кто действует в Иерусалиме, Бог или человек, или Бог и человек вместе, и, если последнее, то какая доля участия в Его жизни и деятельности принадлежит Божеству и человеку, как мыслить одновременное существование двух столь несродных природ? При решении этого вопроса так же, как и при решении тринитарной проблемы, брали перевес то требования мысли, то интересы спасения. отсюда страстная борьба, переходившая иногда в побоища, стоившие иногда империи отторжения ее старинных провинций»... «При этом легко видеть, что для тех направлений богословской мысли, которые признавали Христа про-

стым человеком, отмеченных затруднений не существовало. Представлять обыкновенного человека, озаренного свыше, мысль привыкла на примере ветхозаветных пророков и проч. Типичным на этот случай является богословие ПАВЛА САМОСАТСКОГО. Тринитарная проблема ставить затруднения только тем, кто видит в Иисусе Бога».

Считаю нужным оговориться за Андреева; думаю, что ни он и никто из диспутировавших с отцами церкви того времени не считал Христа ни за простого, ни за обыкновенного человека. Ибо Он, воистину, не был таковым. «Каждый, получающий вдохновение Свыше, не может быть простым и обыкновенным человеком. Кроме того, ни один богослов и не считал Христа простым человеком», – из писем Е.И.Р. Но слова Андреева «простой и обыкновенный», вероятно, сказаны лишь в смысле того, что Христа Петр Самосадский и др. считали в его прошлом все же человеком, а не 2-м лицом Св. Троицы.

Далее Андреев приводит учение Павла Самосатского: «Сын Божий не ипостасен. Отец – один Бог, а Сын Его в Нем, как слово в человеке. Предвечный Сын – это изреченное Слово. Бог родил Слово без девы и без кого-либо другого, когда не было никого, кроме Бога. Премудрость не могла находиться в образе и иметь вид мужа, ибо она превышает всего видимого. Христос родился от Марии и принадлежит этому миру; Иисус был человек, и Его вдохновляло Слово свыше. Одно Иисус Христос, а другое – Слово. Слово больше Христа. Христос сделался великим, благодаря Премудрости. Мария родила не Слово, ибо Мария предвечна, но она родила человека, нам равного. Помазается человек, Слово не помазается». При таких условиях вопрос о взаимном отношении божественного и человеческого компонентов в лице Христа решается просто: «различные естества и различные лица могут соединяться только одним способом – согласием волеизъявлений».

И апостол Павел говорит о том же самым определенным и ясным образом, не требующим никаких дальнейших пояснений: «А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие, для самих же призванных Иудеев и Еллинов, Христа, – Божию силу и Божию премудрость» (1 пос. к Корин. 1 – 23). Только призванные, или духовно доросшие, могли вместить понятие второго лица св. Троицы – Христа Вселенского единосущного или единогодного, и только в приложении к Нему все спорные терми-

ны будут правильными и понятными. Всем же остальным людям излагалось апост. О Троице сокровенно.

Но ведь это взгляды «еретиков», осужденных на наших православных соборах! И как бы ревностно и щедро отцы церкви не наклеивали эти ярлыки ереси на лбы иначе-мыслящих людей, все же эти вопросы, выдвинутые этими «еретиками» не перестанут существовать! Большинство богословов ученых и неученых не могут даже представить того простого факта, что поставленные «еретиками» вопросы, верные и достойные того, чтобы остановиться на них и обратить серьезное внимание, и что они, эти мысли, могут существовать совершенно независимо от их заклеянных лбов богословов «правоверными». Ведь и наука наша стала признавать уже мысль, как некую реальную вещь, существующую вне зависимости от того или иного лба! Вся разница лишь в том, что в некоторый лоб она может уже придти зачастую извне, а в обычный она не придет, как в ограниченный и неприспособленный еще к ее принятию. Не негодовать, проклинать и отлучать от церкви нужно за выдвигаемые вопросы, а только лишь благословлять и благодарить. Истина ведь не боится никаких вопросов, и чем больше их будет, тем скорей расчистим себе путь к ней и познаем ее. Итак, да будут благословенны вопросы и вопрошающие их! Смело их примем и обсудим, а не спрячем голову свою в песок, как страус, при надвигающейся опасности. Будем помнить, что лишь мыслями и препятствиями, преодолеваемыми нами, мы двигаемся вперед к расцвету и развитию.

Во всех бывших спорах среди всяческих групп выражались часто верные и правдивые мысли, но основание у всех было ошибочно: Иисус Христос не был Богом-Словом, потому Он неоднократно в различных вариациях заявлял: «Я не от себя говорю, а то, что повелел Отец Мой Небесный» (см. Иоанна 6 – 63; 8 – 28; 12 – 49; 12 – 50; 14 – 10). Он сам сказал, когда Его назвали благим, что «никто не благ, как только один Бог» (Мф. 19 – 17; Мр. 10 – 18; Лк. 18 – 19). Но верно и то, что Христос – Сын Божий, но это сыновство через Него получили и мы. Не в том смысле, конечно, что раньше люди не были сынами Божьими и стали таковыми лишь после Него.

Никогда истина не скрывалась от человека, но давалась всегда в нужный момент и в форме, доступной для сознания народа. Но свойство человека всегда заключалось в искажении и затемнении всего данного ему и по малости его сознания, и из-за эгоистических

и корыстных целей. Уже «по древним Учениям все Высшие Космические Представления получают свою форму или олицетворяются в подобии Божьем – в человеке. Потому, конечно, и Высшие Духи и являются Олицетворениями Высших Представлений. Семь Кумар, Семь Логосов, Семь Огней или Пламен, Семь Сынов Браммы или Сынов Божьих – все Они являются Высочайшими Духами, которые (как Аватары) принимали земную оболочку для поднятия сознания человека и приобщения его к божественному естеству». Из писем Е.И.Р.

«Многие слышали о Кумарах, но немногие правильно поняли их. Явление какое-то надземное – так скажут, но забудут, каким трудом складывается достижение. Ученые уже начинают понимать, как входит человеческая личность в пантеон героев. Таким же путем наслаиваются и качества водителей человечества. Если они не пройдут страдания земные, они не могут отзвучать на страдания людские. Если они не познают пота труда, они не смогут руководить людьми в их работе. Самоотвержение, милосердие, сострадание, мужество куются в жизни. Ничто отвлеченное не может слагать силу духа. Так пусть понимают Кумар, как истинных Водителей». «Братство», § 489.

ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Все эти Сыны Браммы, Логосы, Высшие Духи и т. д. должны были пройти великий Путь, пока Они не приобрели те достоинства, кои только одни могли Их вознести на те божественные ступени, на которых Они сейчас находятся. Этот путь и мы совершаем сейчас. Но в одно человеческое воплощение его не пройдешь и не отрешись от наших пагубных привычек, и не разовьешь свой ум, и не очистишь всех своих устремлений, и не разовьешь своего сердца для дел любви и блага. Этот великий путь эволюции намечается уже очень ясно с животного царства. Если обратимся к этому царству, то и там мы замечаем такие явления природы, каковые мы называем «инстинктом». Человек часто ограничивается одним лишь подобным термином, к которому он с давних пор привык и прилагает его как объяснение (хотя он не может быть как таковым) ко всем непонятным явлениям и воображает, что таким образом разъясняются эти явления. Щенки, еще слепые, ищут материнского соска и начинают его сосать. «Это “по инстинкту”», – говорят

люди; если утята, выведенные курицей, лезут в воду, а курица бежит в беспокойстве около воды и квохчет, зовя их к себе, это тоже совершается по тому же «инстинкту». Собака или кошка «инстинктивно» зализывают свою рану, да и человек, получив укол или ранение, сейчас же «инстинктивно» высасывает ранку и т. д. Таких примеров не сочтешь. Но что же такое это неведомое понятие инстинкта? Почему у курицы нет этого инстинкта лезть в воду? И почему щенки не ищут сосца друг у друга и т. д.? Но если мы скажем, что инстинкт это есть какое-то подсознательное знание прошлых воплощений, завуалированное и неясное благодаря новому, неразвитому еще телу, то все инстинктивные явления приобретут вполне оформленное значение.

То же можно сказать и о термине «способности». В одной семье, у одного и того же отца и матери есть два сына. Одному учение дается легко, а другому очень туго. Обычно объясняют, что один из них «способный», а другой нет. И этот термин требует объяснения. Именно, способность есть завуалированное, подсознательное знание, полученное в прошлые воплощения. Жизненное начало или дух, обладая полным развившимся знанием, не может его ясно и отчетливо передать или выявить через малоразвитое и молодое тело. Эта передача происходит смутно и в общих чертах. При таком объяснении становится опять все ясно и понятно, но для этого нужно признание закона перевоплощения.

О перевоплощениях уже знали в глубокую древность, но церковь первых веков христианства много приложила труда, чтобы уничтожить эти знания. Прочтите из книги Иова § 38 стихи 4 до 21 и вы поймете тогда великий смысл всего творения Господня: «Кто сей, омрачающий Провидение словами без смысла? ... Где был ты, когда Я полагал основание земли? Скажи, если знаешь? ... или кто положил краеугольный камень ее при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? ... Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны? Отворялись ли для тебя врата смерти и видел ли ты врата тени смертей? ... Объясни, если знаешь все это ... Ты, конечно, доходил до границ ее и знаешь стези к дому ее. Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико ...». Эта выдержка сделана из Библии, изданной Русским Миссионерским Обществом 1923 г. В Библии издания Британского и иностранного Общества это место переведено совершенно иначе. Вот еще одна иллюстра-

ция, сколь вольно и искаженно переводились Св. Писания. Где же Истина?

Если бы даже Библия Британского и иностранного Общества была бы более правильным переводом, то и это обстоятельство не могло бы изменить уверенности людей в истинности многократного их рождения и прихода вновь к физической жизни. Закон циклической повторяемости в мире неукоснительно требует и от человека зависимости его от этого же закона. В одну свою жизнь на земле мы не могли бы исполнить слово Христа: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» (Мф. 5 – 48). Правда, это идеал, к которому нужно стремиться, но все же, раз он дан Христом, то возможно, что когда-нибудь и он будет достигнут, иначе Христос и не дал бы его.

В книге пророка Иеремии (в главе 1 – 4) сказано: «И было ко мне слово Господне: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятил тебя: пророком для народов поставил тебя». А я сказал: о, Господи Боже! Я не умею говорить, ибо я еще молод. Но Господь сказал мне: «Не говори – я молод, ибо ко всем, к кому пошлю Я тебя, пойдешь и все, что повелю тебе, скажешь. Не бойся их; ибо Я с тобою, чтобы избавлять тебя», – сказал Господь...».

Нужно ли объяснить это замечательное место Библии? Разве оно не совпадает с великой доктриной Востока и не говорит о перевоплощении? Ведь воля человеческая свободна и насиловать ее никто не может. Она одна может избрать себе свой следующий путь. Но когда в предыдущей своей жизни человеческий дух достиг великих высот и совершенств и занял устойчивое положение в устремлении к правде и добру, то Господь Бог мог предвидеть каковым он может быть в следующей жизни, а потому и осветить этот путь на будущий великий и светлый подвиг.

Кроме того, у Матфея (11 – 14) сказано: «... и если хотите принять, он есть Илия, которому должно придти». Разговор Христа с учениками касался Иоанна Крестителя. И дальше у Матфея (17 – 12) говорится: «Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели...».

Марк же о новом воплощении Илии говорит так (9 – 12): «... правда, Илия должен придти прежде и устроить все... но говорю вам, что Илия пришел и поступили с ним, как хотели, как написано о нем».

Также повествует и Лука (1 – 17): «И предыдет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокорным образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный».

Вот еще места из Евангелия, где указывается на перевоплощение: «Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам, нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия и не получил бы ныне, во время сие среди гонений, во сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной». Марка, 10 – 29, 30.

«И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат, и наследует жизнь вечную». Матфей, 19 – 29.

«Аум», в § 199, комментируя сказанные выше слова, говорит: «Сказано – дано будет много матерей, отцов, жен, сестер, и братьев, даже такое ясное указание не заставит подумать – где такое произойдет? Не хотят подумать о земных жизнях. Самые мудрые Заветы не достигают ушей заложенных».

«Истинно говорю вам, нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для царствия Божия и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущей жизни вечной». Лука, 18 – 29 и 30.

У Марка говорится (3 – 32 до 35): «... вот мать Твоя, и братья Твои, и сестры Твои, вне дома, спрашивают Тебя. И отвечал им: Кто мать Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг себя, говорит: вот мать Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать». Воистину, «когда из мертвых воскреснут, тогда не будут ни жениться, ни замуж выходить...» (М-к 12 – 25), ибо дух беспол, но, каждый воплощающийся дух, может быть другому любому и матерью, и отцом, и братом, и сестрой. Итак, и в этих словах имеется ясное указание на забытое ныне явление перевоплощения. Но закон воплощения втягивает дух в среду родственную ему, а не чуждую, что и видно в указанных выше словах Христа: «... кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат и сестра и мать». Так как влекущие к воплощению силы или токи (по закону Ампера для электричества) одного направления притягиваются, а противоположные отталкиваются.

То же говорится у Матф. (12 – 46 до 50) и у Луки (18 – 19 до 21).

У Иоанна (9 – 2) сказано: «И проходя, увидел человека слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви, кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии».

Теперь рассудим, что это за «дела Божии»? Большинство думает, что «делами Божьими» будет исцеление немощей человеческих Иисусом Христом. Если, действительно, и этот акт можно назвать этим именем, но все же не о таких «делах Божиих» имел в мыслях Христос. Ибо перед этими «делами» должен был бы совершиться совершенно не Божеский поступок. Неужели люди не чувствуют всю жестокость, какую нужно проявить вначале, сотворив этого человека слепым, чтобы после, через много лет, была бы оказана милость Божия в «Его делах» волею Христа? Нет, такой жестокости Бог не может проявить. Только сам человек неразумностью своею, может накликать такую беду на себя. Но «дело Божие» есть совершенствование духа человеческого со всеми качествами и свойствами этого духа, для чего Он, Христос, и принял воплощение на земле, чтобы помочь нам стать действительно «детьми Божиими и наследниками Его» по писанию Павла. Это и есть ВЕЛИКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ всего живущего на земле, ибо земля есть пелена для младенцев.

С эволюцией же проявляется и закон «причин и следствий», как называет его наука. Если по многим причинам этот закон не может настичь сейчас же лицо, породившее известную причину, то следствие настичет этот несовершенный дух в другом воплощении. Только в земных условиях грубый, несовершенный дух имеет возможность созреть и совершенствоваться, поэтому нас и возвращают сюда для труда физического и духовного, в низший класс великой вечной жизни. Но, к сожалению, люди превратно понимают этот закон перевоплощения. Они думают, что умерший человек может быть воплощен в какое-либо животное, и возмущаются этим. Они забывают, что эволюция в общем своем устремлении сопряжена с совершенствованием, а не с регрессом, и потому таких возможностей, как народение в теле животного, нет и не может быть. Видел ли кто-либо часы идущие вспять? Если все они сконструированы так, чтобы двигаться только вперед, как и время, а не назад, то неужели Великие Конструкторы Вселенной не додумались до

того, до чего уже помыслили наши земные часовые мастера? Не умаляйте Великой Творческой Мысли Вселенной до своей непротитительной ограниченности – вот что можно ответить на все выпады и искажения возражателям против закона Перевоплощения.

Но вот и еще места из священного писания, в котором закон перевоплощения проглядывает во всей своей силе: Христос как-то сказал: «Я ЕСМЬ ПУТЬ ИСТИНА И ЖИЗНЬ» (Иоанн 14 – 6). Претворите в себе все эти слова. Следуйте этим Путем, устремляйтесь к вечной Истине и живите Жизнью, в которой отсутствовала бы смерть. Путь не точка и не остановка. Путь – целый ряд точек, ступеней, ведущих к Отцу. Этих точек или ступеней – целая беспредельность, и только у Отца может быть временное завершение этого Пути, светлая и безмятежная Гавань на безбрежном и бурном море, разделяющем нас. Не сотворите себе остановку на какой-либо точке этого Пути, ибо это не была бы Истина и стала бы смертью. Путь непрерывен и беспределен, ибо и совершенство Отца не имеет границ; разве не звали нас к этому совершенству: «будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный»? Зачем остановка на Пути, мираж вместо Истины и завершение нашего Пути остановкой – смертью, а не вечной Жизнью? Человеческие существования – лишь этапы великого Пути, для перегрузки нашего все увеличивающегося багажа, «которого ржа не ест, и моль не точит». Маленькому ослику, с которым мы начали свой путь, не донести до конца пути все увеличивающийся багаж Истины, нужна замена всех средств перевозки, неоднократная и непрерывная, т.е. все более и более приспособленное тело. Точки пути сливаются в линию, багаж Истины растет и множится, и смерть претворяется в жизнь вечную. Возможно ли весь этот великий Путь завершить человеку в одно свое воплощение на земле? – Тысячу раз нет! Эскимоса или папуаса может крестить другой эскимос, подарить ему крещальную одежду и даже, если и в паспорте его он будет поименован «христианином», то все же им он не будет. Младенческий мозг его от крещения не изменится и им он не в состоянии воспринять всех великих истин Христовых и полузвериное сердце его должно еще много раз сменяться пока «изобразиться в нем Христос», согласно словам ап. Павла. И это все лишь этапы, ступени восхода, ибо «от Отца Я исшел и к Отцу Я иду», а не ПРИШЕЛ; хотя «Я и Отец – едино» по сущности, но не по совершенству, ибо «не так как Я хочу, а как Ты». Его этапы, Учителя и Спасителя, уже надземные, а наши –

лишь земные. Он впереди – далеко, возвращаясь опять для помощи отставшим, а мы сзади тянемся, путаясь как тени от впереди идущих, но все же Они – Братья, а потому и «сонаследники» наши. «Могущий вместить, да вместит».

Небезынтересно узнать, что и великий богослов Ориген разделял взгляды всего Востока о перевоплощении, что видно из следующих строк его известной книги «О началах» стр. 311. «Умиравшие здесь обыкновенной смертью распределяются на основании дел, совершенных здесь, так что признанные достойными, так называемой, адской страны получают разные места, соответственно своим грехам. Также, может быть, и те, которые, так сказать, умирают там (на небе), нисходят в этот ад, признанные достойными обитать в различных, лучших или худших жилищах на всем земном пространстве и родиться от таких или иных родителей, так что израильтянин может когда-нибудь попасть в число скифов, а египтянин перейти в Иудею ...»

До 543 года доктрина перевоплощения пользовалась свободным признанием среди христианского общества и лишь с указанного года начались гонения на нее. (Смотри главу поместный собор в Константинополе 543 г.).

В связи с большим интересом, проявляемым населением к вопросу о перевоплощении, поднимается волна противодействия из соответствующего лагеря. Благодаря малому знанию и полной неосведомленности по этому вопросу, растет и множится целая серия «мыльных пузырей». Люди, как дети, любят заниматься войною с мыльными пузырями собственного изделия.

Я уже говорил, что нам – людям воплощаться в будущей жизни в ослов и собак не придется, ибо существующий закон эволюции зовет нас подниматься ввысь, а не снижаться до уровня зверей; хотя, по правде сказать, во многом мы еще не далеко отошли от них. Мы боимся быть внешне схожими с ними, но несколько не заботимся, чтобы и внутренне подальше отойти от них. Затем нам не следует задумываться, в кого бы мог воплотиться Христос и этим праздным вопросом не рушится доктрина перевоплощения, как сообщалось одним из этих воинов.

Мало помнить, но нужно и понять произносимые слова и не извращать их в угоду недостойных целей. Христос сказал: «... дела,

которые творю Я, и он сотворит (человек), и больше сих сотворит» (Иоанн 14 – 12), а потому по поступкам могут познаваться не сущности, а пути этих сущностей.

Христос не есть Эмиль Кюэ – французский известный целитель. Кощунственно даже сопрягать эти два имени, что делается в пылу полемических и недостойных выступлений. Та великая Сущность, которая была воплощена в Иисусе Назаряне, достигшая Божественных высот, не могла, да и не к чему было ей, воплощаться в обыкновенного человека, хотя бы и больших духовных высот, качеств и свойств. «Сын Человеческий, став «Сыном Божиим» и завершив свой великий путь, не нуждается больше в воплощении и жизненной школе. Пришел же Он на землю не как ученик в эту школу, а как величайший Учитель, для помощи и спасения людей. Много нелепостей распространяется в связи с этим новым или, вернее, забытым европейцами учением. Потому всегда нужно твердить, что ко всем явлениям и законам Природы нужно подходить с мерилом целесообразности. Но нет большей целесообразности и закономерности чем та, которая заключается в грандиозном созидании Вселенной. Если же мы что-либо не понимаем и возмущаемся, то причина кроется в узости и ограниченности нашего сознания. Расширяя его, многое прояснится и не будет уже более ни нелепых положений и недоумений, ни недостойных нападок. Знания, больше знания, а если их нет, то необходимо запастись некоторою толикою скромности, ибо ни положение, ни возраст и ни сан не могут оправдать человека за непродуманно брошенные слова.

Если же читатель захочет более подробно ознакомиться с вопросом о перевоплощении, то я прошу его поинтересоваться моей первой книгой «Воспитание духа», где этот вопрос изложен более подробно со всевозможными доказательствами, кои удалось мне собрать. Распространиться же в этой книге о перевоплощении, хотя бы и очень интересному явлению нашей жизни, но все же не отвечающему вполне исследуемым здесь вопросам, и отклоняться я не хотел бы.

В других религиях, более древних, чем христианство, знали тоже закон перевоплощения от других Посланников Божиих – Сынов Его. Но главная беда вся в том, что люди всегда склонны все ограничивать, как малые дети, и приурочивать к своему ограниченному мышлению, а не расширять и обобщать. Чем меньше знаний, тем меньше кругозор, тем уже и мышление. Эгоизм же при этом

ставит себя и свой народ, и свою религию в привилегированное положение в центре всех светлых и великих устремлений Водителей человечества. Поймите же, друзья, истина и великая Правда разлита везде! Она есть в великих просторах от нас до самых отдаленных, едва блещущих звезд, и за ними в таких же немислимых просторах необъятной Вселенной. Она стремится выявить себя в каждом листочке, в каждом цветке и в каждой былинке! Везде рассыпаны жемчужные зерна ее: среди всех Учений, среди всех священных писаний, как и в великой книге Природы!

Иисуса Христа можно назвать и Богом, или, вернее, Богочеловеком, ибо Он и есть таковой по своему величию, могуществу и славе.

Бог Отец – един, но в трех аспектах. Не может один глаз управлять другим, не может одна рука поучать другую, так не может один аспект поучать другой и давать приказания как говорить и поступать. Между аспектами не может быть волевой зависимости друг от друга, а существует лишь гармония и целесообразность. Христос же всегда и многократно выражал свою зависимость от Отца: «Да будет воля Твоя»... «Не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26 – 39), сошел с небес «не творить волю Мою, но пославшего Меня Отца» (Иоанн, 6 – 38).

Не сказано ли в Библии: «создадим человека по образу Нашему, по подобию Нашему...»? Как же понимать этот образ и подобие Божие? Ведь наивно было бы думать, что этот образ и подобие заключается в присутствии органов ненужных верховной Сущности, как: рук, ног, ресниц, зубов и пр. «Бог есть Дух...» (Иоанн 1 – 24), а для духа нужны ли все атрибуты земного человека? «Бога никто, никогда не видел... (1 пос. Иоанна, 4 – 12). Как христианство, так и древний мир знают о нем, что Он Троичен⁹.

---

⁹ На остр. Крите: Иаал – Отец, Астарта – Мать и Адонис – Эшмун – Сын.

В Вавилоне: Эа – Отец, Иштар – Мать и Тамуз – Сын.

В Египте: Озирис – Отец, Изиды – Мать и Гор – Сын.

К Аврааму явились три мужа у дубравы Мамре: Бытие, 18 – 1, 2.

«Хаос, Теос и Космос есть лишь три символа своего синтеза – Пространства»... Из Тайной Доктрины, стр. 428.

Так мы встречаем ее у Платона, который воспринял вполне идеи, перенесенные Пифагором из Индии, собрал и обнародовал их в более доступной форме, нежели подлинные числа самосского мудреца. Таким образом, Космос есть Сын», согласно Платону, имеющий Отцом и Матерью Божественную Мысль и Материю...» «Тайная Доктрина», стр. 431.

«Первая еврейская Триада: Сефира, Хокма и Бина, есть индусская Тримурти...». «Тайная Доктрина», стр. 440, Lateres Coctiles.

И не будет ли это тем свойством, которое и вызвало к существованию выражение: «по образу и по подобию Божьему»?

Христианство ведь признает человека состоящим из Божественного Духа, Души и Тела. Для индусов человек тоже троичен и состоит из Атма – божественного, огненного начала, Буддхи – духовной души или проводника, через которого проявляется Атма и, наконец, Манаса – самосознания или Высшего Разума. То же говорят и другие религиозные Учения в отношении всего облика и сущности человека. Причем тело человека, как оболочка его, хотя и бывает сбрасываема, но более тонкая его часть, невидимая и подчас светоносная всегда сохраняется.

Итак, и наша христианская церковь признает нас троичными, как и Отец наш. Мы, как дети Его, не можем и быть иными, ибо тогда не были бы детьми Его. Но эту нашу троичность нельзя расчленять. Тело без души и духа – прах. Да и проводник без сущности теряет смысл. Нельзя разъединять и троичность Бога на три отдельных сущности единого Бога. Но если мы – люди троичны, то как же можем ограничивать Спасителя, признавая Его лишь вторым аспектом Отца? Как необдуманно Его ограничиваем, ради возвеличения Великого и в силу любви к Нему! Как можно делить неделимое, расчленять нерушимое и из Единого делать Трех?!

Божественная зароненная в нас искра Его Духа, ведь Она одна проявляет движущее Начало для нашего возвышения, очищения и эволюционирования. Куда же в иное место Она может нас привести, как не к Отцу? Не сказано ли в Евангелии от Иоанна 16 – 28: «Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу».

У Матфея (28 – 10) Иисус говорит: «Пойдите возвестите братьям Моим...», да и у Иоанна сказано (20 – 17): «иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему и к Богу Моему и Богу вашему». Мария Магдалина идет и возвещает ученикам, что видела Господа и что Он это сказал ей».

Этими словами высказано столь ясное уравнивание Его – Учителя и Посланника Божия с нами остальными, столь несовершен-

---

В книгах Бытия аккадийцев, как это найдено в клинообразных текстах на вавилонских плитках или *Lateres Coctiles*, и как это переведено Георгом Смитом, мы находим Ану – пассивное Божество или Эйн – Софа; Бэла – Творца, Духа Божия или Сефиру, носящимся над ликом Вод, следовательно, будучи этой самой Водой; и Гею, вселенскую Душу или Премудрость всех соединенных Троиц». Т.Д. 422.

Зохар тоже учит о Троице из Огня, Воздуха и Воды. Т.Д. 428.

ными еще сыновьями Божьими, что можно ли понимать иначе? В противном же случае, у Бога-Христа есть тоже Бог, т.е. у Бога есть Бог и в то же время Он есть Тот же самый Бог, ибо Он един? Не странно ли все это? Вяжется ли со здравым смыслом и не пора ли на грани третьей тысячи лет от Рождества Христова исправить допущенные ошибки и перестать упорствовать, охраняя косность и неподвижность ума и сердца?

Не следует ли нам обратить внимание на то обстоятельство: как называли ученики Христа и с какими словами обращались к Нему? Этими словами были только «Равви» и «Господи». Ведь «Равви» есть только Учитель, а «Господи» – Господин, от слова господствовать. Зачем же приписывать то, что не Истина, и кому это изменение нужно? Сам же Христос всегда называл Себя «Сыном человеческим», придавая значение многократности своего происхождения «от человеков». Так же и Бог назвал пророка Иезекииля (34, стих 1 – 2): «И было ко мне слово Господне: Сын человеческий! Изреки пророчество на пастырей Израилевых... горе пастырям Израилевым, которые пасли самих себя! Не стадо ли должны пасти пастыри?» Этими словами, как: «Сын человеческий» – Христос сопричисляет Себя к пророкам, к посланникам Божиим, но не к Богу.

У Иова (2 – 1) сказано: «Был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господом; между ними пришел и сатана предстать пред Господом...».

Что это за сыны Божии, которые предстали перед Господом и между ними – равными был и сатана?

У него же (38 – 7) говорится, что когда Господь клал основание земли «все сыны Божии восклицали от радости...»

В книге Бытия (6 – 12) говорится: «... Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы и брали их себе в жены, какую кто избрал». Итак, сыны Божии были в начале сотворения человеческого бытия на земле, и не один, а их было несколько (семь согласно св. писаниям Востока) для направления человеческой эволюции нашей земли. И это наименование «сынами Божьими» ничем не связано с каким-то особым рождением их «прежде всех век», а только лишь с восхождением и совершенствованием, и воистину то было «прежде всех век». Но все это нужно только понять, а не упорствовать на букве, превратно понятой.

Во всех спорах предсоборных и во время соборов, прав был и епископ Александр – оппонент Ария, когда говорил, что «Отец не предваряет Сына по бытию», и «Сын сосуществует с Богом нерожденным». Прав и Арий, когда не особенно ему нравившееся слово «рождение», и желая подыскать более подходящий эквивалент, он хочет заменить словом «творение». Но и это определение не вполне нравилось другим отцам.

«...Бог вездесущен и ничего вне Его нет, т.е. будучи всем: и Творцом, и материалом, – то, мне кажется, совершенно безразлично сказать, что он творит, создает или рождает, ибо все эти понятия есть лишь Его выявления. Но каждый, даже земной творец, творит или создает именно духом из самого себя. Человек может быть окружен самыми изысканными материалами, но если огонь творчества в нем слаб, он ничего не создаст. Именно мысль и мыслительная энергия творит». Из писем Е.И.Р.

Прав и Афанасий В., когда он познал в людях начала божественной сущности – духа. Но среди всей этой правды, есть очень много и неправды, вкрадшейся с неправильностью принятой базы.

Как будто в ответ на многие запутанные положения этих бесконечных споров, Ориген поясняет: («О Началах», стр. 59 и след.):

«Известно, что Он (единородный Сын Божий) называется многими и различными именами, смотря по обстоятельствам и по понятию называющих. Так Он называется Премудростью ... Называется Он и перворожденным... и Силюю ... В самом деле, если Бог родил к бытию Премудрость, прежде не существовавшую, то Он не мог родить ее прежде, нежели родил или мог, но не хотел родить. Но этого нельзя сказать о Боге: всем ясно, что то и другое предположение и нелепо, и нечестиво; в том и другом случае обнаруживается, что Бог или возвысился из состояния неспособности в состояние способности, или же, при предположении Его способности – Он медлил и откладывал родить Премудрость. Вот почему мы всегда признаем Бога Отцом единородного Сына Своего, от Него рожденного и от Него получающего бытие, однако без всякого начала... Итак, должно верить, что Премудрость рождена вне всякого начала, о каком только можно говорить или мыслить... Итак, когда говорится, что Премудрость есть начало путей Божиих и что она сотворена, – это, по нашему пониманию, значит, что Премудрость предназначает и содержит в Себе начала всей твари. Также должно понимать и наименование Прему-

дрости Словом Божиим, а именно в том смысле, что Премудрость открывает всем прочим (существам), т. е. твари, познание тайн и всего сокровенного, содержащего внутри Божией Премудрости: Она называется Словом потому, что служит как бы толкователем тайн духа...»

«Этот Сын есть истина и жизнь всего существующего – и по справедливости. В самом деле, каким бы образом могли жить все сотворенные существа, как не благодаря только Жизни? Или как стояли бы они в истине, если бы не происходили от Истины? Или как могли бы быть разумными существами, если бы прежде них не существовало Слово, или Разум? Или как они мудрствовали бы, если бы не было Премудрости?»

«Сыны человеческие, видимые нами, или дети других животных соответствуют семени своих отцов или матерей, в чреве которых они образуются и питаются; от них они имеют все то, что приносят с собою при появлении на этот свет. Но сравнивать Бога Отца, в рождении едиnorodного Сына Его и в даровании Ему бытия – с каким-либо родителем из числа людей или других существ – и нечестиво, и беззаконно. Рождение Сына есть нечто исключительное и достойное Бога; для него нельзя найти никакого сравнения не только в вещах, но и в мысли, и в уме, так что человеческая мысль не может понять, каким образом нерожденный Бог делается Отцом едиnorodного Сына. Ведь это рождение – вечное и непрерывающееся от света. Ибо сын не есть Сын по усыновлению извне через Святого Духа, но Сын по природе... Он есть невидимый образ невидимого Бога... Этот образ заключает в себе единство природы и сущности Отца и Сына... Как воля происходит от ума, и при этом не отделяет от него никакой части и сама не отделяется от него, подобным же образом, нужно думать, и Отец родил Сына – этот свой образ; следовательно как Сам Он по природе невидим, так и образ родил невидимый... Сын Божий, который называется Словом Божиим и Его Премудростью, один только знает Отца и открывает Его тем, кому желает, т.е. тем, которые могут сделаться способными к восприятию самого Слова и Премудрости... Сын Божий, вселившись в малейшую форму человеческого тела, отобразил в себе неизмеримое и невидимое величие Отца, вследствие сходства с делами и силою Его. Вот почему Он и говорил Своим ученикам: «видевший Меня – видел Отца» (Иоанн 14 – 9). «Я и Отец одно». В этом

же смысле нужно понимать также и слова: «Отец во Мне и Я в Нем» (Иоанн, 10 – 30 и 38).

Итак, все существующее в необъятной вселенной, все видимое и невидимое во всей своей совокупности есть Бог. Ничего иного кроме Бога нет, ибо Он везде и все собою наполняет. Но это Все, с нашей земной точки зрения, есть видимое и невидимое, по причине особого устройства наших глаз, воспринимающих только определенного рода волны, а на самом деле весь великий Мир – один. Видимое рождается из невидимого; и все видимое как крошечные крупинки появляются и исчезают в необозримом и необъятном мировом просторе, совершая свою планетную эволюционную задачу. В любой астрономической книге или космографии можно познакомиться с вопросом зарождения и исчезновения миров.

«Материя есть Дух», как сказано в индусском учении Живой Этики в книге Аум в § 209. К этому выводу – к единству всего – подходит и наша наука в своем устремлении в разложении материи на энергию – силу.

По учению Оригена вечно нарождающееся к бытию есть Премудрость, Сила Божия, Бог – Слово и едиnorodный Сын Божий. Бог есть все, и едиnorodный Сын Его есть тоже все вступающее или проявляющееся к бытию.

Это порождение или проявление совершается через материю – Матерь, облакающую нарождающийся дух телом его. Вне материи нет зарождения, нет проявления к физическому бытию. Без материи, без облачения материей не может проявиться и сила; не может она вступить в Бытие из потенциального состояния в кинетическое.

Таким образом происходит вечное зарождение едиnorodного Сына, силою Духа и Материи, которое согласно Оригену и нашей науке, творится Вечно. Из этих понятий ясно выступает сущность Св. Троицы: Дух, Материя и Сила, – но это есть три аспекта единого Бога. Много люди толковали и писали про Отца, Сына и Духа, много спорили, судили и рядили о том, прибегая к различным терминам и определительным и, в конце концов, достигли лишь того, что окончательно спутались сами, запутали других и перепутали термины, определяющие аспекты единого Бога.

Дух обладал Премудростью – Мыслью – Словом, но мысль и слово есть сила и все это было у Бога.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн, 1 – 1). Мысль – Слово, изреченное Богом, порождало Мира, всю Жизнь на них.

Дух един и везде проявляется бытие Его, но в различных состояниях: дух кристалла, растения, животного, человека и Богочеловека. Каждому такому состоянию соответствует и соответствующая оболочка из материи: грубой, менее грубой, невидимо-утонченной и даже светоносной.

«Как на небе вверху, так и на земле внизу» (Втор. 4 – 39). Как вечно Бог рождает Сына, так же и мы порождаем или воплощаем молекулярные духи наших кровеносных шариков, кои растут, питаются, размножаются и эволюционируют, как и все остальное в Мире, каждый со своим духом. Это такой же великий мир, но, в отличие от Космического, зовется молекулярным. Где границы таких миров? Где пределы эволюции? Нам знакомы лишь начало и конец отдельных стадий или этапов восхождения. Мы знаем много случаев перехода за грани этих стадий всех существ, совершающих свой жизненный путь. Как тогда назвать человека, перешедшего за грань человеческую? И почему великое совершенство человека, показавшего при завершении последнего своего жизненного этапа всю свою подготовленность к иной высшей ступени, или к жизни более высокой и возвышенной, чем земная жизнь, не может носить именование Богочеловека? Ведь как подход, как преддверие к этому понятию говорит и апостол Павел: (Рим. 8 – 17) «... МЫ ДЕТИ Божии, а если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться».

Теперь обратимся от догматической стороны к фактам историческим.

Во время спора Ария с епископом Александром духовенство раскололось на два лагеря. Желая ликвидировать этот раскол, Александр собрал местный Собор и отлучил Ария, а вместе с ним 9 диаконов и 2-х епископов. Арий обратился за защитой к Евсевию Никодийскому, который собрал контр Собор, на котором отлученных приняли вновь в Церковь. Положение обострилось еще больше. По этой причине был собран в Антиохии новый Собор в 324 г. в составе 56 епископов. Этот Собор вновь осудил Ария, а вместе с ним затронул и других лиц, доброжелателей Ария.

І ВСЕЛЕН. СОБОР В НИКЕЕ (325 г.)

Чтобы умиротворить разгоравшиеся страсти, император Константин отправил увещательные грамоты к Арию и Александру с Осией, епископом Кордубским. «Этот епископ прибыл с Запада, где уже давно приобрел большое влияние на Константина и играл выдающуюся роль во всех церковных делах той эпохи. Осия произвел расследование на месте, но не добился примирения. Вероятно, главным образом по его представлению, Константин решил созвать «Великий Собор» (I-ый вселенский), хотя нет нужды настаивать на этой мысли. Дело донатистов на Западе научило уже императора, как надо гасить церковные распри».

Число епископов на Соборе в Никее 325 – 328 г. было около 300 – 318. «Лиц партии (из сторон. Ария) объединяла скорее общность образования, чем согласие по данному вопросу. Партия пользовалась симпатиями Констанции, сестры Константина, а через нее влиянием при дворе».

«Другую группу образовали ярые противники арианства. Их было тоже немного...»

«Самую обширную группу на соборе составляли епископы, не получившие значительного образования».

«Наконец, последнюю группу составляли лица умеренных податливых взглядов, стоявшие под влиянием воззрений Оригена... Воздем ее можно назвать Евсевия Кесарийского... Стали вырабатывать формулу для выражения учения большинства отцов собора. Это оказалось нелегким делом. Ариане принимали все выражения, но истолковывали их по своему... В это время выступил Евсевий Кесарийский с предложением принять символ своей церкви. Но было уже поздно. Император Константин произнес слово $\mu\eta\tau\alpha\lambda\eta\tau\eta\varsigma$ – единосущный. Оно было принято и внесено в символ Евсевия...»

А.П.Лебедев, профессор Московского Университета, так описывает этот собор в своей книге «Вселенские соборы IV и V веков».

«Первый вселенский собор долгое время не был признаваем во многих церквях округов антиохийского и константинопольского; второй вселенский собор, хотя и утвердил авторитет первого вселенского собора, но в свою очередь не был принят многими церквями, каковы александрийская, иерусалимская, римская». Стр.11.

«Догматический вопрос, занимавший внимание отцов Никейского первого вселенского собора, состоял в том: нужно ли прирав-

нивать Сына Божия Богом, равночестным с Богом Отцом, или лишь совершеннейшею из тварей, или же хотя и признавать Его Богом, но Богом неравного достоинства с Отцом». Стр. 17.

На соборе образовались две партии: православная и арианствующая. «Первая партия состояла из героев веры... они веровали, как и чему учила церковь, не вдаваясь в тончайшие исследования; они так веровали, и этого для них было достаточно. Для партии противоположной они казались простецами и даже «невеждами». О них Софомен (историк) замечает: «одни (из отцов собора) чуждались нововведений в вере, преданной издревле, и это именно те, по словам историка, которым простота нравов внушала без хитрости принимать веру в Бога». Эти члены собора вполне подчиняли свой разум святой вере... «Мы бесхитростно веруем; не трудись понапрасну отыскивать доказательства на то, что постигается (только) верою». «... Неизъяснимый образ бытия едиnorodного Сына Божия превышает понятие не только евангелистов, но и ангелов. Потому не считаем благочестивым того, кто осмеливается простирать свою пытливость до исследования (сей тайны), не внимая словам Писания: «...высших себе не ищи, крепльших себе не испытай». Стр. 3 – 21). Разве только одно безумие решится подвергать исследованию Упостасное бытие Сына? Пророческий дух о Нем прямо сказал: род же Его кто исповесть» (Ис. 53 – 8). Да и Сам Спаситель наш... возвестил, что разумение сей Божественной тайны выше сил сотворенных существ и ведение о ней принадлежит только единому Отцу: «Никто же знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает токмо Сын» (Мф. 11 – 27). Стр. 19 – 20.

«Итак, при открытии Никейского собора на нем было две партии: партия православных и партия арианствующих. Последняя подразделялась на две группы: на приверженцев Евсевия Никомидийского и Евсевия Кесарийского. Если об арианах известно, что они считали Оригена своим главою, то это больше всего могло иметь место в среде последователей Евсевия, в среде полуариан. Главные представители этого богословского направления (считая в том числе и Ария) вышли из школы христианской антиохийской; почти все они считали пресвитера Лукиана основателем этой школы, своим учителем». Но о Лукиане мы почти ничего не знаем.

Далее Лебедев приводит мысли историка Софомена, а частью свои, но отделить их друг от друга трудно. «Вообще партию собора, противоположную партии православных, можно назвать либе-

рально-рационалистической. В числе лиц этой партии естественно можно было бы встретить много образованных богословов, много писателей церковных; но из них же, естественно, выходили открытые еретики, поскольку они не полагали должных границ между разумом и верою». Стр. 23.

«Веру хотели подчинить знанию. Они стояли за религиозное знание и невысоко ценили простую веру. С критикой и анализом вступали они в область религиозных вопросов. Если партия православных утверждала, что должно веровать тому и так, чему и как веровала церковь раньше того, издревле, то представители арианствующей партии хотели переисследовать и то, что считалось общепризнанным в силу авторитета древности (?). Они Утверждали, что древнейшим мнениям (в области веры) не должно следовать без проверки их. Древние отцы церкви, авторитет церковного предания не имели в их глазах никакого значения». Стр. 22.

Почему люди, приводя тексты писания, забывают другие тексты, которые говорят не в их пользу? Иоанном (5 – 39) сказано: «Исследуйте Писания, ибо вы думаете через них иметь жизнь вечную, а они свидетельствуют о Мне». В I послании к Фес. (5 – 21) сказано: «Все испытывайте, хорошего держитесь». А у Иак. (1 – 3) говорится: «Зная, что испытание вашей веры производит терпение». Если мы дети Божии и наследники Его, согласно слов Павла, то на нашей обязанности лежит возрастать и возвышать все стороны нашего духа, а к этим сторонам, конечно, относятся и наши знания. Да и природа, послушная Божественному закону, постепенно, шаг за шагом раскрывает людям великие тайны свои. Неужели противники знания не замечают этого великого шествия духа человеческого? «Рука Создателя в движении всегда, потому все движется» (II часть Л.С.М. VIII § 12). Да и нам не пристало плесневеть в 2-х тысячелетнем покое. Ведь такому «исследованию и испытанию» подлежат и всяческие неясные и непонятные термины и понятия, как: вера, Упостась, жизнь вечная и.т.д., – но об этих понятиях я уже говорил в свое время. Призыв же людей к «простой вере» есть призыв к ничему неделанию, к застою, к смерти и разложению духа, ибо в природе нигде не может быть застоя. Нужна вечная работа, труд и устремление к постоянному постижению и продвижению вперед.

Если развить свое сознание, то многое воспринимается иначе, более глубоко и широко, тогда и тексты, на которые ссылаются представители «простой веры», покажутся иными. Например, взя-

тый выше текст Сир. (3 – 21) говорит о недопустимости испытывать высших и светлых Сущностей в их терпении, мощи и знании, но ни в коем случае не в испытании правильности своего понимания и постижения. Именно, их то постоянно «испытуй» и без этого качества мы никогда не станем на правильный путь.

Что же касается текста Исаи (53 – 8), то просмотрев внимательно о ком говорится в этой и предыдущей главе (52 – 13), окажется, что все пророчество Исаи идет о великом рабе: «Вот раб Мой будет благоуспешен, возвысится и вознесется, и возвеличится...» Если мы люди – рабы Господа, то может ли быть один Господь рабом другого Господа и, в то же время, «единосущным Ему»? Нет, с «простою верою герои ее» воистину доходили до абсурда, как «самосожигатели», хлысты, скопцы, дырники и т. д. И опять можно сказать: «слепые вожди слепых» (Мф. 15 – 14). Куда же дальше идти этой «простоты» и где должны быть границы ее? Больше света и знания во все проявления нашей жизни! Каждый авторитет, как древний, так и современный, в силу своего человечества, мог сделать ошибку и которой, вошедшей в общее употребление, неужели нельзя коснуться ради очищения и исправления? Так действует мрак и невежество, в силу своей лени затрачивать свой труд для изучения и внесения света в столь важную область нашей жизни, как религия.

Правильно также было сказано, что только безумие решится теперь в нашем состоянии исследовать Ипостасное бытие Сына. Но и эти слова можно распространить на всех сынов Божиих, ибо и о себе мы ровно ничего не можем узнать. Также, кто может отвергать слова Христа «Никто не знает Сына токмо Отец, ни Отца кто знает токмо Сын»? Коснуться в пояснении глубже этих слов – нельзя, ибо не для всех пока их сокровенность: чтобы перейти к твердой пище, нужно сначала привыкнуть желудку младенца к чистому молоку без примеси воды, которую подливают для совершенно малых детей. Именно, нужно освободить молоко от воды, перестаньте принимать, как принимали в древности пищу, только годную для младенцев, и постепенно переходите к твердой пище. Но все же скажу, что для того, чтобы познать сыну отца своего, то для этого нужно сыну возрасти, а в младенчестве своем он знать, конечно, не может; а мы ведь еще младенцы и до сих пор еще не перешли от молока к твердой пище, и понятия о ней еще не имеем. Вот доводы, коими хотели и теперь еще хотят обрубить все человеческие устремления к познанию и движению вперед.

Главными источниками для разъяснения вопроса: при каких условиях и обстоятельствах утверждено истинное учение на Никейском соборе, – служат сочинения двух древних писателей: Евсевия Кесарийского и св. Афанасия Великого. Первый сообщает сведения по данному вопросу в послании к Кесарийцам в Палестине, своим пасомым, второй – в двух сочинениях: «об определениях Никейского собора» и «к епископам африканским». Стр. 30.

«Нужно полагать, что к символу строгих ариан с негодованием отнеслась не только партия православных, но и приверженцы Евсевия Кесарийского, так как и эти последние никогда не употребляли терминов: «Сын тварь» и пр. Отвержение символа Евсевия Никомидийского значит (?) было единодушным со стороны прочих членов собора. Со свитком, на котором написан был символ, поступлено как он вполне заслуживает того: он был разорван в клочки». Стр. 29.

«Главное основание, почему собор так единодушно (?) и решительно отверг символ Евсевия, заключается в том, что ни одного подобного выражения, какие находились в нем: «Сын тварь и сын изменяем», – нельзя находить в св. Писании». Стр. 30.

«Евсевий (Кес.) и Афанасий в своих показаниях противоречат один другому. Евсевий утверждает, например, что главным решением спорного вопроса был никто другой, как император Константин; в его уста он влагает важнейшие объяснения, которые и вошли в символ Никейский; притом же, по Евсевию, в основу редакции Никейского символа был положен символ его собственный, лишь с некоторыми изменениями и дополнениями... По Афанасию догматическая деятельность собора, поскольку она выразилась в составлении символа православного, принадлежала исключительно отцам собора, причем, императору не усваивается никакого значения в деле... Что касается до сказанных сочинений Афанасия, взятых самих по себе, то хотя они доставляют очень важный материал для внутренней истории Никейского собора, однако ж в некоторых отношениях возбуждают сомнения касательно точности и достоверности сообщаемых ими сведений... они писаны спустя 25 и 35 лет. Трудно допустить, чтобы подробности соборных рассуждений ясно сохранились в памяти писателя спустя такой долгий промежуток времени... Научное пользование известиями Афанасия об обстоятельствах, при каких составлено было изложение веры, требует, по нашему мнению, строгой критики». Стр. 31.

После того, как «отвергнув этот символ (Евсевия Никомид.), как несогласный с изречениями св. Писания, отцам надлежало в противоположность заблуждению выразить истинное учение о Сыне Божием, они обращаются к св. Писанию и в нем хотят найти выражения, которые с ясностью говорили о Божестве Сына Божия и которые бы, поэтому, следовало ввести во всеобщее употребление, через внесение их в вероопределение. Но эта попытка отцов собора была неудачна, как это вытекает из показания Афанасия. Нельзя было найти ни одного выражения в св. Писании относительно Божества Сына Божия, которое бы или последователи Евсевия Никомид. или приверженцы Евсевия Кесар. не истолковывали в пользу своих неправославных доктрин...». Стр. 33.

«Так, прежде всего, епископы православные предложили было включить в имеющее составиться вероопределение выражение – «Сын от Бога», принимая во внимание свидетельство Евангелия Иоанна (1 – 14 и 18). Выражение это, к радости православных епископов, принято было всеми единодушно. Т.е. как приверженцы Евсевия Никомид., так и приверженцы Евсевия Кесар. готовы были принять выражение без противоречий. Но оказалось, что согласие на принятие его было не искренним, а лицемерным... Они принимали его только потому, что ведь и все от Бога, все творения от Бога, ибо апостол говорит: «един Бог, из него же вся» (1 Кор. 8 – 6), – или тот же ап. говорит: «всяческая от Бога» (2 Кор. 5 – 17 и 18). Тогда партия православных епископов вынуждена была отказаться от предложенного выражения и искать других изречений в Писании, которые бы ясно заключали православную мысль о равном Божеском достоинстве Сына с Отцом.

Отцы предложили было именовать Сына не просто Богом, но истинным Богом, согласно с тем, как Он назван у апостола Иоанна (1 посл. 5 – 20). Казалось, это выражение прямо обозначало совершенное Божество Сына Божия. Но опять открылось, что арианствующие готовы принять и это изречение, как выражающее истину, но придавали ему свой смысл. Оказалось, что ариане называют Сына истинным Богом, утверждая, что если Сын сделался Богом, то, конечно, Он истинный Бог. Задача отцов церкви выразить православное учение о Божестве Сына Божия чрезвычайно затруднялась. Со стороны их предложено было и еще несколько библейских терминов, которые, казалось, хорошо могли служить цели; но снова оказывалось, что все эти термины ариан-

ствующие епископы с большим удобством приспособляли к своим понятиям.

Так отцы, желая выразить мысль, что «Сын всегда нераздельно с Отцом и в Отце пребывает», предложили принять всем выражение: «в Нем (Отце) Сын пребывает», – без сомнения имея в виду первые слова Евангелия Иоанна. Но и это выражение оказалось недостаточным; арианствующие находили, что и к людям приложимо подобное свойство, ибо сказано в Писании: «о Нем бо живем, движемся и есмы». (Деян. 17 – 28).

Затем отцы хотели было противопоставить арианству выражение: «Слово есть истинная сила Божия», – так как силою Сына Божия называет и апостол (1 Кор. 1 – 24); открылось, однако ж, что арианствующие и эти слова находили благоприятными для себя, доказывая, что и гусеница, и саранча называется в Писании силою и даже силою великою (Иоиль 2 – 25), и то же самое, – говорили ариане в свою пользу, – неоднократно написано и о людях, например: «изыде вся сила Господня из земли Египетския» (Исход, 12 – 41).

Отцы хотели было отразить арианство, внесши в вероопределение выражение, употребленное (Евр. 1 – 3) апостолом: «Сын сияние славы и образ Ипостаси Его (Отца); но ариане и под это выражение подкладывали свой смысл, находя, что в св. Писании и о каждом человеке говорится то же самое: человек есть образ и слава Божия» (1 Кор. 11 – 7). Таким образом, усилия отцов найти термин, выражающий точнее мысль о божественном равенстве Сына с Отцом и заключающейся в Писании, вначале (!?) оставались тщетными ... Ариане большую часть терминов, наиболее ведущих к цели, истолковывали в пользу своих интересов, опираясь тоже на «Писание». Стр. 34 и 35.

«Итак, стремление отцов собора, или православной партии его, выразить истинное учение о Сыне Божием и равенстве Его С Отцом библейскими изречениями решительно не увенчалось успехом. Сторона православных испытывала затруднения».

«При таких обстоятельствах выступает на сцену третья фракция собора, умеренно арианская. Во главе ее, как нам известно, стал Евсевий Кесарийский, человек в одно и то же время и ученый, и изворотливый. Он предлагает собору уже готовый символ, который стоило только утвердить общим согласием членов собора, и догматической деятельности отцов наступил бы конец ... Чтобы найти себе сочувствие в не менее многочисленной партии умеренных

ариан, почитателей богословствования Оригена ... наконец, чтобы угодить группе богословов арианских ... он внес в свой символ общие места, которые могли обращать в свою пользу евсевияне, вкладывая в них свой смысл ... В этих его целях символ начинался следующими словами: «Мы сохраним и исповедуем веру так, как приняли от предшествующих наших епископов, как научились ей от Божественного Писания, как соблюдали и исповедывали в пресвитерстве, а потом в епископстве». Спорный пункт об отношении Сына Божия к Отцу изложен в символе в выражениях, хотя и библейских, но слишком широких и общих. «Веруем во единого Господа И. Христа, Божие Слово, Бога от Бога, Свет от Света, Жизнь от Жизни, Сына едиnorodного, перворожденного всея твари, прежде век от Отца рожденного ...» Все это так или иначе допускали и крайние ариане, – но не определялась степень близости Сына к Отцу, а это-то и было главным вопросом в спорах ... Стр. 37.

«Символ прочитан перед лицом собора. Водворилось молчание, которое Евсевий принял за знак общего одобрения ... Наконец, император Константин прервал молчание и выразил свое полное одобрение символу, заявив, что он сам также мыслит и желает, чтобы и все так же мыслили. Евсевий торжествовал ... Но затем император предложил, чтобы сделана была прибавка к символу, прибавка одного слова, и, однако ж, эта прибавка должна была обратить в прах все начинания Евсевия. Константин предложил, чтобы внесено было в символ слово $\mu\eta\tau\alpha\theta\epsilon\omicron\upsilon\sigma\alpha\mu\epsilon\omicron\varsigma$ единосущный, для определения отношения Сына Божия к Отцу ...

Если же, однако, Константин действительно первый провозглашает на соборе $\mu\eta\tau\alpha\theta\epsilon\omicron\upsilon\sigma\alpha\mu\epsilon\omicron\varsigma$, то в этом случае он, действительно, не сам по себе, но под влиянием партии православных, которая внушила ему и самое слово ... Поэтому правы и те древние писатели, которые утверждают, что никто другой, как именно епископы собора провозгласили и утвердили термин $\mu\eta\tau\alpha\theta\epsilon\omicron\upsilon\sigma\alpha\mu\epsilon\omicron\varsigma$. Таким образом, слава церкви ничего не теряет от того, если действительно термин $\mu\eta\tau\alpha\theta\epsilon\omicron\upsilon\sigma\alpha\mu\epsilon\omicron\varsigma$ первый произнес на соборе император, мирянин и еще не крещенный ... Епископы прямо от своего лица не решились предложить (это) слово собору, потому что боялись бесконечных споров... Ариане могли говорить, и по-видимому с правом, что это слово не должно быть принято, потому что его нет в Писании ... Но торжествующая партия православных не ограничилась одним этим. Пользуясь уступчивостью (обескураженных) оппозицион-

ных епископов, она берется пересмотреть весь символ Евсевия и улучшить его ...». Стр. 30 – 41.

«Вследствие этих поправок и изменений символ Евсевия решительно потерял свой первоначальный характер ... Этого мало. Собор приложил в символу анафемирование, которое объясняло, куда клонились выражения, внесенные в вероизложение, так чтобы не оставалось и тени сомнения и возможности кривотолков».

«Двое египетских епископов отказались подписать Никейский символ; а Евсевий Никомидийский и Феогнис Никейский, подписав символ, отказались скрепить своим подписом анафемирование, приложенное к символу». Стр. 42 – 44.

Эту главу Лебедев так заканчивает: «Истина восторжествовала на соборе, но должно было пройти немало времени, прежде чем она достигла общецерковного признания». На стр. 27 его книги сказано: «Дух Божий установил согласие епископов». При этом сделана ссылка в примечании на историка Сократа.

Итак, истина восторжествовала, но так ли это? Ни в одной области человеческих знаний нет таких неожиданных выводов и заключений, как среди богословия. Тот уход и уклон от официальных догм наиболее развитых и мыслящих лиц уже сами по себе показывают, как восторжествовала эта «истина». Эта истина будет торжествовать до тех пор, пока будут существовать темные массы, берущие все на веру, «простою своею верою» весь этот материал человеческого затмения.

Только бессилием мудрых перед темными массами, отчаянием носителей света перед непроходимым мраком и пролазничеством к трону земных царей было вызвано это погашение последней искорки божественного огня знания и подписание акта бездарности и возвешенного невежества. Но «кто имеет уши слышать, да слышит» (Мф. 11 – 15) и в других комментариях этого собора не нуждается.

Далее А.П.Лебедев, в главе о географическом распределении защитников и противников Никейского собора коснулся роли, какую играли такие великие отцы церкви, как: Василий Великий, Григорий Богослов, Афанасий Великий, Григорий Нисский и др., – не коснувшись совершенно Иоанна Златоуста. Лебедев попутно приводит некоторые выдержки из их писаний, касающиеся взглядов и их отношений к арианству. Все они были противниками арианства в различной степени с Афанасием во главе. Это тем более замечательно, что как Василий, так и Григорий «ревностно изучали

самого главного представителя александрийской школы – Оригена». «Сделали сборник из его сочинений с именем Филокалия», «Собирали книги Оригена и по ним учились экзегису». Арианство же усердно черпало свои знания тоже из Оригена, который по своим взглядам, как мы видели, был ближе к арианам, чем к никейцам.

Как же можно быть, в таком случае, сторонником Оригена и яростным противником арианства?

Конечно, разрешить этот вопрос, я думаю, будет чрезвычайно трудно, ибо мы видели, как сильно переделывались и изменялись, а то и просто уничтожались, целые сочинения, не нравившиеся чем-либо нашим отцам. Кроме того, мы знаем, как трудно проложить себе путь всякой мысли, не отвечающей сознанию масс, даже для человека возвышенного по своим взглядам и чистоте своих устремлений, и если привычка с малых лет ведет этого человека по определенному пути. Рожденный в лютеранстве или католичестве, или православии, буддизме и т. д. лишь в очень редких случаях изменит свои религиозные взгляды, и причина тому только лишь привычка! Думаю, что в известной доле будет это объяснение приложимо и к данному случаю.

Можно ли допустить, чтобы среди одной группы епископов собора существовало какое-то высшее чувство «простой веры», которое приближало бы их к постижению сокровенных истин, а у других этого чувства не было бы? Нет, это допущение ошибочно, ибо все качества человеческие, и в особенности исключительные, к которым нужно, конечно, присоединить и интуитивное постижение истины, развиваются долгой и усиленной работой над ними, своего рода тренировкой. Такой особой работы над развитием этого качества у епископов Никейского собора не было. Но воспитаны в условиях православной веры они были. Если бы тот же Афанасий Великий был с детского возраста воспитан в вере браминов или магометан, то, в конце концов, он и был бы таким же ревностным брамином или магометанином, каким стал православным. Все дело в привычке к определенным воззрениям. В словах, все время раздававшихся на соборе: «мы верим, как нас учили», или «мы верим, как веровали отцы», – звучит признание великой силы привычки, а не какого-то высшего качества постижения истины.

Только широта сознания человека может охватить интересующее явление со всех сторон и, благодаря этому, подведет нас ближе к постижению истины. Ею – великою мыслью ведь положено творение

вселенной: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». (начало еван. Иоанна). «И сказал Бог: да будет твердь...». Слово без мысли не может породиться, потому и творение без мысли невозможно. Мысль творит и разрушает; как же отцы требуют отказаться от мысли и только лишь в силу своих привычек?

В заключение описания этого собора можно привести выдержку из «Real Encyklopadie» (в VIII, 212 – 230, 1881г.) известного исследователя Алфреда Гарнака под заглавием: «Константинопольский символ»:

«Никейский символ, оригинальный текст коего может быть восстановлен на основании самых лучших источников, составлен ... под давлением императорской воли и явился, благодаря моральному (?) преобладанию маленькой александрийской партии. Те предварительные обстоятельства, которые в заключение привели к победе сторонников александрийской партии и к составлению и принятию символа, остаются в темноте, потому что Евсевий умышленно хранит молчание, оставляя скрытыми ближайшие обстоятельства дела ...» Лебедев, стр. 312.

Никейский собор помимо «Арианской ереси» был занят также канонизацией евангелий. После трехсотлетнего существования церкви, каждая церковь обладала своими записями о жизни Иисуса Христа и Его Учения. Таких записей было невероятное множество. Нужно было привести все эти версии о жизни Христа к какому-либо единообразию. И вот этой работой занялся Никейский собор. Конечно, эта сложная и трудная работа требовала бы для своего разрешения больших знаний и кропотливой и долгой работы. Но такими силами и возможностями собор не обладал. Как было поступлено для разрешения этого вопроса – об этом говорится в брошюре «The Life of Buddha and its Lessons» Г.С.Олькотта. Выдержку из коей я и привожу. Конечно, эти сведения не служат светлым ореолом для состояния тогдашнего духовенства, и потому подобные записи уничтожались елико было возможно церковью, а с другой стороны, замалчивались всеми, кто не хотел навлекать на себя неприятности со стороны всемогущих владык церкви. Обычно возмущаются фанатизмом мусульман, когда шейх Омар уничтожил Александрийскую библиотеку, только потому, что в ней сохранено было множество свитков разных знаний, коих нет в Коране, а потому все это было ересью, по мнению Омара. Но наши лицемеры будут замалчивать зарева пожаров от костров «святой» инквизи-

ции, уничтожавшие великое достояние человеческого знания. Долог список преступлений, совершенных против блага человечества, долог лист мучеников знания и света.

Постоянные отступления церкви от Учения Христа во имя своей власти завершились, в конце концов, полной отменой этого Учения и учреждением ею Инквизиции.

Но такие светлые имена, как: Джордано Бруно, Галилей, Иоанн Гусс, Жанна д'Арк – останутся в памяти человечества, как огненные свидетели против церкви, великого зла и нетерпимости в века Инквизиции.

В указанной выше брошюре говорится следующее: «Ко времени Никейского собора, созванного для разрешения споров среди некоторых епископов и для рассмотрения трехсот более или менее апокрифических евангелий с целью канонизирования их, евангелий, которые читались в церквах, как Откровение или вдохновенные Писания, – жизнь Христа достигала апогея нелепого мифа. Мы можем видеть некоторые из этих образчиков в существующем апокрифическом Новом Завете, но большинство их сейчас уже утеряно. То, что сохранилось в настоящем Каноне, несомненно может рассматриваться, как наименее предосудительное. И тем не менее, даже такое заключение не должно быть принято слишком поспешно, ибо вы знаете, что Сабин, епископ Герака, лично выступавший на Никейском соборе, утверждал, что «за исключением Константина и Сабиния, епископа Памфилии, все прочие епископы были неграмотными, ничего непонимающими людьми («тварями» – в изложении Сабина)»¹⁰. Папий же в своем «Синодиконе», относящемся к этому Никейскому собору, открывает нам тайну, что Канон не был утвержден путем тщательного сравнения нескольких евангелий, представленных им, но решение было принято на основании лотереи. «Представители собора, – говорит он, – сложили в кучу все книги, представленные собору на решение, под престол церкви, а затем епископы обратились к Господу, прося Его, чтобы вдохновенные Писания оказались на престоле, а все подделки остались бы под ним, – так оно и случилось». Конечно, совершилось это не без помощи какого-либо более ревностного и умного члена собора, ибо он знал, что Бог никогда не шел лени и невежеству навстречу.

---

¹⁰ Быть может Сабин несколько преувеличил неграмотность епископов, но общая характеристика верна, если судить по их поведению на соборах.

II ВСЕЛЕН. СОБОР В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (381 г.)

«Через три года, – пишет Андреев, – после этого собора, произошел крутой перелом. Арий и его друзья, Евсевий и Феогнис, отправленные в ссылку, были возвращены. Наоборот, наиболее видные защитники Никейского символа отправились в ссылку... Евсевий и Феогнис получили свои кафедры. Как все это произошло – подробностей не знаем... Все же православные впоследствии старались ретушировать события так, чтобы не омрачить памяти Константина В... Как сказано, он предложил на соборе формулу западную и настоял на ее принятии. Пурпурная мантия и диадема императора сделали свое дело: большинство захолустных простецов-епископов склонилось перед авторитетом императора... (Пос. к истор. Церкви Андреева стр. (524 – 535).

Но и этот собор, как мы видели, не дал объединения. Восточные епископы отошли от постановлений Никейского собора в 334 г.

«На Антиохийском соборе 339 – 342 г., имевшем несколько сессий, были преданы анафеме Саввеллий и Маркелл Анкирский. Отцы собора в то же время решительно заявляют, что они не последователи Ария и, если приняли его, то не потому что поддались ему. Они подвергают анафеме выпуклые моменты его доктрины». (Стр. 539).

Как совместить искание истины всеми этими иерархами церкви и забывающими прямое указание Христа, кого они называют Богом и 2-м лицом Св. Троицы? Ведь Христос говорит: «А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». (Матф. 6 – 44). После таких постановлений соборов, могут ли они быть авторитетны для всего христианства?

«Когда все это происходило, позиция Запада была иная: там оправдали и приняли в общение осужденного на Востоке Маркелла и остались в стороне от вопроса о принятии Ария, – т.е. Восток и Запад бросили друг другу вызов». Стр. 539.

Император Константин – сын Константина собрал новый собор в Сардике (теперь София) в 343 г.

Соглашение не произошло. Этот собор только усилил распри. «После собора, – говорит историк, – те и другие, т.е. восточные и западные епископы, уже не смешивались между собою и не сообщались как единоверные. Произошло первое разделение церквей».

Западный император Констанс, однако, не склонен был ограничиваться этим и написал брату любезное письмо, в котором требовал восстановления на кафедре снова изгнанного Афанасия и угрожал войной в случае отклонения его предложения. Решено было сообща с епископами скорее уступить сторонникам Афанасия, нежели допустить междоусобную войну». Афанасий был лишен кафедры на Антиохийском соборе восточных иерархов в 345 г. После угроз Констанса, когда на созванном соборе указывали императору Констанцию, владевшему восточной частью Рим. Империи, что требуется соблюдения канона, император бросил знаменитую фразу: «Моя воля – вот канон для вас» (стр. 541). Так творилась история церкви. С одной стороны великая нетерпимость, вечные распри, ссоры, дебаты, проклятия и отлучения, а с другой – власть императора покрывала все решения соборов.

Теперь посмотрим, что происходило дальше.

«В лагере Констанция в 359 г. было составлено вероопределение при участии Василия (Анкийского), под которым решено было заставить подписаться будущий собор. Это вероопределение известно под именем датированной веры, так как начиналось хронологической пометкой. В Селевкий собор закончился ничем. Дело было, в лице представителей, перенесено на суд императора, который, ссылаясь на поведение западных епископов, заставил подписать формулу «подобный» и восточных (епископов). Это было в январе 360 г. (Пос. к ис. ц. 544).

Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, со своим другом Григорием Богословом желали всячески умиротворить разгоравшиеся споры и ссоры, но это не удавалось им сделать, ибо спорившие, прикрывая частные свои вражды, выставляли на вид, что враждуют за благочестие. «Я едва не дошел до человеконенавистничества», – говорит Василий Великий. Неоднократно он жаловался на честолюбие Запада: «Они и дела не знают, как оно есть, и не хотят его узнать». Василий негодует, но молчит и «преклоняет колени», зная, что без Запада трудно положить конец анархии на Востоке».

«Справедливость требует признать, что различие сущности и ипостаси впервые дано неоплатоником Порфирием: неоплатонизм вообще сильно повлиял на богословие каппадокийцев. Можно даже сказать, что тринитарная проблема была приведена к окончательному решению при помощи концепции неоплатонизма. В частнос-

ти, Василий очень много черпал из этой системы при разработке учения о св. Духе, изображая его деятельность в мире по аналогии с действиями мировой души неоплатоников» (цер. истор. стр. 567).

В это время догматические споры с амвонов церковью перешли на улицу в толпу, на площади и в частную жизнь и не было никому покоя. И вот император Феодосий для умиротворения страстей стал готовиться к собору, подготавливая почву для объединения всех различных мнений и взглядов. Василий Великий умер за два года до собора в Константинополе в 381 г. Его дело умиротворения продолжал Григорий Богослов.

Смертью Василия Великого воспользовался Патриарх Александрийский Феофил, который «питал, естественно, желание использовать в своих интересах сильную государственную власть». Максим Киника, «человек близкий и обязанный, лучше всего отвечал бы домогательствам Александрийских иерархов». И вот «тогда епископы, прибывшие из Египта, во время болезни Григория, тайно рукоположили Максима в епископы столицы. В Константинополе произошло возмущение. Максим оставил город». Стр. 572.

«В Антохии, благодаря арианской смуте, уже давно водворилась анархия среди иерархии: все время было по несколько епископов сразу». В описываемое время кафедру занимали два епископа Мелетий и Павлин. Младоникейцы поддерживали Мелетия, а староникейца Павлина поддерживал Рим. Наконец, пришли к соглашению, что по смерти одного из них, кафедрой будет владеть другой. Но это обоюдное обещание не было исполнено. По смерти Мелетия, Григорий Богослов, во исполнение соглашения, поддерживал Павлина при мыслях: «или сохраниться на будущее время нашему догмату, – говорил он, – или от раздоров пасть невозвратно... Пусть победят нас в малом, чтобы дать нам одержать победу в большом». Но Григорий со своими думами был одинок. У большинства застарелая вражда застилала глаза. На предложение Григория на соборе поднялся шум. Каждый кричал свое. «Это было стадо галок, собравшихся в кучу, буйная толпа... Вступать в совещание с такими людьми не пожелал бы никто из имеющих страх Божий». Против Григория голосовал весь собор. В преемники Мелетию намечен пресвитер Флавиан, присутствовавший на соборе. Григорий потерпел неудачу, но крепился. Он ждал приезда египетских и македонских (западных) епископов, опоздавших на собор. Он рассчитывал, что они поддержат его западную политику. Но ошибся. Ведь он был счастливый соперник вы-

ставленного Египтом Максима. Восточные и Западные епископы на соборе «встретились, как вепри, остря друг на друга свирепые зубы и искошая огненные очи». Пособ. к истор. цер. Стр. 573.

Что же касается обрисовки моральной стороны тогдашнего духовенства, то вот что говорится в «Пособии к истории Церкви Андреева»:

«Император Валентиан (христианин и гонитель язычников) издает закон, запрещающий духовенству учащать посещение вдов и сирот и получать наследство от лиц, не соединенных с ним родством. Закон, очевидно, направлен к пресечению эксплуатации религиозного чувства».

«Больше всего торжество церкви дало епископату: привилегии, почет, власть. Но, именно, сюда хлынули рекой вопиющие злоупотребления. Мы имеем перед собой несравненную картину, развернутую одним из лучших епископов IV века – вождей церкви, Григорием Богословом. Никто не дерзнет заподозрить его в неправдивости. И посмотрите, что он пишет. Свое время Григорий не обинуясь называет «временем епископского омрачения». «Страшный, изрытый пропастями овраг, – говорит он, – это мы, т.е. наше забытое о своем достоинстве сословие; это мы, не на добро воссевшие на высоких престолах; мы, которым дано в удел питать души божественною пищею, но которые сами истаиваем от голода; мы, не следовать которым – правило самое простое и вместе урок, всего прямее ведущий ко спасению; мы, которых это возвышение (т.е. епископская кафедра) обличает в худых нравах; а эта решетка отделяет нас от прочих людей не поведением, а высокомерием».

Григорий приписывает своим собратям гнев, наглость, взаимную зависть. «Вожди народа, т.е. епископы, безнаказанно восстают друг на друга. Ополчаясь вместо оружия гневом и завистью и, кипя презорством, как свирепым огнем, они восстали друг на друга и из-за них разделилась целая вселенная». «Предлогом споров у нас Троица, а истинною причиною – невероятная вражда». Тщеславие и страсть к обогащению неизбежно овладевали этими опустошенными душами. Пристрастием к золоту Григорий объясняет, почему у епископов «одно мирское превозмогает над духом». «... которые торгуют благодатью и говорят: благословенен Господь и обогатился (Захарий 11 – 5), из числа пастырей, которые пасут самих себя, а не овец». «Епископы любили ездить на отличных конях, блистательно выситесь на колеснице». Им очень нравилось, чтобы их «встречали и принимали с подобострастием, чтобы давали им доро-

гу и расступались перед ними лишь только издали увидят их грядущих». Они знали толк и любили «мягкие волнующиеся одежды»; как хорошие гастрономы отдавали должное «поварским искусно приготовленным снедам, ценили роскошные трапезы и держали заправских поваров». Одну из самых недоступных черт в поведении тогдашних епископов составляло их человекоугодничество, часто вытекавшее из низменных расчетов. Они любили, когда открывалась к тому возможность, быть «сотрапезниками земного царя и возлежать среди пирующих». Скорбь Григория при виде вопиющих недостатков церковных пастырей IV века заставляет его в чувстве отчаяния воскликнуть: «Христос напрасно пронзен гвоздями».

Недавние изыскания проф. Спасского показали: «что Григорий Богослов потерял кафедру главным образом потому, что он энергично отстаивал взгляд на Духа Святого как на Бога, вопреки настроению большинства восточных членов собора. Проф. Спасский думает, что именно потому в нашем символе веры, принадлежащем собору 381 г., в члене о Духе слово Бог отсутствует». Пос. ист. цер. Стр. 574.

Отношение между Востоком и Западом не улучшилось и после этого собора, но еще ухудшилось. Тогда Феодосий (император) совместно с Нектарием Констским, заместившем Григория Богослова, придумал следующее: В столицу были вызваны представители всех богословских течений. «Каждая ересь должна была представить письменно изложение своей веры», – повествует Андреев. «Царь, – продолжает он, – взяв эти изложения, остался один и начал молить Бога, чтобы Он помог ему открыть истину. Потом, прочитав каждый из представленных символов, он осудил все, которыми вводилось разделение Троицы, одобрил только и принял веру в единосущие». Картина примечательная! Последний суд в делах веры принадлежит Императору». Пос. к ис. ц. Андреева. Стр. 557.

Так был порожден на свет Божий наш «Символ Веры».

О II вселенском соборе в Кон-поле в 381 г. проф. А.П.Лебедев пишет: «История его нам так же мало известна, как и первого вселенского. Акт или протоколов собора до нас не дошло; вероятно, их никогда и не существовало. При изучении этого собора приходится довольствоваться скудными сведениями, сохраненными церковными историками V века, и сочинениями Григория Богослова – очевидца, бывшего на соборе. Хотя сочинения Григория и не скудны сведениями, но эти последние изложены в духе полемическом,

а потому научное пользование ими требует осторожнейшей критики. Единственным документом, заключающим в себе результаты догматической деятельности II вселенского собора, остается символ Констанский, известный под именем «никео-константинопольского». Стр. 130. «Вселенские соборы IV и V в.» Лебедева.

В начале этой главы Лебедев приводит слова Григория Богослова, как эпиграф: «Прости, собор, архиреев и иереев, почтенных сановитостью и летами. Умолк язык неприязненный». А после, вдруг, эпитеты «вепри» и «галки» про тех же «почтенных». На стр. 140 говорится: «Догматика александрийцев и антиохийцев в то время ничем существенным не отличалась одна от другой. Догматические воззрения у них были одинаковы. Афанасий, Василий в учении богословском являлись для них, антиохийцев, такими же хранителями истины, как и для всех приверженцев александрийского направления. Собор Константинопольский мыслил так же, как Афанасий, Василий, Григорий Богослов, Григорий Писский. Разницы не было. Учение этих светил церкви, несомненно, легло в основу определений символа Константинопольского». Стр. 140.

Далее, на стр. 158 Лебедев пишет «После рассуждений о деле Павлина и других споров, вероятно всего по поводу о составлении символа, Григорий оставил собор, не являлся на заседание его. Но вот прибыли на собор епископы александрийские и иллирийские, надежды Григория снова пробудились. Он думал было встретить в лице их братьев и друзей. Ведь это были старинные защитники Никейского символа и поборники александрийских богословских стремлений. Он называет новоприбывших «делателями Божиих законов и таинств». Григорий полагал, что в среде этих епископов он встретит радушие, сочувствие своим желаниям и надеждам. Но этого не случилось. Вновь прибывшие епископы, во-первых, не сошлись с отцами собора, во-вторых, отвернулись от Григория. Взаимные отношения вновь прибывших епископов – александрийствующих и епископов собора, антиохийствующих, Григорий изображает в следующих резких чертах: «те и другие сошлись между собою, как вепри, остря друг на друга свирепые зубы и искошая огненные очи».

Естественно тогда, после всего приведенного Лебедевым, спросить: почему Лебедеву потребовалось в заголовок своей главы в виде эпиграфа привести нивесть откуда взятые слова Григория Богослова: «... умолк язык неприязненный»?

Если же принять во внимание слова историка Созомена, приведенные Лебедевым, то становится ясным, почему Григорий ожидал, что «умолкнет язык неприязненный», так как собор составлялся особенным образом, чтобы подтвердить Никейский символ, но все-таки это не совсем удалось, несмотря на все старания староникейцев. На стр. 142 говорится: «Созомен... замечает о македонианах (защитник. Никейск. символа), что они не многим чем отличались в своих понятиях о вере от членов собора, почему и призваны были на собор. Близость македониан по их направлению к направлению собора внушала отцам уверенность, что их доводы, убеждения, увещания будут сочувственно приняты еретичествующими. Но надежды членов собора не оправдались. Македониане, кажется, во всем изъявили полное согласие с требованиями отцов, за исключением слова «единосущный». Еретики так и остались упорными. Число македонианских епископов, явившихся на собор, было велико: 36 человек. Их, вероятно, нарочито собрали из близлежащих стран». Стр. 142 – 143.

В то время сильно возрастала власть Рима на все западные церкви. Возведение на епископские кафедры сторонников западной ориентации было в особенности важным для Римских пап. По этой причине шла великая борьба из-за Павлина, сторонника Запада на антиохийскую кафедру, которого поддерживал Григорий Богослов. Этим обстоятельством и объясняется, почему многие александрийствующие епископы заняли обособленное положение на соборе, несмотря на то, что никейский символ, в известной мере, объединял их с Римом. Так и Григорий не мог найти себе поддержку среди вновь прибывших александрийцев. «Кандидатура Павлина не прошла на соборе, пишет Лебедев на стр. 147, потому что он был и считался другом Рима, а с Римом и всех тех, кто доселе стоял за одно с Римом. Григорий Богослов епископов собора за споры из-за Павлина иронически называет «стадом галок», мечущимися «осами».

«Нам можно сделать два возражения: – говорит Лебедев, – во-первых, по свидетельству церковного историка Каллиста, свидетельству единственному, на составление символа имел влияние более всего Григорий Нисский, а он был александриец. Во-вторых, во всем символе и в особенности в учении о Духе Святом ясно чувствуется отражение писателей александрийского направления ... Относительно первого возражения скажем: мы не верим Каллисту, писателю XIV века. Ему в этом случае не верит и наука. Григорий

Нисский, по нашему мнению, не был таким лицом, которое в состоянии взять в свои руки многочисленные собрания епископов. Даже Григорию Богослову это оказалось не по силам, а тем более Григорию Нисскому.

Какого характера был Григорий Нисский, об этом свидетельствует брат его Василий Великий. Он жалуется на его «простодушие», считает его немудрым в управлении делами церкви ... Мало было иметь ораторский талант, быть превосходнейшим богословом – писателем, быть человеком высоких нравственных качеств; нужно было приобрести еще авторитет, иметь силу воли, уметь направлять дела к определенной цели: все это едва ли было у «неопытного» и «простодушного» Григория. На второе возражение ответ прост: антиохийское направление во время II вселенского собора заключалось не в разности догматических воззрений его представителей по сравнению с теми же воззрениями александрийской стороны, но в разности духовных склонностей (?). Догматика александрийцев и антиохийцев в то время ничем существенным не отличалась одна от другой ... Собор Константинопольский несомненно мыслил так же, как Афанасий, Василий, Григорий Богослов, Григорий Нисский. Разницы не было. Учение этих светил церкви несомненно легло в основу определений символа Константинопольского». Стр. 139 – 140.

Во всех этих словах чувствуется стремление убедить, что символ был составлен антиохийцами и поддержан александрийцами, т.е. что он выражал общее мнение всего церковного мира. Проф. А.П.Лебедев сам же указал на свидетельство Софомена, историка, что собор составляли лишь приглашенные епископы, а можно ли ручаться, что не были сделаны эти приглашения со специальной целью: вынести соответствующие решения в духе александрийского воззрения? Ведь таким образом можно составить какой угодно символ и провести его на соборе. И все же даже и при таком соборе с македонианами произошла ошибка в расчетах. Они так же отвергли «единосущие», как отвергали антиохийцы на первом Никейском соборе.

Далее Лебедев сообщает: «Феодорит еще яснее говорит, что александрийская партия (египтяне) совсем отделилась от собора. Отделившись от собора, египтяне не сошлись и с Григорием (Богословом). По словам Григория, на него от александрийствующих «повеяло чем-то западным и суровым». Из оппозиции восточным

отцам собора, антиохийцам, утвердившим константинопольскую кафедру за Григорием, новоприбывшие епископы отвергли избрание его на указанную кафедру. Григорий, таким образом, разошелся и с этими новыми членами собора, разошелся, значит, со всем собором. При таких обстоятельствах Григорию ничего не оставалось делать, как покинуть Константинополь; так и было». Стр. 159.

Все эти сообщения Лебедева странны до курьеза. Антиохийцы утвердили Григория – александрийца на Константинопольской кафедре, а александрийцы (египтяне) его не приняли. Если, действительно, антиохийцы – противники Рима утвердили Григория – сторонника сближения с Римом, то не является ли это обстоятельство опять подтверждением, что созыв собора был персональным, тенденциозно составленным, или играла роль воля посторонняя – императора. И, во-вторых, александрийцы не так уж крепко держались своей «простой» и «бесхитростной» веры и за 60 лет от 1-го собора могли кой- что познать более существенное в ценностях кроме своей «простоты».

Впрочем, незыблемость веры была лишь фикция, зависящая от многих условий как внешних, что увидим ниже, так и внутренних – от сознания человечества. История человеческого бытия полна всяческих неурядиц, и все они есть следствие наших несовершенств: малое сознание, нетерпимость, самомнение и т. д. Например:

«Через три столетия после ухода Благословенного (Будды) Учение уже наполнилось религиозными спорами. Не прошло века, как христианство проявило крайнюю нетерпимость. Последнее возглашение Магомета началось с фанатизма. Религиозные споры уничтожили смысл Учения, потому теперь зовем к особой терпимости, отклоня споры».

«Спросят: как защитить Учение, не отвечая на нападки? Лучшая защита будет – развитие действия в сторону невраждебную. Можно разбить враждебные утверждения созданием новых оплотов. Знаете, как мы не избегаем врагов, но нельзя на них тратить силы». Из Агни-Йоги, § 469.

Что же касается символа II всел. собора 381 г., то Гарнак, историк церкви, не признает его за творение собора. «...символ этот встречается в «Якоре» (название сочинения) св. Епифания Кипрского, а это сочинение относится по своему происхождению к 373 или 374 году». Отличие лишь в том, что у Епифания есть анафематства, принадлежащие никейскому символу и что имеются две фразы, ка-

ких нет в Константинопольском символе: «..то есть из сущности Отца», и «как на небе, так и на земле», – в остальном оба символа совершенно тождественны». Стр. 317. Вселен. соб. Лебедева.

«Мнение о происхождении К-ского симв. от собора 381 г., – сообщает Гарнак, – неправильно, и неправильность его ... можно доказать, утверждаясь на основаниях внешних и внутренних. Внешние основания следующие: 1. Собор К-ский вообще не был собором вселенским; император Феодосий созвал епископов только той части империи, какая была подчинена ему ... Собор составил из епископов Фракийских, Малоазийских и Сирийских; после прибыл патриарх александрийский и немного епископов египетских. 2. Канонические определения собора К-ого ... впервые помещены были после канонов IV вселенского собора. 3. В числе документов этого собора – символа не находится. Он внесен в акты этого собора позднее, причем не сообщается никаких подробностей о том, при каких исторических условиях произошло его составление; притом он помещается в актах на таком исключительном месте, что уже Баллерини (братья) констатировали его вставку. 4. Сократ рассказывает, что собор К-ский после того, как его оставили Македонские епископы, просто утвердил Никейскую веру, а также Созомен и Феодорит не знают о нем ничего более. Еще важнее то, что Григорий Назианзин, присутствовавший на соборе, в своем ... подробном послании о правиле веры к Кледонию упоминает лишь Никейский символ. О пополнении же его или о составлении нового символа не говорит ни слова. 5. Латиняне ... до второй половины 5-го века очевидно даже не знают ни о составлении нового символа на нем, ни о пополнении редакции Никейского собора. Но не иначе было и на Востоке; собор К-кий (следующий поместный) 382 г. в своем соборном послании епископам, собравшимся в Риме, ссылается на Никейский символ, как на пригодный к употреблению при крещении; вселенский собор в Ефесе 431 г. на первом своем заседании прочитал Никейский символ и занес его в акты, о символе К-ом он совсем молчит. На соборе Разбойничьем 449 г., на котором собор ефесский назывался вторым вселенским собором, – следовательно, собор К-кий не принимается в счет, – прочитав Никейский символ, и признается он единственным; ... о символе К-ком опять молчание».

Далее Гарнак приводит исследования Грота и Каспари: «... между 381 и 451 годами ни на Востоке, ни на Западе нельзя встретить ни в соборных актах, ни у одного отца церкви, ни у еретических те-

ологов верного следа существования К-ого символа, не говоря уже о том, чтобы где-либо указывалось на него, как на символ К-ого собора, или чтобы он употребляем был, как официальный крещальный символ ... единственное исключение составляют акты Халкидонского вселенского собора 451 г.: в них находится К-кий символ рядом с Никейским и считается он символом собора 381 г.» Стр. 321, Вселенских соборов, Лебедева.

«Внутренние основания, пишет Гарнак, еще более неблагоприятны для этого традиционного мнения, ибо можно доказать, что К-кий символ не есть распространенный символ Никейский ... из 178 слов в К-ом символе только 33 наверное взяты из Никейского, следовательно, нет и пятой части». Стр. 322.

После дальнейших своих изысканий Гарнак приводит заключение Грота тоже историка: «В сущности так называемый К-кий символ есть ничто иное, как крещальное исповедание Иерусалимской церкви, только вновь отредактированное, обогащенное важнейшими формулами, а также правилом веры касательно Св. Духа». Стр. 336.

Далее Грот через строгий анализ теологии Кирилла Иерусалимского заявляет, что он был лицом, подвергшим пересмотру Иерусалимский символ». Стр. 337.

«Происхождение так называемого К-кого символа, таким образом, было раскрыто», – говорит Гарнак. До половины V века речь шла только о двух вселенских соборах. Византийский двор и К-кий патриарх имели полный интерес объявить, со времен Халкидонского собора, собор К-кий 381 г. равным с Никейским». Стр. 342.

«Из сборника Дионисия Малого можно выводить заключение, что символ этот уже к концу V века подставлен был в греческие акты собора 381 г. Следовательно, можно утверждать, что подлог последовал между 450 – 500 годами ...». Стр. 343.

«Что же касается точнейшего определения времени подлога, то пересмотренный иерусалимский символ в качестве символа собора 381 г. впервые встречаем в актах IV вселенского собора и притом дважды (II и IV деления), и оба раза рядом с Никейским символом как второй основной символ церковный. Отсюда можно прямо заключить, что подлог совершен в 451 г. или несколько раньше». Стр. 344.

Далее Гарнак повторяет: «Об этой догадке каждый пусть думает так, как ему угодно, но несомненно, что так называемый К-кий символ есть подлог». Стр. 346.

Лебедев делает кой-какие возражения очень слабого характера на некоторые мнения Гарнака и восклицает: «Разве можно было сделать такой невероятный подлог на многочисленном соборе, на котором немало было лиц, довольно подозрительно относившихся к деятельности глав собора?». Стр. 347.

«Речи о символе К-ком начинают вестись с первого же заседания Халкидонского собора. Первый раз он упомянут был на соборе в первом заседании императорскими сановниками, присутствовавшими здесь. Они говорили: «Каждый из епископов собора пусть поспешит изложить на письме, как он верует, зная, что благочестивый государь наш (Маркиан) верует по изложению 318 святых отцов, бывших в Никее, и по изложению 150, бывших после них». (Деяние всел. соб. III, 120). Последними словами прямо и ясно указывается на символ К-кий...». «Таким образом, первое выступление символа нужно признать очень торжественным... В начале второго заседания халкидонского собора те же императорские сановники заявили: «Мы желаем, чтобы вы знали, что государь вселенной (Маркиан) и мы соблюдаем православную веру 318 и 150 равно и прочими святыми и славными отцами и по ней веруем». Затем они приказывают... прочитать вслух всем «изложенное как 318 и 150 святыми отцами». И вот прочитан был на соборе символ К-кий, — чести, которой не удостаивался еще до сих пор этот символ...»

«Обращаемся к четвертому заседанию Халкидонского собора... Заседание открывается следующими словами императорских сановников: «Пусть почтеннейший собор объявит, что ему угодно относительно святой веры...». Стр.354.

В течение этого заседания епископы поодиночке, следовательно — отчетливо и, конечно, без принуждения (!) объявляют символ этот авторитетным произведением церкви, образцом православного вероучения... происхождение его приписывают именно II всел. собору». Стр. 355.

Далее Лебедев, желая объяснить происхождение символа К-кого и как он мог попасть в акты собора К-кого, сравнивает с обстоятельствами, как попал крещальный символ Кесарийской церкви в акты I-го вселен. собора, ссылаясь на слова профессора богословия Лейпцигского университета Иоганна Кунце, которыми еще больше освещает великий произвол, царивший в церквях и вследствие невежества отцов, и по причине деспотии императоров. О символе же Кунце так же говорит, что он не был произведением собора К-кого.

«По отречении Григория Богослова в 381 г. от К-кой кафедры, – заявляет Кунце, – в епископы столицы по воле императора Феодосия Великого был избран Нектарий, человек мирского звания, проходивший до последнего времени должность городского претора, да к тому же был и стар». Стр. 359 – 361. Созомен говорит: «Когда все (епископы) согласились с определением самодержца (насчет постановления Нектария епископом столицы), тогда Нектарий был окрещен и, облеченный еще в таинственную одежду (крещальную), наречен во епископы Константинополя». Стр. 365.

«Он (Нектарий) сделался председателем продолжавшего в то время свою деятельность II вселен. собора. Он, Нектарий, был еще не крещен, но, однако ж, все согласились с волей императора. И вот Нектарий, по выражению Созомена, «еще не отложивши крещальных одежд, стал уже епископом (вернее патриархом) Константинополя...» Стр. 359.

Причем Кунце добавляет, что Нектарий ничем не был известен, «ни как богослов, ни как церковный администратор». Стр. 362.

В 383 г. Феодосий Великий опять созвал собор вследствие продолжавшихся смут. «В заключение этого собора император потребовал от членов всех религиозных партий, чтобы эти главы представили ему еще исповедание веры... Из числа таких исповеданий веры, императорское благоволение встретил лишь символ, представленный Нектарием, прочие же Феодосий с пренебрежением разорвал... Можно с вероятностью утверждать, что он представил тот самый символ, который он произнес вслух всего собора 381 г.». Стр. 363.

Все сказанное выше характеризует время великого чувства, но малых знаний. Все лица, выделявшиеся своими не узкими знаниями, а широтою сознания, не были понимаемы толпою, а потому не были и в чести у нее, как: Евсевий Кесарийский, Павел Самосадский, Арий и, наконец, Ориген. Другая и тоже незначительная часть богословов выделялась своими нравственными качествами, прямою, честностью взглядов и убеждений, сильной волею и знанием богословской догматики, как: Афанасий, Василий Великий, Григорий Богослов и Григорий Нисский. Все они были воспитаны в определенных воззрениях, и из-за этих воззрений они готовы взойти скорее на костер, чем им изменить.

Привычка очень сильна даже в самых малых и незначительных проявлениях нашей жизни. Бороться и побеждать ее сможет лишь широта сознания человека. Но человек с большими знаниями не

есть еще человек с широким сознанием. У первого ум специалиста, а у второго ум всесторонний. Обычно знания ограничиваются какой-либо областью, а широта сознания есть свойство духа, работа мысли его очень многих воплощений.

Остальная масса епископов на соборе состояла из людей без убеждений, но сильно устремленных к власти, почету и материальным выгодам. Ею создавали, их голосами оперировали отдельные личности из первых двух групп, прибегая к тем или иным приемам диалектики, посул и страха; но если, наконец, эти вожди, воздействуя на привычные, воспитавшие их устремления, смогли завладеть умами и сердцами широких масс, то эта беспочвенная масса так же скоро могла отойти, как и пришла.

Потому все заседания соборов, каковы бы ни были их решения, не могли означать постижения истины и приближение к ней. Как часто правда была не на стороне решающих масс, а на стороне одного лица, восставшего против мнения большинства. История не раз зафиксировала подобные случаи. Но решающее большинство, не надеясь на убедительность своих решений, обычно прибегало к воздействию суеверием и страхом, объявляя, что волею собора или волею глав церкви управляла Воля Божия. Это уже есть прямое извращение истины, ибо наитию Духа Божия могут подвергаться единицы в одиночестве и тиши своего духовного созерцания, а не буйная масса, неподготовленная к тому. Могла ли Высшая Благодать участвовать при таких эксцессах, какие происходили на соборах? Могла ли Она участвовать при анафемировании кого бы то ни было, что сплошь и рядом раздавалось на соборах, понося одна сторона другую?

Можно опять и опять повторять: «Пойдите и научитесь, что значит – милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9 – 13). Жертвою бессознательною весь мир держится, а милость от сердца великого исходит! Уже и в древности эти великие слова были изречены и Осией: «Ибо Я милости хочу, а не жертвы и Боговедения более, нежели всеожжений». (6 – 6).

Именно, устремление в познании законов Божиих выявит и любовь к Нему. «Любить Его... есть больше всех жертв». Марк, 12 – 33.

Говоря языком науки, мы, или наше высшее трансцендентальное, или духовное, «я», порождающее нашу совесть и высшие и лучшие устремления, от которых мы почти всегда отмахиваемся, живет в мире тонких вибраций. Наше же низшее «я» обретается в мире грубых

Такое разделение людей на два противоположных лагеря, враждебно настроенных друг к другу, могла создать только деятельность величайших личностей, против которых яростно восставал всегда мрак и силы зла. Именно поэтому следует самым внимательным образом отнестись к изучению трудов великого мыслителя и философа III века – Оригена.

Постоянно поднимавшиеся вопросы среди различных групп христианской церкви о Иисусе Христе и Его взаимоотношении к Богу и возникавшие вечные споры о человеческой и божественной сущности Христа побудили Оригена коснуться понимания лиц Св. Троицы. Вот что по этому поводу сообщает «Пособие к истории церкви» Андреева на стр. 502:

«Такую постановку мы находим, между прочим, у Оригена, доктрина которого оказала громадное влияние на ход богословских споров в IV и V веках. Ориген стоял под самыми разнообразными влияниями, потому что Александрия, где он жил, была центром, где скрещивались все направления мысли и религиозной жизни». Далее Андреев излагает мысли Оригена, которые я приведу после в точности, когда дело коснется соборного исследования и решения тех же вопросов, и взятые мной из книги Оригена «О Началах».

«Сын не есть часть Отца, не есть некоторая часть божественного существа. Он рождается от Отца, как воля порождается мыслью; рождается вечно, вечное и непреходящее рождение; не было времени, когда не было Сына. Нужно представить себе силу Божью, которой живет Божество, ту вездесущую и вседавящую силу, которой Бог все содержит и управляет. От всей этой безмерно великой силы исходит дыхание и, так сказать, энергия, которая имеет собственную Ипостась. Хотя оно происходит из этой силы, как хотение, однако же, и само хотение становится силой. Таким образом, является другая сила – некоторое дыхание первой и нерожденной силы Божией, из нее получающей свое бытие и сущность». «Если мы, – говорит Ориген, – понимаем, что значит молитва, то должны допустить, что, может быть, не следует молиться никому из рожденных, ни даже самому Христу, но только одному Богу всех и Отцу, которому молился и сам Спаситель и нас научил молиться. Ибо, услышав: «Научи нас молиться», Он не учит, чтобы молиться Ему самому, но Отцу в таких словах: «Отче наш, иже еси на Небеси и т.д.» И разве не следует предполагать, что Тот, кто сказал: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог Отец», – ска-

зал бы также: «Что ты Мне молишься, должно молиться одному Отцу, которому и Я молюсь... Знайте, какой дар вы получили от Отца Моего через возрождение во Мне. Вы получили дух сыноположения, так что стали Сынами Божьими, а моими братьями. А молиться брату неприлично для тех, которые удостоились быть детьми одного Отца. Итак, вам должно вместе со Мною и через Меня воссылать молитвы одному Отцу».

«Косвенно, в связи с этим, – пишет Андреев, – стоит у Оригена взгляд на евхаристию. Зрелые христиане принимают только «твердую духовную пищу»: хлеб тот, о котором Бог Слово говорит, что Он есть тело Его, есть слово, насыщающее души, слово, исходящее от Бога-Слова. И питье то-есть слово, наполняющее сердца пьющих; ибо не хлеб тот видимый, который держим в руках, Бог-Слово называет телом своим, но слово, в таинстве которого должен быть преломляем хлеб тот. И не то видимое питье называл Он кровью своею, но слово, в таинстве которого должно быть изливаемое питье то. Ибо телом Бога-Слова или кровью Его что иное может быть, как не слово, которое питает, и слово, которое веселит сердце?» (in Matth. Comm. 85) Андреева, История церкви, стр. 505.

«Ориген с давних пор вызывал недоброжелательное к себе отношение у многих церковных писателей. Но характерно, что ранние противники его хватались за его второстепенные взгляды и суждения, почти не касаясь его учения о Троице и пр. Объясняется это видимо тем, что Ориген представляет собой ученого колосса, мало доступного даже грамотным представителям церковного общества. По глубине и силе мысли он нисколько не уступает Плотину. Отсюда большинство, если знало что об Оригене, то в изуродованном виде, цепляясь за мысли, отдельные фразы, истолкованные неверно. У почитателя и защитника Оригена, знаменитого Памфила есть поразительное свидетельство об этом (Migne ser. gr.t. i7, col. 546): «Были и такие обвинители, которые совсем не читали Оригена ... Найдешь многих, которые, если их спросишь: в каких книгах или в каких местах сказано то, что они обличают? – признаются, что не знают того, что утверждают, никогда не читали этого, а слышали, как говорили другие. Отсюда каждому ясна смехотворность приговора их, ибо судят о том и осуждают то, что не в состоянии изучить и понять».

«Преодолев, до известной степени, ересь Ария, – пишет Андреев, – духовенство взялось и за Оригена. Взгляды этого величайше-

го мыслителя не укладывались в сознание даже образованного духовенства, не говоря уже о широких кругах дикого монашества на подобие вьдКПЛ, «пасущихся» в Месопотамии, которые отрешились от всех условий культурной жизни и избирают способ питания, свойственный жвачным животным».

«Среди общества с такими вкусами и склонностями в конце IV века и в начале V в. разыгрывается величайшая драма: произносится суд над свободным богословием в лице его величайшего представителя – Оригена. Грандиозная схватка загорается почти одновременно во многих пунктах и кончается торжеством мракобесия и ничтожества. В этой великой битве погибает величайший отец церкви Иоанн Златоуст. Представителем мракобесия является монашество. Движение, в общем, носит название оригенистических споров». Пособие к истор. церкви Андреева, стр. 603.

«Главными действующими лицами драмы являются сторонники Оригена: епископ Иерусалимский Иоанн, Руфин, пресв. Аквилейский, Иоанн Златоуст и некоторые Нитрийские ученые монахи – противники Оригена: блаж. Иероним, Епифаний Кипрский, Феофил Александрийский и Нитрийские монахи».

«Из этих лиц Иероним сначала был горячим почитателем Оригена. Когда он жил еще в Риме, он с восторгом отзывался об Оригене, осужденном в Риме, по его словам, не за новшество в учении, не за ересь, как теперь лают на него бешенные псы, но за то, что его недруги не в состоянии стерпеть его красноречия и учености».

«Руфин, не менее ученый, чем Иероним, восемь лет прожил в Египте, где свел знакомство с монахами и где в Александрии слушал Дидима, страстного поклонника Оригена. Увлечение учителя сообщилось и ученику на всю жизнь. Руфин поселился (в Палестине) на Масличной горе и был посвящен Иоанном Иерусалимским в сан пресвитера. Составилась целая группа почитателей Оригена».

«Между тем, в Иерусалим прибыл престарелый епископ Салмина на Кипре, Епифаний. Епифаний – известный обличитель ересей, человек начитанный, знаток языков, но с узким кругозором монахов, среди которых он вырос. (Его сочинение в пяти томах переведено на русский язык). Он так тщательно обыскивал всех, что в число еретиков нередко относил лиц совершенно православных. Ереси Оригена он отводит видное место. Взгляд Епифания на Оригена решительный: «Ересь эта ужасна и хуже всех древних ересей, с которыми она мудрствует сходно. Хотя она и не располагает своих

последователей совершать срамное, но внушает страшное по своей гнусности сомнение относительно самого Божества ...».

«Остановившись у Иоанна, Епифаний во время первой же службы сказал проповедь, в которой осудил всех оригенистов. Иоанн был, разумеется, этим возмущен и на следующей службе в проповеди критиковал антропоморфизм, в котором обвиняли противников Оригена. Епифаний потребовал осуждения оригенизма, а когда не добился своего, уехал из Иерусалима. Быть может, желая досадить Иоанну и привязать к себе крепче Иеронима, который был давно гостем его на Кипре, Епифаний, недалеко от Иерусалима, рукоположил в сан пресвитера брата Иеронимова, Павлиниана, с тем, чтобы он совершал службу в монастыре Вифлиемском. Это был скандал. Это значило хозяйничать в чужом доме. Так думал Иоанн и высказал это Иерониму. Иероним пришел в ярость... Епифаний не мог найти лучшего средства приобрести себе преданного ученого союзника и создать смертельного врага своему врагу Иерониму, как это двусмысленное рукоположение Иеронимова брата. Поднялась целая бесконечная распря. В дело вступился Руфин, который скрестил мечи с Иеронимом. Без конца стали трепать имя Оригена... (В былое время), сам Ориген жаловался, что еще при его жизни сочинение это («О Началах») было интерполировано переписчиками. Опираясь на это заявление, Руфин в переводе многое переиначивает, особенно там, где Ориген расходился с общепринятыми взглядами. Это была ортодоксальная чистка сочинения, без сомнения продиктованная добрым намерением избавить память своего учителя от нареканий. Чтобы оградить любимого учителя, Руфин переводит, кроме того, апологию Памфила».

Иероним, в свою очередь, для уличения Руфина переводит то же сочинение Оригена. «И этот человек, недавно страстный почитатель Оригена, теперь заявляет, что сочинения пропитаны ядом, далеки от Св. Писания, насилуют его». И. п. ц., стр. 603 – 608.

«Иероним своими выпадами вскрывает перед нами то, что особенно вдохновляло травлю Оригена. Отвлеченные вопросы, нейтральные вопросы богословия Оригена почти не занимают эту мало интеллигентную публику, противников великого богослова. Их интересует не богословие и философия, а «спасение». Отсюда главным пунктом обвинения является отрицание Оригеном и его последователями воскресения тел. Иероним пишет об этом весьма откровенно: «Веруем, – говорят они (оригенисты), – в будущее воскресение

тел. Если это правильно понимается, то это исповедание чистое. Но так как есть тела небесные и земные, и воздух и легкий ветерок по природе своей называются телами, то они употребляют слово тело, а не плоть, чтобы православный, слыша о теле, разумел плоть, а еретик признавал дух. Это первая западня их: если ее заметят, они строят новые ковы, прикидываются невинностью, называют нас коварными и, как обыкновенно верующие, говорят: веруем в воскресение тел. Когда же они скажут это, необразованная чернь считает это достаточным для себя, в особенности, потому, что и в символе исповедуется то же самое... Если ты примешь строгий вид и, держа рукою плоть, начнешь допрашивать, ту ли плоть признают они имеющею воскреснуть, которая видима и осязаема, которая ходит и говорит, – они сначала смеются, потом кивают головою. И когда мы говорим: в воскресении останутся ли в целости волосы и зубы, грудь и чрево, руки и ноги, – тогда они не могут удержаться от бесчинного смеха, разразившись хохотом, замечают, что нам (противникам Оригена) нужны и циркульники, и пироги, и лекаря, и портные, затем спрашивают: не веруем ли мы, что воскреснут и детородные члены обоего пола, наши косматые и женские щеки и различные по различию мужчины и женщины свойства тела? Если мы признаем это, они сейчас же требуют женского родотворного уда и совокупления и прочего, что в чреве и под чревом. Их бесстыдные женщины обыкновенно хватают себя за груди, ударяют по животу, трогают чресла, лядвеи и вонючие подмышки и говорят: какая нам польза в воскресении, если воскреснет брренное тело? Мы будем подобно ангелам, будем иметь и природу ангельскую. Явно гнушаются они воспрянуть с плотью и костями, с которыми воскрес и Христос».

Наконец Руфина вызвали в Рим; он медлил приездом. Папа осудил Оригена и переводы его творений. Руфин измучился в этой борьбе, и в Сицилии он умер. Но блаженный Иероним не оставил его и на смертном одре, написав при его погребении следующие слова: «Погребен скорпион под почвой Сицилийской; прекратила свое шипение многоголовая гидра».

Андреев такими словами заканчивает свою главу «оригенистические споры»: «Таковы были противники Оригена. Страстное желание наслаждаться телом там, заставляло их не разбираться в средствах здесь». Стр. 611.

К этим словам и выдержкам из его «Пособия», ярко обрисовавшим и цели, и средства, и участников со всеми неутомившимися

страстями и недостатками, считаю нужным лишь добавить, что назначение лиц в иерархи церкви происходило не должным образом. Рукополагали людей, не выдержавших строгого и долгого искуса в испытаниях не только в необходимых знаниях, но и в лучших качествах человеческих, как: любовь к ближним, терпимость, миролюбие, бескорыстие и великая скромность, сопряженная с глубокою духовностью. Ибо людям нужны не головы, носящие раззолоченные митры и клобуки с бриллиантовыми крестами, а сердца, напоенные любовью, но на эту сторону мало обращали внимания.

Созвано было еще несколько соборов, кроме приведенных выше и связанных с именем Оригена, но как и всегда, главным материалом разбора не было учение или философия гения-богослова, а сведение личных счетов. Мишенью на этот раз была великая и светлая личность Иоанна Златоуста. Происходил он из Антиохии, где, в свое время, подвизался и апостол Павел. Внутренние духовные качества резко выделяли его из остального духовенства на фоне самой неприглядной и низкой посредственности. Если принять во внимание его выдающееся красноречие, то мы можем представить себе, каким ореолом он себя окружил и каким обаянием он стал пользоваться среди простого народа. Решительный, стойкий в своих убеждениях, прямой и честный, бессеребренник и доступный всем без различия положения, он стал идолом в Константинополе. «Он сразу объявил войну всем – войну духовенству, монашеству за их ограниченность и невежество, войну придворной камарилье, арианству, новоцианству, войну епископату, богачам и самой императрице. Его почитателем был только пролетариат, бессильный в решительную минуту отстоять своего идола». «Друг всех угнетенных и обездоленных, Златоуст был врагом всех богатых. Первым делом, по приезде в столицу (397 г.), он распродал всю богатую обстановку, заведенную его родовитым предшественником, а вырученные суммы употребил на приюты и госпитали. У него никогда не было денег». (См. Н.Кудрявцев, Учение Златоуста о богатстве и его социальный идеал).

«Когда епископы попадали в неприятные положения, Иоанн был беспощаден. В 399 г. началась история с азийскими епископами, давшая богатый материал для обвинения его противникам. В Константинополе состоялся по какому-то случаю собор. Один из епископов подал председателю его, Златоусту, заявление, в котором обвинял шесть азийских епископов в симонии, а Антонина

Ефесского в том, что он купил свой сан и за деньги поставлял епископов своего округа; епископы для возвращения затраченного капитала на покупку сана, в свою очередь, распродавали места священникам. Кроме того, Антонин завладел некоторыми церковными сосудами, перелив их в слитки, продал церковные поместья и пр. Скандал был так велик, что Иоанн решил лично отправиться в Азию. Антонин пустил в ход свои связи в столице и добился отсрочки поездки Златоуста. Однако, он (Антонин) вскоре умер. После него кафедра сделалась предметом недостойных домогательств, вызвавших неслыханные замешательства. Народ эфесский обратился к Златоусту с просьбой спасти церковь. В Эфесе Златоуст рукоположил одного своего диакона, которому верил. Кроме того он низложил около пятнадцати епископов других кафедр за провинности разного рода, а на всех прочих, естественно, навел страх. Это не прошло ему даром впоследствии». Стр. 618.

«Туча надвигалась из Египта. Возле такого светлого исключения, как Златоуст, мы в начале V века видим наступление поразительной тьмы. Масса монашества вербовалась из некультурных слов. В пустыне эта масса еще более дичала и понесла миру сюрпризы вроде антропоморфизма. Златоусту с ними пришлось иметь дело чаще, чем кому-либо. И он бесповоротно решил, что в мире для монахов меньше опасностей, чем в пустыне. Сократ буквально рассказывает следующее: «Незадолго перед ним возник вопрос: Бог есть ли существо телесное, имеющее человеческий образ, или Он бестелесен и чужд человеческого или вообще всякого телесного вида? По этому вопросу между многими произошли распри и споры... Многие, особенно из простых подвижников, утверждали, что Бог телесен и человекообразен; но большая часть людей, осуждая их, говорили, что Бог бестелесен и чужд всякого плотского вида. С последними соглашался и Александрийский епископ Феофил, который даже в церкви перед народом порицал христиан, облакавших Бога в человеческий образ и доказывал, что Он бестелесен. Узнав о таком его учении, египетские подвижники оставили свои монастыри и, пришедши в Александрию, произвели возмущение против Феофила, обвинили его в нечестии и угрожали ему смертью... Феофил, для избежания угрожавшей ему гибели, решился употребить хитрость... Он начал расточать ласкательство и сказал: «Созерцаю вас, как будто созерцаю лицо Божие». Эти слова укрыли порывы монахов, и они отвечали ему: «Если правда, что у

Бога такое же лицо, какое и у нас, то предай проклятию сочинения Оригена, потому что некоторые, основываясь на них, противятся нашему мнению; а если не сделаешь этого, то прими от нас жребий людей нечестивых и богопротивных». «Исполню ваше желание, – сказал Феофил, – не гневайтесь на меня, я сам не люблю оригеновых сочинений и порицаю тех, которые принимают их». Так он отделился от монахов и отпустил их». Стр. 622

«Может быть, этот, столь далеко зашедший, вопрос и был бы забыт, если бы к нему не присоединилось следующее обстоятельство. «В Египте настоятелями скитов были четыре благочестивых мужа: Диоскор, Аммоний, Евсевий и Евфимий. Родные братья, они прозывались *НБКпй* длинными по высоте роста и славились как жизнью, так и ученостью. Епископ Феофил весьма любил и уважал их, так что одного из них, Диоскора, сделал епископом, а двух других вызвал для сожителства с собою, возвел их в достоинство клириков и вверил им хозяйственную часть в своей церкви. Они хорошо вели церковное хозяйство. Их огорчало только то, что нельзя было по желанию жить подвижнически и предаваться любомудрию. Когда ж впоследствии они заметили, что для душ их вредно видеть в епископе человека корыстолюбивого, слишком заботящегося о приобретении денег, то отказались оставаться при нем, говоря, что они любят пустыножительство и предпочитают его жизни в городе ... а когда ему (епископу) сделалось известно, что они осуждают его, то воспламенился гневом и грозился причинить им всякое зло. Однако, они мало думали об угрозах и удалились в пустыню... Феофил возненавидел также и брата их епископа Диоскора. Феофил знал, что он не иначе может повредить сим мужам, как вооружив против них монахов, и потому употребил следующее средство: ему было памятно, что эти братья, рассуждая с ним о Боге, называли Его существом бестелесным и не имеющим никакого человеческого образа; ибо человекообразному необходимы и все свойства и страсти человеческие. Это доказано вообще древними, а особенно Оригеном... и писал (это) скитам в пустыне, (заявляя) что не должно верить Диоскору и его братьям, которые утверждают, что Бог бестелесен. Бог, говорит он, по свидетельству Св. Писания, имеет очи, уши, руки и ноги, как и люди; а сообщники Диоскора, подражая Оригену, вводят нечестивое учение, будто у Бога нет ни очей, ни ушей, ни ног, ни рук. Таким лжемудрствованием он обманул многих монахов, и между ними произошло сильное возмущение.

Образованнейшие из них... остались на стороне Диоскора и Оригена... Между монахами возгорелась война непримиримая. Узнав, что цель его достигнута, епископ Феофил, с многочисленной толпой прибыл в Нитрию, где обычно много скитов, и вооружил монахов против Диоскора и его братьев, так что они с трудом избежали угрожавшей им опасности». (Сократ, Ц. И., 6, 7 и т. д.).

«Вот картина, которая говорит сама за себя. Против Оригена выступила пустыня. Но как выступила? Она слышала, что Ориген в чем-то виноват. Разобраться в его винах она была абсолютно бессильна по своей беспомощности... Иероним поносит оригенистов за то, что они смеялись над воскресеньем со всеми удами, а монахи ругаются над памятью великого ученого за то, что он дерзнул представить Бога, как Бога. Вы видите, что невежество и мракобесие неистовствующего монашества наступают со всех сторон и пытаются задушить все светлое и высокое в жизни церкви... Иероним рассказывает (Против Руфина, III, 17) про одного престарелого монаха Серапиона, который, с большим трудом поняв заблуждение антропоморфизма, вместо того, чтобы поблагодарить тех, кто открыл ему глаза, с отчаяния об утрате образа, который привык представлять в своем уме во время молитвы, неожиданно воскликнул: «Горе мне! Вы похитили у меня Господа, и я не знаю, кому поклоняться теперь». П. к Цер. Истор. Андреева, стр.625)

«Из Египта темное движение перебросилось в Константинополь и потопило Златоуста. Обычно полагают, что Златоуста погубил Феофил (Александрийский епископ)». Попытка возвести на кафедру Константинополя угодного ему Максима, как мы видели, не удалась. Поэтому Феофил, конечно, был рад утопить своего Константинопольского соперника. Предыдущая его победа над Диоскором и его братьями ясно показала, где кроется сила, и Феофил решил опять поставить ставку на антиоригенизм, и Феофил выиграл. (См. Сократ, Ц.И., IV, 9 и др.).

«После разгрома Феофилом, Долгие братья с Диоскором во главе и с группою лиц, разбитых Феофилом, искали защиты в Константинополе. Иоанн принял их с честью и не возбранял им участвовать в молитвах. Однако же сказал, что к общению в таинства не допустит их, пока не разведают их дела. Все это скоро стало известно Феофилу. Он начал всячески стараться не только отомстить Диоскору, но и Иоанна низвести с епископской кафедры». Для этой цели «он рассылал к епископам всех городов послания, в

которых, скрывая свое намерение, явно порицал только сочинения Оригена. Для достижения лучшего успеха, Феофил подружился с Епифанием, с которым до того времени был в несогласии. Он порицал Епифания за то, что последний в своем понятии унижал Бога, почитая Его человекообразным, но теперь, ради ненависти к другим, явно отрекся от прежнего своего мнения, восстановил с ним дружбу и, во мнении относительно Бога, вступил с ним в единомыслие и старался созвать в Кипре собор епископов, с целью осудить сочинения Оригена. Епифаний, по причине чрезвычайного благочестия, сохранив простоту нрава, принял предложение епископа Феофила, составил собор из епископов острова Кипра и запретил читать Оригеновы книги, потом писал к Иоанну и убеждал его в своем послании воздержаться от чтения Оригеновых сочинений, созвать также собор и сделать одинаковое с ним по этому предмету определение. Склонив на свою сторону знаменитого своим благочестием Епифания, Феофил уже с большой смелостью и сам созвал многих епископов и, подобно Епифанию, произнес клевету на сочинения Оригена». Стр. 627.

«Между тем, Иоанн весь ушел в дело и не хотел видеть грозы, которая собиралась над его головой. Константинопольские враги его, при виде успеха стараний Феофила, легко пришли к мысли, что момент наступил, и что теперь не трудно сформировать собор, который сбросил бы Златоуста. По совету ли одного Феофила, а может быть, и по приглашению константинопольских врагов Златоуста, Епифаний прибыл в столицу. Первым делом, он самовольно рукоположил одного диакона и на предложение Иоанна жить у него демонстративно ответил, что «не станет ни жить, ни молиться вместе с ним, пока он не изгонит из города приверженцев Диоскора и не даст собственноручного согласия на осуждение Оригеновых сочинений». «Иоанн медлил исполнить это требование». Тогда враги его посоветовали Епифанию употребить другое средство. Они готовились сделать собор в церкви Апостолов и убеждали Кипрского епископа выйти вперед и перед всем народом осудить Оригеновы книги, отлучить от церкви сторонников Диоскора и обвинить Иоанна в том, что и он держит их сторону». Златоуст узнал об этом и послал предупредить Епифания: «Берегись, чтобы в народе не произошло возмущение и чтобы тогда самому тебе не подвергнуться опасности». Епифаний струсил и уехал домой. На дороге он умер». Стр. 628.

Епифаний, очевидно, был игрушкой в руках Феофила и императрицы Евдокии. С его отъездом враги Златоуста не пали духом. «Император велел Феофилу устроить против Златоуста собор... Феофил в короткое время созвал многих епископов из разных городов и прибыл вместе с ними в Константинополь. На собор съехались преимущественно те епископы, которые по тем или иным причинам питали вражду против Иоанна. Явились и такие епископы, которых Иоанн лишил епископской кафедры... Феофил остановился в одном из царских дворцов. С этого времени отсюда стало выходить великое множество обвинений против Иоанна. Но об Оригеновых книгах все не упоминали и рассматривали другие странные обвинения. Приготовив все, епископы собрались в одном предместье Халкидона, которое называлось Дуб, и тотчас же послали звать Иоанна для оправдания в возводимых на него обвинениях. Но так как Иоанн в своих судьях видел врагов, то он предъявлял отвод и требовал созыва собора вселенского. Епископы, не обратив внимания на это требование, звали его еще четыре раза, и когда Иоанн при всем том не хотел прийти на собор и повторял одно и то же, они осудили и низложили его, поставив ему в вину только одно: «что он не послушался призывавших». Стр. 629.

«Низложение Иоанна сделалось известно в тот же вечер и произвело величайшее смятение в народе. Народ целую ночь стерег церковь, чтобы из нее не увлекли Иоанна, и кричал, что возводимые на него обвинения надо рассмотреть на соборе более многочисленном. Но от царя вышел указ, который повелевал: как можно скорее взять епископа и отправить его в ссылку. Иоанн узнал об этом указе и, опасаясь, чтобы из-за него не произошло мятежа, на третий день после своего низложения сам выдал себя тайно от народа и был отправлен в ссылку. Народ волновался чрезвычайно. В народных криках слышен был ропот на царя и на собор епископов, и роптавшие всю вину козни возлагали на Феофила... Царь приказал, как можно скорее, вернуть Иоанна. Иоанна застали около Никодимии и привезли обратно в Константинополь»...

«Между тем, Феофил с собором пока все еще заседал. Осудив Иоанна, они принялись за его друзей. Было поднято дело Ираклида, епископа Эфесского, рукоположенного Иоанном; самого Ираклида не было, но его обвинили заочно... Приверженцы Иоанна говорили, что судить отсутствующего нельзя; александрийцы с жа-

ром противоречили им... Отсюда между ними произошла сильная распря и драка, так что во время схватки многие были изранены, а некоторые даже убиты... Феофил тотчас же убежал в Александрию, что сделали и другие епископы, кроме немногих, защищавших Иоанна».

«Ссылка не изменила Иоанна. Когда на ипподроме была воздвигнута серебряная статуя императрицы, Иоанн произнес свою знаменитую проповедь, начинавшуюся словами: “вновь Иродиада беснуется, вновь возмущается, вновь пляшет, вновь требует главы Иоанна на блюде”. Это был скандал. В столицу вызвали несколько епископов на собор... Собор находил только одну вину: почему Иоанн, после своего низложения, занял престол без соборного утверждения. На слова Иоанна, что он восстановлен 65-ю епископами, вступившими с ним в общение, ему возразили, что низложило его большее число епископов. Иоанн был низложен. Царь объявил ему, что не может войти в церковь потому, что он осужден двумя соборами. Два месяца Иоанн не выходил никуда, пока не получил царского указа отправиться в ссылку. Он был взят из церкви и увезен. Его сторонники устроили настоящее восстание и зажгли церковь... Движение было раздавлено».

«Где же тут и причем оригенизм?... И, однако, вся кампания против Иоанна была проведена под флагом антиоригенизма... Ни одного движения не позволил великий отец против великого учителя. Бесспорно, Ориген был больным местом Златоуста... Но почему же все-таки враги не предъявили Златоусту на соборе ни одного обвинения, связанного с Оригеном, хотя до собора все время играли на оригенизме? Потому что одно – травить клеветой из-за угла, в темной массе, а другое – предъявлять обвинение с мыслью о возможности его опровержения. Феофил с компанией не был настолько наивен, чтобы не видеть, что на соборе перед таким блестящим оратором, как Златоуст, и с таким плачевным грузом, как антропоморфизм, они потерпят поражение... Имя Оригена стало разделять, в конце концов, не еретиков и православных, а просвещение и мракобесие. Лучшая пора богословия лежала уже позади. Нахлынувшая в церковь духовная чернь затопила науку и деликатное понимание христианства. Все перерождалось и упрощалось. Златоуст пострадал за то, что хотел противиться этому натиску вырождения». Пособ. к церков. истории, Андреева, стр. 634.

ЕРЕСЬ НЕСТОРИЯ

В 428 г. Константинопольскую кафедру столичного Патриархата занял антиохийский проповедник Несторий. Родом он был из Германики, города в Сирии. Свое образование он получил в Антиохии, а служение церкви начал диаконом и после возведен был во священники. Несторий обладал красивым, сильным голосом и был хорошим оратором. Скоро Нестория перевели в Антиохийский собор священником. Он прославился там как своим красноречием, так и аскетической жизнью. Историк, профессор фон Хефеле, в своей книге «История соборов» во 2-ом томе на стр. 149 в § 128, изд. 1875 г. описывает его деятельность так:

После смерти Константинопольского епископа Созимона, Несторий был возведен на освободившуюся кафедру. В своем письме к Иоанну Антиохийскому Несторий сообщает, что в Константинополе он уже встретился со спором среди служителей церкви, причем одни называли деву Марию Богородицей, другие же – чело-кородицей. Желая примирить эти две группы, он предложил называть ее Христородицей. Несторий и сам был против того, чтобы называть деву Марию Богородицей.

В одной из дошедших до нас его проповедей, он говорит: «Вы спрашиваете можно ли называть Марию Богородицей? Но разве Бог имеет мать? В таком случае правы и язычники, которые говорили о матерях своих богов. И в таком случае Павел является лжецом, говоря о Божественности Христа (посл. Евреям 7 – 3), где говорится: «Без отца, без матери, без родословия...» Нет, мой уважаемый, Мария не родила Бога... Творение не родило Творца, но человека, который является орудием божественности. Св. Дух не внедрил Логоса, но Он создал из девы Храм, в котором Логос обитал... Это одеяние, которым Он пользовался, я ценю ради Него, который сокрыт в Нем и от Него не отделим... Я разделяю природы и объединяю почитание; пойми, что это значит. Тот, который был образован во чреве Марии, не был сам Богом, но Бог его принял (assumit – облачился в человека) и ради принявшего также принятый зовется Богом».

Во 2-ой проповеди Несторий бросает своим предшественникам упрек в том, что они не нашли времени, чтобы учить народ более глубокому пониманию Божества. Этим он снова переходит к своей главной теме: Христос двоичен по природе и прост по своему до-

стоинству. «Когда в писании говорится о рождении и смерти Христа, Его не называют Богом, но Христом или Иисусом, или Господом, – обозначениями, которые подходят к обоим природам... Потому Марию следует называть Христородицей ~~чйДпФНпд~~ и она постольку родила Сына Божия, поскольку она родила человека, который вследствие своего соединения с Сыном Божиим, может тоже Сыном Божиим быть назван. Подобно тому можно сказать: Сын Божий умер, но не Бог умер... Следовательно, мы не будем смешивать соединение природ, признаем в человеке Бога и будем почитать человека, которому молятся одновременно с Богом, как с Ним соединенному». В третьей речи Несторий говорит: «Ариане ставят Логос ниже Отца, те же (называющие Богородицей) ставят Его даже ниже Марии, уверяя, что Логос появился после нее и дают Божеству, которое все создало, смертную мать как производительницу. Если Тот, кого она родила был не человеком, но Богом Логосом, то она не могла быть матерью рожденного, ибо как она может быть матерью того, кто был другой природы, чем она? Если же ее называют Его матерью, то рожденный – не божественной природы, но человек, так как каждая мать может родить только подобного ее природе. Следовательно, Бог Логос не рожден Марией, но Он обитал в том, кого родила Мария». Из этих проповедей легко заключить, что Несторий стоял на точке зрения своего учителя Феодора Мопсуетского. Вследствие этих выступлений многие из слышавших его священников стали проповедовать против Нестория. Отвечая на одну из направленных против него проповедей, он сказал: «Кто необдуманно говорит, что Мария родила Бога, тот делает христианскую догму смешной для язычников, так как язычник ответит: «Я не могу молиться рожденному, умершему и погребенному богу...». Сокровенное в религии надо выразить так: «Иное есть Логос, который обитал в храме, созданным св. Духом и иное храм в котором обитал Бог». Несторией предлагает вместо выражения «Мария родила Бога» говорить: «Бог проявился через Марию». В проповеди в ответе Проклу Несторий говорит: «Животворящее божество называют они смертным и осмеливаются Логоса низвести до театральной фабулы, как будто Он был пеленаем, как младенец и потом умер... Пилат предал смерти не Божество, но облачение Бога, и не Логос был завернут в погребальные пелены и погребен Иосифом Аримоефским... Не тот умер, который животворит, ибо кто тогда разбудил бы умершего? Бог не изменился благодаря его

единению или связи с человеком, но соединенный с воспринявшей Его человеческой природой поднял ее ввысь, оставаясь сам неизменным. Чтобы проявить милость к людям принял Христос грешную природу... Христос не есть только человек, но человек и Бог одновременно... и этому человеку я молюсь, как орудию милости Господа, как живой багрянице Царя... Что было создано во чреве Марии не есть сам Бог..., но так как в принятом живет Бог, то и принятый, ради принявшего, назван Богом. И не Бог страдал, но с распятым телом был соединен Бог».

«Из Константинополя, – продолжает далее проф. Хефеле, – взгляды Нестория стали распространяться в провинциях, так что в 429 г. Кирилл, епископ Александрийский, счел нужным выступить в защиту православия. На почве этого выступления возникла переписка между Кириллом и Несторием, в которой каждый защищал свои взгляды. Так как переписка ни к чему не привела, Кирилл письменно обращался к Феодосию II, его жене Евдокии и сестре Пульхерии, имеющей большое влияние на царя. Когда и эти обращения остались безрезультатными, Кирилл обратился к папе Целестину, переслав ему также и письма Нестория. Папа созвал собор в Риме в 430 г., на котором Несторий был признан еретиком и ему угрожали смещением, если в 10-дневный срок он не отречется от своей ереси. Несторий определенного ответа на эту угрозу не дал. Тогда в том же году был созван в Александрии собор, который во главе с Кириллом осудил учение Нестория и выставил 12 пунктов, в которых излагалась православная точка зрения на Марию и Христа, причем все инакомыслящие предавались анафеме.

ХII АНАФЕМАЦИЙ КИРИЛЛА (СТР.170, §132)

1. Кто не признает, что Еммануил есть истинный Бог и что Пресвятая Дева, вследствие этого, есть Богородица, так как Она родила по плоти воплотившегося Бога-Логоса, тот да будет анафема.

2. Кто не признает, что Логос от Бога-Отца ипостатически (Hypostase – природа) соединился с плотью и вместе с его ставшей плотью есть Христос, Бог и человек одновременно, тот да будет анафема.

3. Кто в едином Христе разъединяет соединенные природы (Hypostasen), соединяя их в почитании, могуществе и уважении только благодаря днбцейб, а не благодаря физическому единению, тот да будет анафема.

4. Кто разделяет выражения, употребляемые в отношении Христа в евангелиях, апостольских писаниях, святыми или высказанные Христом о самом себе, между двумя ипостасями или лицами Ртпдюрпйд и приписывает одни собственно человеку, отделяя от божественного Логоса, другие же с богопочтением, но только Логосу, тот да будет анафема.

5. Кто осмеливается утверждать, что Христос есть человек, который несет аецтпн Бога, но не есть истинный Бог, единственный Сын по природе, согласно словам: «Слово стало плотью» (Иоанн, 1 – 14) и «как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оныя...» (Евр. 2 – 14), тот да будет анафема.

6. Кто осмеливается утверждать, что божественный Логос есть Бог или Христос, и не признает, что один и тот же есть одновременно Бог и человек, причем Логос, согласно писанию, стал плотью, тот да будет анафема.

7. Кто исповедует, что божественный Логос только действовал в человеке Иисусе и что слава едиnorodного приписана Ему, как нечто чужое, тот да будет анафема.

8. Кто осмеливается исповедовать, что воспринятый человек должен быть почитаем одновременно с Богом-Логосом, ценим и признаваем за Бога, как будто они оба различны, так как именно такой смысл имеет слово «с» дьн, которое (Несторием) всегда присоединяется, а не чтит почитанием Еммануила и не возносит Ему славословие, так как Слово стало плотью, тот да будет анафема.

9. Кто исповедует, что один Господь Иисус Христос прославлен был духом, как будто употребленная для того Сила, которая существует через Него, была чужою и что Он получил власть над демонами и чудотворную силу только от духа, и что дух, благодаря которому Он творил чудеса, не признает Его собственным, тот да будет анафема.

10. Кто исповедует, что не сам божественный Логос, воплотившийся и вочеловечившийся подобно нам, но иной, отличающийся от Него человек стал нашим первосвященником и апостолом (по пис. к Евр. 3 – 1 и Ефес. 5 – 2), или кто исповедует, что Он принес себя в жертву не только ради нас одних, но также и ради самого себя, как будто Он не безгрешный и требовал за себя жертву, тот да будет анафема.

11. Кто не исповедует того, что плоть Господа животворяща и принадлежит собственно божественному Логосу, но сопричастна

другому кроме Него, который соединен с ним только по достоинству или по божественному обитанию, и что плоть не принадлежит Логосу, который все может оживить, тот да будет анафема.

12. Кто не исповедует, что божественный Логос страдал во плоти, во плоти был распят и во плоти вкусил смерть, но Единородный получил свое бытие от смертного, а не потому, что Он, как Бог, есть жизнь и жизнедатель, тот да будет анафема.

В ответе на приведенный анафемации Несторий издал свои 12 пунктов, в которых выставил Кирилла еретиком. Его и всех одномыслящих с ним так же предал анафеме.

ХII ответных анафемаций Нестория

1. Кто исповедует, что Еммануил есть истинный Бог, но не «с нами Бог»¹¹ (Мф. 1 – 23), т.е. что Он соединился с природой, подобной нам, которую принял через Деву Марию, и обитал в ней, а так же, кто называет Марию матерью Бога-Логоса, а не матерью того, кто есть Еммануил, и кто исповедует, что Бог-Логос сам себя превратил в плоть, которую Он только принял, чтобы сделать видимой свое Божество и быть воспринимаемым во образе человека, тот да будет анафема.

2. Кто утверждает, что во время соединения Логоса с плотью божественная сущность перенеслась из одного места в другое, кто исповедует, что плоть частично соединена с божественной природой и обладает теми же способностями, или кто ради восприятия Бога приписывает плоти распространение в беспредельности и неопределенности и исповедует, что один и тот же по натуре одновременно и Бог, и человек, тот да будет анафема.

3. Кто исповедует, что Христос, который есть также Еммануил, един не только по соединению, но так же и по природе, и кто не признает, даже и теперь, продолжающегося соединения, без смешения обеих натур, как Логоса, так и человека, в единого Сына, тот да будет анафема.

4. Кто выражения евангелия и послания апостолов, которые относятся к двум природам Христа, приписывают только одной природе и приурочивают божественному Логосу как его плоти, так и божеству, даже страдания, тот да будет анафема.

5. Кто осмеливается исповедывать, что, так же и по вочеловечиванию, существует по природе только один Сын Божий, который все же есть Еммануил, тот да будет анафема.

---

¹¹ Еммануил в переводе – «с нами Бог».

6. Кто и по вочеловечении другую сущность называет как Христом и Богом Логосом и осмеливается сказать, что служебный образ (die Knechtsgestalt), подобно Богу Логосу безначален и не создан, и что не он (образ) создан им, как естественным Господом и Творцом, который обещал его снова воскресить словами: «разрушите храм сей и я в 3 дня снова воздвигну его», – тот да будет анафема.

7. Кто исповедует, что произведенный на свет Девой человек, есть Единородный, который рожден из лона Отца, прежде звезды утренней (псалм 109 – 3), но не признает, что Он сделался соучастником названия Единородного, вследствие соединения с тем, кто по природе единороден Отцу и, кроме того, кто другого, т.е. Еммануила, зовет Христом, тот да будет анафема.

8. Кто исповедует, что служебный образ (die Knechtsgestalt) сам по себе принадлежит почитанию, т.е. вследствие качеств своей природы, и что Он есть властитель всего, а не потому Он должен быть почитаем, что соединился со святой и самой по себе всевластной природой Единородного, тот да будет анафема.

9. Кто исповедует, что служебный образ (die Knechtsgestalt) единосущен св. Духу, а не то, что Он, благодаря посредничеству св. Духа, осуществил соединение с Логосом, что и дало Ему среди людей делать чудесные исцеления и обладать силою изгонять бесов, тот да будет анафема.

10. Кто исповедует, что Слово, которое было в начале, стало первосвященником и апостолом нашего исповедания, которое само пожертвовало собою для нас, а не исповедует, что это дело Еммануила быть апостолом; кто таким образом делит жертву между тем, кто объединил (Логосом) и тем, кто был объединен (человеком), в одно общее сыновство, т.е. не приписывает Богу божеское и человеку человеческое, тот да будет анафема.

11. Кто исповедует, что соединенная с Богом Логосом плоть, животворяща вследствие сил ее природы, в то время, как Сам Господь говорит: «дух животворит, плоть же не пользует ни мало» (Иоанн, VI – 63), – тот да будет анафема.

12. Кто, признавая страдания плоти, приписывает таковые так же Богу Логосу, как и плоти, в которой Он явился, и кто, таким образом, не разделяет достоинство природ, тот да будет анафема.

Разбирая писания такого мыслителя и философа, как Несторий, нужно с одной стороны пожалеть о том, что он, этот выдающийся богослов того времени, но и правдивый человек с другой стороны,

и глубокий христианин, в своем ответе Кириллу снизился до таких же базарных проклятий, как и этот «святой» корифей православия. Скажите, как должны мы относиться к человеку, совершающему ошибку или грех, по правилам православия? Своим поступком он сам накликает на себя следствие и ответ за все содеянное им; и не с сожалением ли и молитвою о прозрении должно быть наше отношение к нему? Когда Христос относился к людям иначе, и кто дал нам право на проклятие?

Затем нельзя допускать мысли, чтобы и светлым Сущностям великой Вселенной нужно было бы прибегать к недостойному способу темных, а именно, к одержанию – для того, чтобы иметь возможность проводить в жизнь свою творческую волю. Именно, Иисус Назаряин не был одержим Христом-Логосом, как вытекает из ответов Нестория, но Иисус Назаряин подчинил свою волю Воле божественной и в свое сознание принял мысли Отца, и свое сердце заселил Христом Логосом, т.е. великою любовью к Нему и ко всему творению Его, «Не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2 – 20), – говорил Павел, когда вся сущность человека заполняется и заливается Светом и Лучами Христа-Логоса, что и предполагал Иисус, когда сказал свои памятные слова: «Огонь пришел Я низвесть на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лука, 12 – 49); и в то же время сознавал, что такое Его желание пока неисполнимо для человечества и ограничивался тем, что очень часто повторял: «Могий вместити да вместит» (19 – 12 Мф). Всею своею жизнью и мудростью Он уже и обнаружил свое сверхчеловеческое «вмещение».

III ВСЕЛ. СОБОР В ЕФЕСЕ (431 г.)

На стороне Нестория, – продолжает повествование Хефеле, – оказались Антиохийские епископы во главе с архиепископом Иоанном. 19 ноября 430 г. Феодосий II разослал всем епископам приглашение явиться в следующем году на Троицу на собор в Ефесе. Своим представителем на соборе Феодосий послал Кандидиана. Римский папа прислал тоже своих представителей. К назначенному сроку собрались в Ефесе все епископы, за исключением архиепископа Антиохийского Иоанна с его епископами. Иоанн нарочно медлил с приездом, выставляя разные предлоги. Кирилл и Ефесский епископ Мемнон поджидали Иоанна еще несколько недель и тогда они решили открыть собор без него. 22 июня 431 г., несмотря на протесты царского эмиссара, был созван собор, на котором

присутствовало 200 епископов. Несторий со своими епископами на собор не явился. Собор анафемировал Нестория и его учение и лишил его сана епископа.

Царский эмиссар, который был сторонником Нестория, протестовал против постановления собора на том основании, что на нем не присутствовал Иоанн Антиохийский. Через три дня после завершения собором своих дел приехал в Ефес Иоанн. Несторий со своей стороны собрал собрание своих епископов числом 43, которые постановили лишить Кирилла и Мемнона их сана, а остальных участников собора экскоммуницировать (право совершать богослуж.), а вместе с тем анафемировать еретические пункты Кирилла. Постановление совещательного собрания было сообщено царю, а эмиссар запретил участникам собора покидать Ефес и совершать богослужения. Феодосий II прислал в Ефес письмо, в котором писал, что постановление собора недействительно.

Несмотря на все принятые меры Кириллу удалось переправить письмо к своим сторонникам. Архимандриты устроили своего рода демонстрацию из монахов и народа и, во главе с ними, отправились к царю, который их принял и выслушал. После этого к царю как с одной стороны, так и с другой посылались доверенные с просьбой арестовать противников и собрать собор поблизости столицы. Феодосий постановил арестовать как Нестория, так и Кирилла с Мемноном и созвать собор в Халкидоне. Феодосий II, который раньше был на стороне Нестория, резко изменил к нему свое отношение и стал на сторону Кирилла... Епископы собрались в Халкидоне, откуда, как одна, так и другая сторона обращались к царю. Но и в Халкидоне соглашение не было достигнуто. Тогда царь отправил обеим партиям декрет, в котором предписывал всем епископам вернуться к себе домой и занять свои кафедры. Несторий же еще раньше получил от царя предписание покинуть Ефес и отправиться в монастырь, в котором он был монахом. Покидая Халкидон, Феодосий призвал в Константинополь депутатов партии Кирилла, с тем, чтобы они избрали нового епископа на место Нестория. Группа Антиохийских епископов, с Иоанном во главе, отказались признать вновь избранного епископа Максимилиана и по-прежнему считали епископом Нестория. Такое положение тянулось несколько лет, в течение коих как Римский папа, так и Константинопольский епископ и царь неоднократно делали попытки примирить обе стороны. Наконец, после нажима со стороны царя, Анти-

охийские епископы пошли на компромисс, и уния была заключена. Желая нанести несторианству последний удар, Кирилл взялся за учение Феодора Мопсуетского, каковое и было предано анафеме. В своей борьбе с Несторием, как пишет Хефеле, Кирилл неоднократно прибегал к подкупу и взяткам, в виде дорогих подарков сестре царя – Пульхерии и другим влиятельным при дворе лицам. Об этих подкупах можно судить из письма архидиакона Кирилла – Епифания к епископу Константинопольскому Максимилиану (§ 156 стр. 265. Эти сведения Хефеле взял из «Mansi» 1. Кор.), в котором он говорит, что Пульхерия и придворные выказывают теперь мало забот о Кирилле, может быть потому, что ценные подношения последнего недостаточны для жадных придворных и кончает письмо тем, что к письму приложен список подарков, которые были сделаны, чтобы Максимилиан мог видеть, как много Александрийская церковь пожертвовала на это дело; она должна была даже повысить обложения. Теперь и Константинопольская церковь должна понести, по его мнению, свою жертву, чтобы удовлетворить жадность определенных лиц. (Consiliengeschichte Karl von Hefele, II Band 1875. Seite 265, § 156).

«По заключению унии, Несторий был сослан из Антиохийского монастыря в Аравию».

Более краткие сведения историка Андреева ничем не отличаются от только что изложенного, но мне хотелось бы привести заключительные слова этого историка по поводу учения Нестория: «В этих словах (из учения Нестория) нет абсолютно ничего, что можно было бы считать еретическим... Несторий был перетолкован и сошел со сцены непонятым. Он был логически прав, но его выступление было несвоевременно... Несторий – умница, оратор, государственный человек, не мог не нравиться при дворе. Но он не попал в тон и вызвал смятение, за это его бросили и возненавидели. При дворе не может иметь успеха человек, который создает в народе построение опасное для трона». Андреев, стр. 667 и 697. Из пособ. к истор. церкви.

Конечно, там где совершаются подкупы и взятки, там правда не творится и не торжествует она, а потому вся деятельность такого столпа православия, как св. Кирилла, должна быть пересмотрена и отринута, хотя бы после почти полутора тысячелетнего признания ее нашей церковью. Это очень печально для верховных водителей церкви, но тем не менее неизбежно, ибо правда должна вос-

торжествовать, а не держать ее под спудом из-за канонизирования Кирилла.

Мы знаем великие незыблемые законы прекрасной вселенной, которые никогда не могут быть нарушаемы безнаказанно кем бы то ни было и, в особенности, того не сделает сам Творец и Создатель их. Великая мысль и цель легли в основание Космоса и микрокосмоса со всеми видимыми и невидимыми мирами. Все это творчество связано мыслью единства и точной зависимостью между собою. Если не может быть изменена какая-либо часть механизма человеческого творчества без полного переконструирования всего сооружения, то сколь все сказанное является насущно-приложимым ко всему Зодчеству Вселенной! И отсюда ясно, что никакое нарушение закономерности и произвол не могут быть допущены с чьей бы стороны они не происходили, хотя бы даже это нарушение по мысли клонилось к благим результатам. «Настал час указать, что Величайший Бог всех народов есть Единый живой Бог в Природе, Единое Вселенное Божество – Бог Непреложного Закона, Бог Справедливого Воздаяния, но не произвола в Милосердии, именно эта надежда на незаслуженное Высшее Милосердие является, может быть, самым сильным поводом к повторным злодеяниям». Из писем Е.И.Р.

Если мы никогда не замечали в великом эволюционном шествии всех существ земли таких порождений, каковы были бы несвойственны этим существам, например, как собака или другое какое-либо животное не породит человека или растение не произведет млекопитающегося, то как же человек мог помыслить о рождении Бога? Поймите только всю величину дистанции, разделяющую одно царство от другого, ведь их разделяют миллионы лет эволюции. Не столь же велика эта дистанция между Богом и человеком? Только темному человеку в период его младенческой эпохи могли придти в голову такие мысли, и не пора ли нам понять это и изменить свои религиозные воззрения и догмы?

Мы наблюдаем и замечаем, что некоторые растения очень близко подходят по своим свойствам к животным, как например, ряска или мухоловка; мимоза «Pudika», например, сворачивает от прикосновения свои нежные перистые листочки; или, наконец, амеба, стоящая на границе животного мира с растительным. Мы знаем у собак и слонов все качества человека, кроме речи, как любовь, привязанность, верность, дружбу и даже жертвенность. Конечно, дальнейшая эволюция приведет их дух к переходу и к на-

рождению в ином, в высшем царстве живых существей. «Нисходил ли ты во глубину моря, и входил ли ты в исследование бездны? ... Ты, конечно, доходил до границы ее и знаешь стези к дому ее. Ты знаешь это, потому что ты был уже тогда рожден и число дней твоих очень велико». (Кн. Иова 38). Так говорил Господь Иову.

Поэтому и человек, завершив свою человеческую эволюцию, положенную для определенной планеты, явится на эту планету в последний раз, но его приход уже будет не для своего совершенствования, как у нас – людей, а на помощь человекообразным существам, для помощи им, и, выдержав свое испытание в любви и жертвенности к людям и зная час своих страданий и смерти, он добровольно, не отстраняя их, пойдет навстречу им и примет их, и станет Богочеловеком. Такие явления мы знаем, и история их запечатлена в памяти людей в различные времена и эпохи жизни человеческой на земле. (См. «Великие Посвященные» Эдуарда Шюре).

Зачем, скажите, тогда рождаться Богу на земле, когда есть много Сынов Божиих, кои с радостью пойдут на такое испытание и принесут в жертву и жизнь свою, и знание на жертвенник любви и общего Блага? Ведь руками и ногами человеческими должно быть создано великое царство Господне на Земле. А Господь есть и будет всегда с нами в сердцах наших и великая помощь Его обеспечена нам по мере нашей подготовленности к тому.

Чтобы понимать Св. Писания и разбираться в них, мы никогда не должны забывать великие слова Христа (Иоанн 10 – 38): «Отец во Мне, и Я в Нем» и (Иоанн 14 – 20): «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас». И слова Павла (Эфес. 4 – 6): «Один Бог и Отец всех, который над всеми и во всех». Так как ничего кроме Него и нет, то отсюда и ясны слова Христа «Я в Отце...». В приведенных выдержках говорится о единстве великого Духа, наполняющего все Собою и сотворяющего всякую жизнь, но Он должен проявиться и народиться в сердцах наших по мере очищения и совершенствования нашего. Так и Иисус Христос чувствовал Отца в Себе и в максимальной мере по великой чистоте Своей, как Богочеловек.

«Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3 – 4).

«Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос». (Гал. 4 – 19). Памятуя приведенные выше слова Христа, можно сказать, что имя тут не играет роли – все едино: «вы во Мне, и Я в вас» – все есть Дух и Дух есть Божий.

«Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира (или страстями человеческими), а не по Христу» (Кол. 2 – 8). Ибо самим Христом в Ев. Иоанна столь ясно сказано, что всякое иное толкование будет явное отклонение от великого Учения. Тем более, что и Учения других религиозных воззрений, столь же ясно передают ту же мысль: «Ты есть То». Имя Господа там читается столь священным, что Оно всегда изображается местоимением с прописной буквою. Все различие лишь в том, что индусы, как облик Бога берут сущность своего ближнего, а апостолы брали сущность Иисуса, в котором выражен был Бог в высочайшей мере. Поэтому индусы в этих вопросах не запутались, а христиане, в лице своих отцов, возненавидели Бога в ближнем своем и преклонились лишь форме.

«Нет ни Эллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всех Христос». Так выражал Павел понятие вездесущности Бога без ограничения лишь лицами христиан, но не так понимали отцы нашей церкви! Но, главное, не так жили и поступали, как подобало бы отцам.

К приведенным словам евангелия Иоанна и апостола Павла, не могу не добавить еще слов Оригена:

«... никто не станет думать, что этот Сын Божий заключается в каком-нибудь месте. Он есть Бог Слово, бывшее в начале у Бога, Он есть премудрость, истина, жизнь, правда, освящение, искупление, а все это не нуждается в месте, чтобы делать что-нибудь или действовать; но каждое из этих (наименований) должно понимать в применении к тем, которые участвуют в Его силе и воздействии... Несомненно, что Христос, как Слово и Премудрость и все прочее, был в Павле, почему Павел и говорил: «Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне...» (2 Кор. 13 – 3), и еще: «И уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2 – 20). Но кто будет сомневаться, что, будучи в Павле, Он (в то же время) подобным же образом был и в Петре, и в Иоанне, и в каждом из святых, и не только в святых, находящихся на земле, но и в тех, которые находятся на небесах? Ведь, нелепо сказать, что Христос, конечно, был в Павле и Петре, а в архангеле Михаиле или Гаврииле не был...». Сын Божий находится в разных существах, например, в Петре или Павле, в Михаиле или Гаврииле, но находится не во всех одинаково: в архангелах Он находится полнее и яснее, и, так

сказать, более открыто, нежели в прочих святых мужах. Это ясно из того, что, по выражению евангельского изречения (Матф. 22 – 30), святые, достигши совершенства, сделаются подобными и равными ангелам. Отсюда видно, что Христос в каждом изображается настолько, насколько позволит мера заслуг¹²... После этого, кстати, напомним о телесном пришествии и о воплощении едиnorodного Сына Божия. Об этом должно думать не так, будто все величие Его Божества было заключено в границы малейшего тела, так что все Слово Божие и Премудрость Его, и субстанциональная Истина, и Жизнь – будто бы отделилась от Отца или была обнята и ограничена в пределах этого малого тела, и вне этих пределов уже не действовала. Благоразумное и благочестивое исповедание должно быть в середине между двумя крайностями: с одной стороны, оно не должно признавать во Христе никакого недостатка в Божестве; с другой стороны, оно не должно мыслить в Нем совершенно никакого отделения от отчей вездесущей субстанции. Именно, нечто подобное указывал Иоанн Креститель, когда, во время телесного отсутствия Иисуса, говорил народу: «... стоит среди вас НЕКТО, Которого вы не знаете. Он-то идущий за мною, но Который встал впереди меня. Я недостойн развязать ремень у обуви Его». Что касается телесного присутствия, то, конечно, нельзя было сказать этого об отсутствующем: но именно Сын Божий стоял впереди тех, между которыми не присутствовал телесно». «О Началах» Оригена, стр. 322 и 323.

А.П.Лебедев о III всел. собор. говорит следующее в своей книге «Вселенские соборы IV и V веков»: «За православие высказались все те страны и церкви, где в IV веке жили и действовали поборники Никейского собора. За несторианство крепко стояли, опять же, те страны и церкви, которые в IV веке боролись в пользу арианства. Параллель выходила самая строгая». Стр. 168.

«Отсюда, из всех этих фактов о сфере распространения идей александрийской церкви и несторианства в церкви V века, с ясностью видно, что разделение церкви, начавшееся по поводу арианства не умирало и впоследствии, оно только скрывалось. Прошел целый век, а оно все еще было живо. Случились новые споры, и обстоятельства показали, что древние раны не зажили еще совсем. В отдельных церквях были симпатии и антипатии,

---

¹² К этим заслугам не относится ли заслуга расширенного человеческого сознания?

которых не могло сокрушить само всесокрушающее время...». Стр. 171.

«Главным представителем православия во время споров несторианских был св. Кирилл, архиепископ александрийский...». Стр. 188.

«Арианство свило себе гнездо в Антиохии сирийской, то же было и теперь с несторианством. Отсюда вышли все вожди несторианских движений. Архиепископ антиохийский Иоанн объявил себя «другом» Нестория. Стр. 169.

«Прежде Александрия, став во главе православного движения, сильно опиралась в своей деятельности на авторитет папский, ждала подкрепления и помощи из Рима, тоже и теперь, Кирилл почтительно просит папу Целестина решить вопрос, как поступить с Несторием, и верно выполняет волю папскую. Враги папы суть враги Кирилла. Иначе держит себя противная партия, как это было и во времена арианства. Несторий пренебрежительно относится к папе; берет на себя задачу перерешать папские определения (?). Авторитет папский для него мало значит. Наконец, поборниками православия в эпоху арианскую были, между прочим, монахи, ревностные враги ариан, – теперь тоже самое». Стр.171.

Характеристику главных действующих лиц Лебедев дает такую: Кирилл – святой, чего же больше? Очевидно, что вся правота по поводу решений и поступков на его стороне; описаний других качеств нет, как, например, у Андреева. «Мы, – говорит Лебедев, – думаем, что эти споры едва ли разгорелись бы, если бы на сцене церковно-исторической не появилось Нестория, человека с достоинствами, но крайне запальчивого, любившего настоять на своем, гордого; а главное, как питомец монастырский, он мало знал жизнь и ее требования, узко понимал интересы церкви» (?). Стр. 168. «Какою сильною привязанностью пользовался Несторий в обществе константинопольском, это видно из того, что, когда он был уж изгнан, народ, по смерти архиепископа константинопольского Максимиана, возгласил: «да будет Несторий снова епископом в столице». Стр. 170.

«Сократ прямо свидетельствует, что это был человек очень талантливый, отличавшийся красноречием и даром слова. Жизнь его носила отпечаток аскетических наклонностей. Но вместе с этим он сообщает о Нестории много такого, что бросает тень на умственный и нравственный характер его...» Стр. 175. (Из «Вселен. соб.» Лебедева). «Не потому ли Сократ не любил и Златоуста, что этот был выходцем из антиохийской школы? Нет оснований защищать Не-

стория, но нет оснований вполне верить Сократу...». «нет ни одного исторического свидетельства, которое набрасывало бы тень на нравственную жизнь еретика...». Стр. 177. Но то ли можно сказать про Кирилла, хоть он и окружен ореолом святости? Андреев описывает его в далеко не завидном свете.

«Сторону Нестория держали весьма многие епископы сирийские, азийские и понтийские». Стр. 170.

«Переход от споров арианских к спорам несторианским, спорам о лице Богочеловека – христологическим, совершился в церкви, по нашему мнению, очень просто. Ариане в своих интересах ссылались, как мы указывали выше, на многие изречения Нового Завета относительно Христа, в которых Он Сам или евангелисты и апостолы говорили о Нем унижительно. Эти изречения известны. Из этих изречений ариане выводили заключение, что Сын ниже Отца, подчинен Ему и пр. Со стороны представителей православия необходимо было разъяснить: в каком смысле нужно понимать подобные унижительные изречения о Христе. Общая мысль их была та, что изречения подобного рода нужно относить исключительно к человеческой природе Христа. Но такое решение вопроса встречало затруднения, выражения имели недомолвки. Если Христос одно говорил и совершал как человек, другое как Бог, не следовало ли отсюда, что естества во Христе были разделены (против чего яро восставали православные): в Нем одном действовали две сущности и две отдельные воли? В ответ на эти возражения, конечно, можно было отвечать: природы во Христе не разъединены, а находятся в соединении. Но на это разъяснение готово было новое возражение: если естества во Христе были тесно соединены, если Он Богочеловек в буквальном смысле, то возникало богохульное заключение, что когда Он говорит о себе унижительно, Он обманывал своих учеников. Ибо, Тот, Кто в каждом слове и каждом деле есть воистину Бог, не мог говорить и действовать только по человечески. На эту мысль сильно ударяет блаженный Феодорит, участие которого в споре несторианском известно. Приводя изречение Христа, что Он “не знает о дни же том и часе” (Мф. 24 – 36), Феодорит не без основания рассуждал: «если как Бог, и зная день, однако ж, желая скрыть, говорил, что не знает его, то смотри, к какому богохульству должно приводить заключение: Истина лжет; она не по праву называется истиной, если заключает в себе что-нибудь противное истине? Почему Сло-

во носит имя премудрости, как скоро подвержено немощи неведения?». Возражение существовало: нужно было решить его. Отсюда – «споры несторианские». Стр. 166 – 167.

«Сторонник Нестория, архиепископ антиохийский Иоанн, «поручает умнейшему и образованнейшему из архиепископов антиохийского округа Феодориту опровержение воззрений противной стороны. Сам Феодорит, епископ кипрский, называет Нестория своим «другом», «отцом» и решает употребить все силы свои ко благу этого отца». Стр. 170.

«Отцы александрийской, или, точнее, египетской церкви, на III вселенском соборе заявляли: от епископов египетских требовать отчета в православной вере излишнее дело. Ибо всякому очевидно, что мы следуем вере святейшего Кирилла». Таких было на самом соборе 50 человек». Стр. 168.

«Сторона православная, александрийская, разделяет в этом отношении принципы Афанасия, Василия В., Григория Богослова. Вере должен быть подчинен разум, разуму должен быть положен предел в наследовании веры; вера выше разума – вот смысл воззрений, раскрываемых православными богословами, противниками несторианства. Начнем с Кирилла. Он говорит: «зачем мне заботливо исследовать Писание, а не мудрствовать в простоте сердца согласно с ним?»... «Прими благоволение Отца, даровавшего нам собственного Сына. Не исследуй, прошу, этого дела. Оно не поддается разуму языческой мудрости и обыкновенному пониманию – чуждо того и другого»... «какая необходимость предлагать всем эти вопросы (о воплощении) столь утонченные и сокровенные? Не больше ли бы пользы принесли мы людям изъяснением нравственного учения, когда мы еще не способны с надлежащей верностью проникать в догматическое учение?» Стр. 172.

«Что мысли Кирилла по сравнению с несторианскими не столь ясны и наглядны – это несомненно», говорит Лебедев на стр. 187.¹³

Папа Целестин сказал замечательные слова о вере: «Будем хранить ее, потому что она хранит нас». Стр. 173. «Суетные изыскания, – продолжает он, – не помогают спасению, но служат к гибели душ; надобно скорее убегать, нежели вдаваться в них». Стр. 174. Заstraщивание и пресечение всякой работы мысли – излюбленное средство тушителей прогресса. Воистину подобная вера Целестина

---

¹³ Именно, православная группа во главе с Кириллом стремится ограничить, а то и вовсе убить в человеке великую способность мыслить.

хранит всех их на теплых местах, но ни в коем случае не сберегает для человечества Великую Истину! Она же охраняла и всех сектантов – изуверов от света, от приближения к истине, от эволюционного пути и расширения сознания.

Епископ Федот анкирский, приверженец Кирилла, внушает смотреть на образ воплощения, как на чудо и требует, чтобы при виде этого чуда умолк разум... Не спрашивай: «каким образом Бог пребывает Богом и делается человеком? ...» «Верь чуду и не спрашивай умом совершившегося». Стр. 173.

«На том же соборе приверженцы его предполагали увидеть диспуты противных сторон, чтобы истина разъяснена была посредством предложений и решений... Опять этого избегала сторона православных, как скользкого в области веры. Иоанн антиохийский задачу деятельности собора ефесского полагал в том, чтобы «заняться исследованием догматов...». Исходною точкою этих изысканий, в противоположность православным отцам, они считали «знание и испытание догматов». По словам Сократа, если это не фраза, Несторий критически относился к прежним церковным писателям, смотрел на них с недоверием. «Несторий не показывал внимания к древним, но предпочитал всем самого себя.». Стр. 175. «Мы знаем, что Несторий потерял доброе имя, честь, вечное спасение, но не будь он по воспитанию человеком опытным касательно злобы дня, не будь он крайним антиохийцем, из него вышел бы человек совсем другой. Но что говорить о том, чего нет? ...». Стр. 178.

Итак, если бы Несторий не шел против Кирилла с его египетскими монахами и, в особенности, против воли и авторитета папы, его не покарали бы и он сохранил бы свое положение, имя, честь – в это я верю, но приобрел ли бы своею угодливостью «вечное спасение» – в этом я сильно сомневаюсь!

Лебедев выразился о Нестории, что «он мало знал жизнь и ее требования и узко понимал интересы церкви». Стр. 168. Неужели Лебедев не понимает, что такие слова нельзя бросать в отношении духовно устремленных людей. Для них служение истине затмевает все остальные житейские требования их. Только для человека с физическими устремлениями берут верх «требования жизни». И только для них важна не духовная целостность церкви, – ее они могут разорвать на тысячу кусков во имя самых нелепых догматов, – а им нужна лишь физическая цельность церкви и с ними же во главе. И это последнее обстоятельство, пожалуй, даже более важно для них,

чем все отстаиваемые догматы. Ведь только поэтому они не хотят понять, что различие высот сознания творит и различие убеждений и взглядов. Различие уровня мышления среди людей не может совмещаться друг с другом, и их требования в определениях и представлениях будут совершенно иными. Так понимали древние иерофанты, так понимали и апостолы, разделив людей на питающихся молоком и твердой пищей, но этого не могли понять святые Кириллы и блаженные Иеронимы и присные с ними. Поймите, что взрослые не могут мыслить как дети, и дети рассуждать как взрослые, а потому и отношение к ним и должно быть разное. Беда вся в том, что Кириллы и Иеронимы сумели своим угождением взобраться на верхи церковной иерархии, но никогда они не устремились приобрести эту твердую пищу для взрослых, ибо она без расширенного сознания не дается, не сумели даже подойти к пониманию запросов в этой пище у других людей.

«Для нашей задачи чрезвычайно важно, – пишет далее Лебедев, – уяснить еще вопрос: как относились обе стороны к символу II вселенского собора, к догматической деятельности его, вообще к этому собору. Представители партии смотрели на символ константинопольский разное. Кирилл в своих сочинениях при разъяснении христологических вопросов никогда не пользуется редакцией символа константинопольского, но всегда и исключительно редакцией символа никейского. Кирилл прямо и решительно объявил, что единственным символом, которым должна руководствоваться церковь, есть символ никейский в духе св. Афанасия. Кирилл считает его во всем достаточным и неизменным даже в букве». Стр. 190.

«Сам Несторий, исключительно, пользуется редакцией символа константинопольского, когда он доказывает свое учение на основании вселенских соборов». Стр. 191.

Заканчивает проф. Лебедев свое описание Ефесского собора так:

«На собор в Ефес созваны были как епископы стороны Кирилла, так и епископы стороны Нестория. Но собравшиеся епископы не составили одного собора, а сообразно с своими воззрениями богословскими разделились на две части. Епископы, согласные с Кириллом, составили свой собор многочисленный; это и есть вселенский ефесский собор. Епископы же, единомысленные с Несторием, в противодействие этому собору образовали в том же Ефесе свой «отступнический» собор под председательством Иоанна антиохийского. Епископы собора ефесского вселенского решительно отказались от обще-

ния с еретиками; они говорили Кириллу, после того как противоположная сторона показала много задору и ярости: «Вот тела наши (т.е. если хочешь, наказывай нас), вот церкви (т.е. если хочешь, лиши нас сана), вот города (т.е. если хочешь, сошли в ссылку), но привести нас в общение с восточными (антиохийцами) вы нас не можете». С своей стороны отступнический собор относится к отцам истинного собора в духе решительной нетерпимости». Стр. 196.

«Учение Кирилла найдено вполне сообразным с символом никейским, а учение Нестория – противоречащим оному. Собор единодушно выразил свое полное уважение к символу никейскому. Он не раз прочитывается на соборе...». Стр. 197.

«Собор вселенский низложил, лишил сана всех участников собора отступнического; с своей стороны собор отступнический часть низложил, а часть лишил церковного общения всех отцов собора вселенского. Этим и закончился собор ефесский». Стр.200.

Невежество, возведенное в степень достоинства, и крайний эгоизм верхов охраняли свою власть и авторитет, а тьма и мрак широких масс помогали ей! Какое трогательное единение! Самая мрачная из историй человечества – это история церкви, ибо здесь творилось покушение на развитие сознания людей, на прогресс, на великий закон мира – эволюцию. Мы, как дети Божии, как наследники Его, согласно Павлу, должны возрастать непрерывно, поднимаясь все выше и выше в развитии всех своих сторон и качеств, заложенных от Бога, а то ли делалось все время? Молчи, говорит инквизиция; не мысли и не думай – приказывают соборы. И все это творилось именем Бога! И в основу кладется лозунг – верьте, как мы! Знание, мысль и труд в постижении истины, все высшие свойства человека ниспровержены в угоду ненасытной алчности властителей. И худший из них возведен в святого! Разве нужно для Господа полировка плит храма лбами человечества? Не Он ли сказал: «Что вы зовете меня Господи, Господи, и не делаете того, что Я говорю». (Лука 6 – 46). Но ведь воля Его – в эволюции Мира и, прежде всего, среди старших детей Его. «Буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3 – 6). Как часто Христос подчеркивал эту мысль в своих словах, и не она ли легла в основу Его отношения к фарисеям и книжникам?

«Слепые, водители слепых», тушители знания и света, не пожела ли видеть, что все сокровенное великой Природы не находится под спудом у нее, и в свое время все больше и больше дается Ею пытли-

вым детям своим? И эту пытливость не тушить нужно, а всячески развивать. Ведь и «царство Небесное силою берется», т.е. силою духа и его устремлений в развитии всех сторон, заложенных в нас.

Там, где сеятели света творят знанием и просвещением, там поборники тьмы творят заклинаниями и ритуалами.

Как же иначе понять раздававшееся на соборе анафемирование, как не заклинание самого худшего свойства в связи с соответственным ритуалом. «Кирилл писал в своих «анафематствах» против Нестория: «кто говорит, что Иисус Христос прославлен Духом в том смысле, что пользовался через Него как бы чужою силою, а не почитает собственным Его Духом, анафема». Стр. 194. Кто эти анафематствующие и кому они служат? Только привычка к ним затуманивает в нас их роль и служение. Не об интересах церкви нужно заботиться как таковой, о чем трактует Лебедев, а об Истине, которую церковь должна прежде всего проводить в Жизнь на Пути своем. Вспомните слова Христа: «Я есмь Путь, Истина и Жизнь». И не церковь ли должна внедрять эти основы? Но не так разумеются интересы ее – ее же водителями.

Насколько земное преобладает над духовным, может свидетельствовать тот факт, что католической церковью не признаются браки католика с лицом иной христианской конфессии. Но достаточно лишь признать православному епископу папу, как даже ксендзы будут прислуживать ему в его служении и помогать ему облачаться, что и было в Даугавпилсе (Двинск) 20/II – 38 г. «Признайте лишь нашу власть и мы вам все разрешим, все позволим». Вот вывод из устремлений духовных особ. Учение же и Заветы Христа имеют более чем второстепенное значение. И так везде и во всем.

«Христос повелел молиться за обижающих, а мы (пастыри) строим ковы; нам повелено благословлять клянущих (Матф. V, 44), а мы осыпаем тысячью проклятий. Что может быть сильнее этого противоречия и противоборства, какое мы ведем против Законодателя, поступая вопреки всем Его повелениям. Не говорю уже о власти тщеславия, которую Он низложил последующими словами у Матф. (VI, 1–8), а мы усилили, распространив эту власть его (тщеславия) не только на молитвы, посты и милостыни, но и на все прочее, и подчинив себя этой безумной страсти хуже всякого невольника – не говорю, потому что это ясно для всех». (Творение Иоанна Златоустого).

МОНОФИЗИТСТВО

Далее Лебедев пишет: «Начнем в хронологическом порядке, с собора Константинопольского в 448 г. Этот собор есть прямое и решительное заявление симпатии к унии, совершившейся между александрийцами и антиохийцами назад тому пятнадцать лет.

Враги унии стали врагами собора Константинопольского. Суд этого собора есть суд над теми, кто не принял унии, т.е. над крайними александрийцами». Стр. 215.

«Враги монофизитов (крайние алекс., веровавшие в одно Божественное естество Христа), подобно самим монофизитам, ставили себя под знамена Кирилла». Стр. 217. «Но под Кириллом разумели Кирилла 433 г.» (т.е. до унии). Стр. 216. Уния исповедывала, что «Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный человек, единосущный Отцу по Божеству и единосущный Матери и человечеству, и состоит из двух естеств одной Ипостаси». Или «утверждаем, что два естества соединились, и верим, что после этого соединения, как бы уничтоживши деление на двое, пребывает одно естество». «...Ибо в Нем совершенное соединение двух естеств...» Стр. 205.

Крайности могут быть принимаемы разумом человеческим, как совершенный Бог или как совершенный человек, но совмещение этих двух совершенств будет каким-то совмещением невозможного: совершенного знания с совершенным неведением, совмещением Света и мрака, совмещением добра и зла со злом и эгоизмом, любви и неприязни, – все это неестественно, непонятно, да и совершенно не нужно никому – ни Богу, ни человеку. В этом совмещении заключается какое-то стремление примирить две группы разорвавшегося человечества, ибо раньше не было этого совмещения до принятия унии. Очень похвально стремиться объединить и умиротворить человеческие страсти, раскалывавшие церковь, но соединить несоединимые вещи – нельзя. Их можно не касаться, запретить мыслить о них, как и делали соборы, но провести в жизнь это запрещение тоже невозможно. Мысль нам дана свыше, а борьба против всего данного свыше даст вырождение и смерть, и, прежде всего, духовную. Церковь это и достигла; отчего стало столько атеистов и отрицателей, как не вследствие вековых запретов, отлучений, проклятий и костров? Пропал интерес мыслить и разбираться в этом направлении из-за страха осуждения церковью и обществом.

Несмотря на бесчисленное количество соборов, разбиравших все эти вековые вопросы религии, перестали ли они существовать? Ведь вновь и вновь вспыхивают они у отдельных личностей, но не все эти вопросы появляются в печати, а потому они все же остаются неразрешенными. Разрешить же их в плоскости, принятой церковью, невозможно, ибо предпосылка к их разрешению, или база, в плоскости которой разрешали их – неверна. Все эти вопросы становятся ясными и простыми, если начать разрешать их с принятия Иисуса Христа как человека при естестве человеческом, но достигшим Божественных высот, как Богочеловека. Подобное разрешение вопроса Христианской церковью приведет и к другому разрешению: а именно, к сближению всех религий. Все нехристианские религии нашей земли уже приняли Христа, как великого Посланника Неба. Только таким путем может совершиться пророчество Христа, что наступит, наконец, время, когда «будет едино стадо и один Пастырь». Молениями же в церквах «о соединении их» не достигнется ровно ничего; для каждого дела нужно приложить все человеческие усилия, как деятельность сердец и сознание людей. Ибо в этих же сердцах и сознании зиждется и Церковь Христова.

Конечно, и нам вполне справедливо могут сказать, как это недавно было сделано в газете «Сегодня вечером» от 29 ноября 38 г. в № 272: сами же учите и настаиваете на единении, а между тем сами разделяетесь на теософов, антропософов, космологов и оккультистов по примеру всех конфессий. Где же правильный путь тогда? Но на это я скажу – жизнь не стоит на месте, и она выдвигает множество вопросов и положений, поэтому и учение о жизни и эволюции нашей сущности должно быть подвижно и гибко. Паровоз мчится вперед, но дымом и множеством искр застилает свой пройденный путь. Что не движется вперед, то остается сзади, тухнет и рассеивается. Как ветви дерева, остановившиеся в росте, усыхают и опадают, так тот же закон распространяется на все живущее в мире¹⁴. «Ветвь, не приносящую плод, отсекают» (Иоанн, 15 – 2). Все, останавливающееся и не следующее за процессом жизни, становится нежизнеспособным, окостеневает и отмирает. Многие люди не могут усвоить себе эту подвижность и, достигнув некоторого продвижения, останавливаются и отпадают от дальнейшего пра-

---

¹⁴ От каждой сущности требуется свое эволюционное продвижение: от растения – рост, цветение и плод; от животного – развитие сознания; а от человека, помимо всего предыдущего, и духовное продвижение.

вильного направления, связующего нас с действительным источником знания духовности и с нашими светлыми Водителями. «Ищите и обрящете, стучите и отворят вам», но не застывайте в неподвижности. Без труда и поисков никакое дело не дается человеку. Всюду труд, горячее и пламенное устремление. Приближением к Истине, мы сближаемся и друг с другом.

«РАЗБОЙНИЧИЙ» ВСЕЛ. СОБОР (449 г.)

Далее Лебедев описывает ефесский 2-ой собор, который был также провозглашен вселенским и по счету 4-ый, но назван, в отличие от других, «разбойничьим». Главным действующим лицом был патриарх александрийский Диоскор и Евтихий, монах одного константинопольского монастыря. «Евтихий не признавал сочинений Кирилла, писанных им во время и после унии». Стр. 220.

Против них выступили патриарх константинопольский Флавиан и епископ Евсевий дорилейский – друзья унии.

«Во всех местах, где господствовали александрийские идеи или их влияние, там представители церкви не приняли собора Константинопольского. Не признали собор этот авторитетом в его решениях церковь александрийская и египетская. Об этом мы узнаем из актов собора разбойничьего 449 г., на котором больше всего было александрийцев и на котором, во всяком случае, александрийцы были вожаками». Стр. 230.

«Диоскор развивает перед собором мысль, что для веры достаточно тех разъяснений, какие уже сделаны; что церковь не имеет права излагать веру в новых вероисповеданиях, что не следует делать никаких изысканий в области религии, что все это грозит опасностью для веры, а собор с восторгом вслушивался в эти слова Диоскора и принимал их с неописанным одобрением. Собор восклицал: «Диоскор есть великий страж веры!» «Это слова св. Духа!» «Ты страж правил, через тебя имеют жизнь отцы, ты страж веры!» «Если кто изменит (веру), да будет анафема». «Если кто переделает, да будет анафема! Проклят, кто прибавляет, проклят тот, кто убавляет, проклят тот, кто обновляет!». Собор, очевидно, стоял на точке зрения того консерватизма, от которого нельзя было ожидать добра. В речах собора слышится неумолимый приговор над естественными стремлениями человека изучать веру, толковать писание, разъяснять догмы. Собор – враг богословской науки. После подобных определений собора ведь нельзя было сказать ни одной свежей

мысли в богословской науке, чтобы не подвергнуться проклятию, анафеме. Такое воззрение собора разбойничьего нужно считать плодом неразумного уважения памяти св. Афанасия... Они забывали, что прошло уже сто лет после того, как высказал Афанасий свои идеи, что в церкви явились новые потребности, новые нужды, которые требовали справедливого удовлетворения. Монофизиты жили не настоящим, а прошедшим». Стр. 240

«Чрезвычайно важный для нас вопрос: как смотрел собор на известную унию? Он отверг ее». Стр. 240.

«Прежде всего собор подверг анафеме и лишил сана благороднейшего мужа, второго Златоуста по духу, патриарха константинопольского Флавиана, председателя известного собора 448 г., а с Флавианом и Евсевия... и анафемирует собор Константинопольский 448 г.». Стр. 245.

«Феодорита постигла та же участь на соборе, хотя он и не присутствовал на нем, так как ему положительно запрещено было появляться на соборе».

Кроме них «из более замечательных лиц, осужденных собором разбойничьим, был Ива, епископ ефесский... «Сжечь Иву среди города! И диавол не говорил так! Не говорили так и фарисеи! Это речи сатаны! Сжечь Иву среди Антиохии в пример другим! ...» Стр. 249 – 251.

«Собор, очевидно, имел в виду искоренить всю партию, приютившуюся под знаменем антиохийского богословствования». Стр. 251.

«Александрийцы теперь вымещали на антиохийцев свой гнев. Собор охотно выслушивал приговоры вожаков его и покрывал радостными криками провозглашение отлучения на антиохийцев. Собор восклицал о Диоскоре: «Через тебя говорит Бог! Дух Св. через тебя говорит! Вырви корни, правоверный, пусть не останется ни одного несторианина!» Стр. 252.

«Собор разбойничий признан вселенским». Стр. 252.

Историк Андреев об этих событиях говорит так:

«В 448 г. был снова созван императором Феодосием поместный собор, в котором опять больше всего рассматривали ссоры и домогательства отцов друг к другу. В данном случае нападкам подвергся архимандрит Евтихий, возглавлявший константинопольских монахов, а стремительную атаку на него вел Евсевий, епископ дорилейский, которого поддерживал константинопольский Патриарх Флавиан. Обвинитель нашел у Евтихия «опьянение мышления и иступление ума, невоздержанные уста и необузданный язык»,

что он притворно носит имя православного и совершенно чужд православной вере. По поводу своей веры Евтихий заявил:

«Исповедую, что Господь наш состоит из двух естеств прежде соединения, а после соединения исповедую одно естество», и сослался при этом на веру александрийского патриарха Кирилла и Афанасия. Собор обвинил его в «смешении и слиянии естеств, низложил и лишил сана. Евтихий подал жалобу императору. Весною 449 г. император Феодосий требует исповедания веры от патриарха Флавиана. Флавиан, почуяв угрозу со стороны монахов, ищет поддержки на стороне римского папы Льва I-го Великого. 1 августа 449 г. в Ефесе был созван собор вселенский, который некоторыми историками назван разбойничьим. Когда он собрался, императорский комиссар – военачальник заявил: «Высочайший император повелел судьям (т.е. членам собора 448 г.) стать в ряду подсудимых. Итак, вы теперь собрались судить судей». Андреев, Пос. к ист. цер. Стр. 716.

Когда было читано рассуждение одного епископа, признававшего два естества в Христе, кто-то ринулся на середину и начал вопить. Поднялись все египетские и монахи (1000 ч.) и начали говорить: «кто говорит два естества, того рассекь на двое». Когда было упомянуто об обвинении Евтихия в слиянии и смешении естества, то произошел такой шум, что у всех епископов – подсудимых потряслись души». Евтихий в заключении был объявлен православным и принят в церковь. Вынесенное же решение собора было таково: «Собор (Ефесский) постановил, что никому не позволяется излагать другую веру или наполнять что-либо в нашем исповедании. Флавиан же и Евсевий, как ясно видит это святой и вселенский собор, оказываются почти все извращающими и перестраивающими и подали повод к смятению и соблазну святым церквам и всем православным народам. Поэтому мы, утверждаясь на определениях отца, присуждаем Флавиана и Евсевия к лишению священнического и епископского достоинства». Все епископы, в том числе и Домн антиохийский и члены собора 448 г. подписали это определение. Впоследствии епископы объяснили, «что силою и необходимостью они были принуждены подписать на чистой бумаге осуждение Флавиана». Андреев, П. ц. и. стр. 717.

Однако, собор Ефесский (449 г.) принял свое решение не единогласно. Раздался один голос на латинском языке «заявляю протест». Он принадлежал папскому легату диакону Илирию. Там же, стр. 721.

«Собор 449 г. сделал то, что ему было задано александрийской партией. Император, конечно, утвердил его постановления. Но в результате, вместо вселенского собора получился вселенский скандал... Торжество этой (принятой) доктрины есть торжество монашества, аскетического направления... Мракобесие сбросило величайшего христианского богослова (Оригена). И оно не уменьшилось, а росло».

«Как бы мы ни оценивали определение собора 449 г., но в нем есть одна черта чрезвычайно любопытная: оно (определение) хочет остановить, пресечь догматическое развитие, поставить точку, сказать – довольно разума! ... «никому не дозволяется излагать другую веру или исследовать или пополнять что-нибудь» и проклинают тех, которые покушаются или мудрствовать, или исследовать, или составлять что-нибудь».

«... человек не мог спасти, а Бог не мог страдать; без страдания же нечем было выкупить, искупить человека из плена греховного... Решать такие вопросы по началам разума есть нечестие, – вот вывод монашества и александрийской партии, закрепленный определением в Ефесе 449 г.», стр. 721.

Диакон Илирий «возвратился в Рим местами неизвестными и непроходимыми» и донес папе Льву I Великому. Последний, совместно со всем западным собором осудил все, что сделано было епископом (патриархом александрийским) Диоскором в Ефесе вопреки канонам по одному мирскому возмущению и неприязни.

IV ВСЕЛЕН. СОБОР В ХАЛКИДОНЕ (451 г.)

Люди, гнушаясь для Бога – Иисуса общего, человеческо-животного зачатия, придумали миф благовестия о зачатии от Духа Святого, совершенно забыв и упустив, что по писанию Христос должен был произойти из дома Давида. К чему тогда было приводить родословную Иосифа, если он не был отцом Иисуса, причем эта последняя приведена в двух евангелиях по разному? Неверная основа вызывает и ложное все построение в дальнейшем.

Нельзя даже для Бога нарушать установленные Им же вселенские законы. Если «вселенские» соборы меняли свои постановления как перчатки, то такое явление нельзя распространять и на Предвечную Мудрость, ибо в этих наших попытках вносить исправления кроется критика и желание внести какое-то исправление в несовершенство Его творения, но которое есть только наше непонимание или нежелание понять.

Затем нужно сказать, что в христианских верованиях часто поднимается понятие о греховности и совершенно не учитывается, что грех прежде всего соприкасается с неведением. Нельзя согласиться с тем, что если люди знают о запрещении, то они ведают и причину недозволенного. Мало знать приказ, но всегда нужно знать и причину, вызвавшую этот приказ. Только точное знание всех условий и следствий побуждает человека к такому же точному исполнению высшей воли. В противном же случае всегда будут порождены сомнения, которые нарушат в той или иной степени и самый приказ; и причина к тому будет заключаться в неведении. Вот почему необходимо, в преподносимых людям требованиях не только религиозных, но и всяческих, давать всегда факты знаний строго обоснованные, а не таковые, как взятие Ильи живым на небо, ибо сейчас же разум нам скажет, что брэнному телу там делать нечего. Никогда не следует забывать и отрешаться от знаний, полученных человечеством в течение долгих тысячелетий, ибо это путь эволюции, прогресса, предуказанный Природою; требования же религии и знания должны быть всегда в великой гармонии между собою. В противном случае все сведения религиозного характера будут вызывать в лучшем случае лишь сомнения. Почему же в настоящее время так много отрицателей и неверующих?

Но продолжим наше рассмотрение греха. Я уже приводил место из евангелия от Иоанна (9 – 2, 3), где сказано: «Равви, кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Иисус отвечал: «не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии». Теперь это место рассмотрим в отношении закона причин и следствий. Как можно младенческому сознанию изъяснить этот великий закон «Причин и Следствий», когда даже теперь, после 2000 лет рождения Христа, в широкой массе народа не могут уразуметь его? Мог ли Христос под «делами Божиими» подразумевать исцеление его своим прикосновением? Вопрос, конечно, был поставлен учениками не в узком применении к тому лицу, который стоял перед ними, а вообще ко всем рожденным с теми или иными недостатками. Таковым должен быть и ответ Христа. Законы природы ведь общи в мире, вызывающие те или иные явления, и не могут они проявиться приуроченными к какому-либо отдельному случаю. Было бы крайне жестоко и несправедливо породить человека и продержать его в ослеплении до полного возраста только с тем, чтобы Христос мог проявить свое могущество! И

все же, в таком даже случае, на основной вопрос не был бы получен ответ: кто согрешил, родители, породившие калеку, слепца или глухо-немого или сам порожденный? Именно, как вопрос, так и ответ должен обнимать собою все случаи несчастных порождений. И, при таком понимании, ответ Христа должен охватить все явление возможно шире; и под «делами Божьими» должны быть принимаемы великие законы, как закон «Причин и Следствий» или Кармы, о которых бесполезно было говорить более подробно в то время.

Весь грех, вошедший в мир и от которого мы должны «спастись» и избавиться, происходит от нашего несовершенства, от того, что мы еще не успели отойти от животного мира с его животноплотской жизнью. Этим я не хочу отрицать силу тьмы, которая, играя нашим несовершенством и слабостями, отвлекает от пути жертвенности и любви, согласно Учениям всех Сынов Божиих. Такое животное бытие, порождающее страсть, алчность, корысть, вражду – всегда влечет за собою и неисчислимы страдания, чтобы ими мы были наставляемы на должный путь. Мудрый человек поймет эти премудрые законы и не польстится на мимолетные свои прихоти и не изменит вечному и тернистому пути, полному борьбы с собою, со своею животною стороною, с подчинением всего преходящего велениями вечного духа. Вечной борьбой с собою мы выковываем крепость и власть духовную, столь нужную и важную для дальнейшего существования. В этом именно и заключается весь смысл нашей земной жизни.

Итак, причина всех наших бед – животные устремления и следствия их – искупления страданиями. Когда люди поймут великие слова Христа: «иди и не греши»? Никто, ни Христос, ни даже Бог не в силах нас «спасти» или, вернее, избавить нас от страданий, если мы сами не пожелаем приложить усилий к тому и если мы не будем исполнять великих Космических законов, открытых для нас Христом. Именно в открытии этих законов и кроется спасение Им нас, а фактическое спасение будет только лишь в исполнении их. Все отцы во всех соборах и во всех падежах склоняли слово «спасение», но понимали ли сущность этого «спасения»? Думаю, что нет, ибо тогда мы не видели бы той грязи нравственной, вражды и лжи, которые составляли их окружение во всех соборах от начала и до конца.

Как я уже говорил на стр. 128, нужно разобраться в термине «спасение» и только тогда строить это спасение. Нельзя спастись, не ведая от чего; ведь это граничит с животным, паническим стра-

хом, которому мы – люди поддаваться не можем. Во всех наших поступках должна быть прежде всего ясность – ведь мы же люди! Когда животное испугается, оно панически бежит без оглядки, но человеку непристойно так поступать, он должен не бежать, а, наоборот, еще ближе подойти и понять, постичь явление, что породило страх у животных. Так же обстоит и в отношении «спасения». Обычно его приурочивают к греху, о котором я говорил несколькими страницами выше; но ведь тогда нужно было бы для большей ясности ко слову «спасение» прибавить еще слово от «невежества» или от собственной глупости. Когда в былое время прибегали к термину «спасение», тогда еще не знали термин более соответствующий – «эволюция». Теперь же давно пора произвести такую замену. Ведь только отсутствие эволюции порождает невежество, а оно родит и грех неведения. Действительно, тьма, чтобы завладеть человеком, поражает прежде всего его разум и подчиняет этот помраченный разум страстям и эмоциям раздражения, гнева и ярости. Но, когда эта пелена помрачения спадает, тогда приходит и позднее раскаяние в сотворенном и «спасение» человека. Итак, прежде всего нам нужно заботиться о ясности сознания и еще лучше, если к ясности сознания мы прибавим и расширенное его состояние – мудрость, для охвата каждого явления широко и глубоко, чтобы соответственно ей жить и поступать. И только таким образом мы можем избавиться от погибели и спастись.

Число епископов, принимавших участие в Халкидонском соборе, было 600-630 человек.

«Халкидонский собор, в изложении Лебедева, начался разделением. Одна часть собора заняла левую сторону храма, в котором заседал собор, а другая – правую сторону того же храма. Левую сторону заняли римские легаты, епископы округа константинопольского, антиохийского и всех округов азийских. Правую сторону заняли епископы египетские, палестинские, иллирийские. Во главе первых стоял патриарх константинопольский Анатолий, во главе вторых – уже известный нам Диоскор, патриарх александрийский...».

Подобное разделение на два лагеря было обычное со времен никейской и несторианской эпохи. Новость «составлял один Рим, который доселе не сходил с этой партией (среди которой помещился теперь)...»

«При начале споров монофизитских, как мы знаем, папа придерживался Евтихия. Это так и должно было быть: Евтихий был

представителем идей и стремлений церкви александрийской, которая в изображаемую нами эпоху (IV и начало V века) всегда дружила с Римом, вследствие чего и Рим всегда благосклонно относился к этой церкви и поддерживал ее интересы. Но папа вскоре увидел, что интересы (?) этих двух союзных церквей начали расходиться...» Стр. 254.

«После собора Константинопольского 448 г. до папы дошло известие, что будто Евтихий, когда происходил над ним суд этого собора, объявил членам его, что он, Евтихий, подает апелляционную жалобу к папе, а подобным образом поступали даже великие александрийцы в затруднительных случаях, например, Афанасий, Кирилл; но известие это не побудило папу заступиться за него, почему он (Евтихий) отвернулся от Рима. Все это не могло не оскорбить Льва, ибо папство IV и V века начало слишком высоко думать о себе. Между тем, как Евтихий в своем деле вскоре оставляет папу в стороне, а противоположная партия ищет себе в нем опору и подкрепление. Мы говорим о патриархе Флавиане... В лице Флавиана Константинополь сближается с Римом. Для папы было тем дороже такое сближение, чем реже встречались случаи такого сближения со стороны константинопольских патриархов. Диоскор со своей стороны в это время поступает с папой таким образом, как доселе не поступал ни один епископ александрийский. Он осмелился анафемировать Льва. Этим Диоскор решительно оттолкнул от себя римского первосвященника... Все это привело к тому, что папа Лев отказался от исконной церковной политики Рима, отвернулся от вождей Монофизитства и стал на сторону Константинополя». Стр. 255.

«Кроме того Анатолий, священник или диакон александрийский, бывший апокрисиарием патриарха александрийского в столице, посвященный в патриарха константинопольского по инициативе собора разбойничьего, еще до времени собора Халкидонского, вошел в сношения с папою и принял окружное послание его, не признанное собором разбойничьим, и отвергнул монофизитство. Патриарх константинопольский и папа римский становились друзьями, а вместе с тем общими врагами Диоскора. То же случилось с важнейшим патриархом восточной церкви Максимом антиохийским. Максим поставлен был в патриарха антиохийского собором разбойничьим на место Домна, осужденного этим собором; но Максим не остался в связях с виновником своего возвышения, Диоскором, а вошел в общение с папой... И вот вследствие указанных

причин папские легаты на соборе Халкидонском заседают не рядом с Диоскором, а вместе с Анатолием и Максимом. Рим и Александрия порвали свои старинные отношения, вместо них возникли новые связи...». Стр. 256.

Интересно отметить объяснения и воспоминания православных епископов на Халкидонском соборе, когда они два года назад заседали и приняли определения «разбойничьего собора». На этом соборе всего заседало 135 человек, из коих 42-х заставили молчать под угрозой репрессий императора. Остались твердыми лишь человек 15. «Что мы могли сделать? Нам угрожало осуждение, нам угрожала ссылка, воины стояли с палками и мечами и мы были приведены в страх. Где палки и мечи, какой тут собор, – замечали епископы. – Воины низложили Флавиана и Евсевия более чем мы, а что мы сделали, то сделали из страха». Стр. 319 и 320 II ч.

«Партии не одинаково смотрели на мужей, потерпевших осуждение и низвержение от собора разбойничьего. Это ясно обнаружилось по поводу блаженного Феодорита, когда он появился на соборе. Раздалось продолжительные и громогласные крики. Кричали члены и левой, и правой стороны. Между тем, как члены левой стороны, приветствуя Феодорита, как поборника православия, члены правой не могут без ужаса вспомнить о самом имени Феодорита. Едва появляется он на соборе, как правая партия встречает его такими возгласами: «помилуйте! вера погибает, изгоните его вон!». В ответ на это левая сторона восклицала: «выгоните вон манихеев (сторонников Диоскора), вон изгоните врагов Флавиана, вон изгоните врагов веры». Диоскор от лица своей партии замечал: «Если принимается Феодорит, значит изгоняется Кирилл, которого он анафематствовал». Епископы левой стороны отвечали на это: «Диоскора человекоубийцу вон изгоните». Несмотря на основательные разъяснения самого Феодорита и императорских сановников, из которых устанавливалась законность появления Феодорита на соборе, сторонники Диоскора продолжали с прежним неистовством вопить: «не называйте Феодорита епископом, он не епископ, вон изгоните богопротивного, вон изгоните иудея»... Члены левой стороны так же продолжали отстаивать православие и честь Феодорита, они говорили: «православного (оставьте) на соборе, вон изгоните мятежников, вон изгоните человекоубийц»... Стр. 257. Шум продолжался. Чтобы прекратить смятение, сановники снова обращаются к шумевшим с замечанием: «эти простонародные восклица-

ния и неприличны епископам, и бесполезны». II ч., стр. 318. Под влиянием императорских чиновников, наконец, собор успокоился. Дальнейшим рассмотрением собора были символы.

«... символ Константинопольского II вселенского собора, бывший доселе предметом споров церкви, правда, спора, который обнаруживался не особенно ясно и шумно, является и теперь предметом разногласия на соборе Халкидонском... Левая сторона стояла за символ Никейский...» Стр. 258.

«Наконец, членов левой и правой стороны разделяла неодинаковость воззрения по вопросу христологическому, поднятому монофизитством». Стр. 260. И опять неслись крики «анафема разделяющему, анафема раздробляющему на части», в смысле деления несториянского, т.е. божественного и человеческого естества у Христа.

Другими идеями одушевлены были члены правой стороны... «неразделимого никто да не разделяет, Сына никто да не называет двойственным...». Стр. 261.

«Торжество церкви должно было заключаться в перевесе на соборе воззрений левой стороны над воззрениями правой. К утешению истинных сынов церкви – так и случилось. Если бы воспреобладала правая сторона, вместо св. вселенского собора церковь имела бы еще новый разбойничий собор. Отраднее видеть, что... партия левых увеличивается в числе за счет правой, вследствие чего последняя заметно тает, разлагается. Все епископы палестинские с их главным патриархом иерусалимским Ювеналием отделяются от Диоскора и фактически переходят с правой стороны на левую и тем разрывают свои связи с монофизитскою партией. Вслед за ними то же самое делают епископы Иллирики, Эллады. Диоскор остается одиноким с немногими епископами египетскими. Единодушие на соборе становится господствующим». Стр. 262.

«Хотя... партии примирились и составили один лик отцов, однако это не устранило возможности новых давлений собора на партии... Не трудно заметить, что в числе недоумевающих, возражающих, сомневающих мы встречаем исключительно тех епископов, которые прежде принадлежали к партии Диоскора».

Было сделано предложение «о составлении нового вероопределения, которое выражая православное учение вопреки монофизитству, в то же время примирило бы всех...». Другие говорили: «другого изложения (кроме символа веры) никто не составляет, и не берется и не дерзаем излагать. Отцы научили и изложенное ими со-

храняется в писмени, больше этого мы не можем говорить». «Письменного изложения не составляем. Есть правило (III всел. собора), повелевающее довольствоваться тем, что изложено. Это правило требует, чтобы другого изложения не было...». Стр. 264.

«По прочтении символа Никейского, собор в радостных кликах выразил свое согласие с этим символом. Собор восклицал: «Эта вера православных! Ею все веруем, в ней все мы крестились, в ней крестим. Все так веруем». Символа Никейского никто не отрицал, все придавали ему церковный авторитет... Что же касается символа Константинопольского, который был прочитан вслед затем, то сомнительно, чтобы он принят был так же единодушно. Хотя в деяниях Халкидонского собора и записано, что все епископы собора воскликнули, выслушав его: «это вера всех! Эта вера православных! Так все веруем! ...» Стр. 266.

Сравните сообщ. Гарнака на стр. 195.

На третьем заседании был осужден Диоскор. Выступил целый ряд лиц, обвинивших Диоскора в ограблении и присвоении чужого имущества, как: диаконы александрийские Феодор и Исхирион, пресвитер Афанасий, родной племянник Кирилла Алекс. и мирянин тоже из Александрии Софроний. II ч. Вселенских соборов Лебедева, стр. 325. В деяниях Халкидонского собора сохранилась небольшая пометка, что собор «потребовал от Феодорита, а вместе с ним и от Иоанна Германикийского произнести анафему на Нестория, заподозрив их в несторианстве. Стр. 279.

«В четвертом заседании собора Халкидонского, мы встречаемся с интересным явлением, что все отцы собора с большею и меньшею решительностью провозглашают авторитет символа Константинопольского. Это делает первое всего церковь римская в лице легатов папских...» Стр. 267.

«Итак, на соборе Халкидонском, хотя не вдруг, но, однако, всеми членами его принято было и послание Льва, как догматический документ, в ряду с другими святоотеческими творениями, хорошо направляющимися против монофизитского учения».

«Пятое деление (заседание) собора передает нам сведения об обстоятельствах составления и провозглашения вероопределения собора Халкидонского». Стр. 276.

Далее шло чтение святоотеческих трудов и, наконец, новое вероопределение... «патриарх Анатолий предлагает отцам собора такой вопрос: нравится ли вам определение? Все епископы, говорит-

ся в деяниях, кроме римских и некоторых восточных, воскликнули: «определение нравится всем. Это вера отцов! Мудрствующий противно этому – еретик! Если кто мудрствует иначе, да будет анафема! Несториан вон!» Стр. 279. Легаты объявили: «если не соглашались с посланием папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим собор окончится». В этих словах легатов слышалась угроза. Спор длился и не обещал скоро окончиться. Согласие от епископов трудно было ожидать. При таком положении дела в ход споров вмешиваются императорские сановники, присутствовавшие в этом, как и на прочих заседаниях. Они берут сторону протестующих, сторону легатов римских... Сановники предложили собору пересмотреть вероопределение и для этой цели выбрать уполномоченных епископов по шести или три лица из важнейших округов церковных, которые бы и совершили это дело под председательством Анатолия и в присутствии легатов, в урочном для сего месте. Предложение это было отвергнуто. Стр. 282.

Полились снова обычные крики: «кто не подписывает определение, тот еретик! Никто не отступает определения. Святой Дух диктовал определение! ...».

«Сила замечания сановников состоит в том, что они убеждали собор устранить из вероопределения термин «из двух естеств», который любил и часто употреблял еретик Диоскор, теперь осужденный, и внести вместо него термин «два естества», за который пострадал Флавиан, муж православия, и который и Львом, и собором Халкидонским употреблялся в качестве наиболее точного». Стр. 283. Сановники говорили: «Ведь вы все приняли послания Льва», – и когда получен был ответ утвердительный, они сказали: «Итак, заключающееся в нем внести в определение...» Члены (партий) немолкаемо восклицали: «другому определению не бывать, нет недостатков в вероопределении! Послание Льва утверждено вероопределением. Лев так верит, как мы веруем. Пусть будет подписано определение! Определение содержит в себе все!» Стр. 284.

«Когда таким образом выяснилось, что многие члены собора никак не хотят допускать пересмотра определения, тогда об этом доложено было самому императору Маркиану...» Решение было таково: «Если епископы не согласны на это (пересмотр), собор объявляется закрытым. Приказание было слишком строгое. Но и это в первые минуты не произвело должного впечатления на тех, кто противился изменению определения...» Тогда опять император-

ские сановники попробовали вновь повторять изложенные ранее мысли: «Итак, кому следуете: Льву или Диоскору? ...» Собор единодушно воскликнул: «Как Лев веруем, противоречащие – евтихианисты! Лев изложил православно!» Этим заявлением члены собора, доселе стоявшие за неизменение вероопределения, выразили отказ от столь смущавшего собор термина «из двух», внесенного в определение... Как скоро отцы без всяких колебаний согласно отказались от смущавшей умы формулы и выразили желание строго сформироваться с воззрениями Льва, что во Христе два естества «неизменно, неразлучно и неслитно» соединились, противоречий и противодействий это воззрение не встретило никаких. ...». Наконец, «было начато и окончено чтение замечательнейшего церковно-исторического документа – вероопределения Халкидонского собора. Раздались громкие неудержимые крики восторга всех...». Стр. 287. «Все это произошло 451 г. 22 октября в воскресенье». Стр. 291.

Но вернемся к освещению тех же событий, но в изложении историка Андреева. «Умер император Феодосий, а на престол вступила его сестра Пульхерия и возвела своего мужа сенатора Маркиана. Последний захотел освободиться от чрезмерной власти александрийской партии и вступил поэтому в переписку с папою Львом I. Папа обещал содействовать, но потребовал предварительно подписать и принять его «*epistola dogmatika*». Константинопольский патриарх Анатолий подписал без всякого промедления. Этот документ гласил о вере: «... мы не могли бы победить виновника греха и смерти, если бы Он (Христос) не воспринял нашего естества. Бог родился, облекшись в полное и совершенное естество настоящего человека, весь в своем, весь в нашем. То и другое естество сохраняют без ущерба свои свойства. Хотя рождение и чудесно, однако от нашего не отлично. Рождение плоти есть явление человеческого естества. Алкать, жаждать, уставать и спать суть явно человеческие свойства...».

Легкая победа папы Льва при подписании его «*epistola dogmatika*» побудили к требованию устроить собор в Италии. Но Маркиан понял планы папы – завладеть властью над Константинополем, как сейчас им владеет Александрия – и решил созвать собор в Никее на 1-ое сентября 451 г. Съехались 600 епископов. Но так как папские легаты не захотели явиться на собор без императора, памятуя скандалы последнего собора, а император, занятый осложнениями на границах Иллирии, не мог надолго покинуть столицу, то собор был перенесен в Халкидон на другом берегу Босфора против Константи-

нополя. Собор собрался 8 октября и имел 16 заседаний. «Епископы и митрополиты приглашались без ограничения числа. Исключение было сделано только для Диоскора (александр. партии)».

«Император хорошо знал силу Диоскора и его влияние на клир. Он мог ожидать, что во время переговоров патриарх найдет мощную поддержку среди духовенства. Он поэтому хотел свести Диоскора одного с главами других партий и попытаться заставить его отказаться от своих взглядов ... На частное совещание вместе с Диоскором были приглашены епископы: Анатолий Константинопольский, Ювеналий Иерусалимский, Максим Антиохийский, Стефан Ефесский, – т.е. вожди партий. Присутствовала также Пульхерия. Диоскор выступил очень смело. Стали читать «epistola dogmatika» Льва. Диоскор бросил его на пол. Последовала стычка с Пульхерией, вслед за которой Диоскор страстно отстаивал свои взгляды. Он ругал учение о двух естествах Льва и ссылался на Кирилла, который учил как он, Диоскор. Он попросил евангелие и спросил: «В каком качестве Иисус был на браке в Кане? – Как человек. А в каком качестве претворил воду в вино? – Как Бог. Таким образом, божество и человечество во Христе нераздельны. И когда страдал Иисус, Бог и человек были в нем соединены». Результатом горячей речи Диоскора было будто то, что епископы и сенат воскликнули: «Ложная вера Флавиана. Мы верим с Диоскором!». Отпустив Диоскора, Маркиан задержал остальных и велел читать «epistola dogmatika» Льва, которое было сопоставлено с символом Никейским...

На пути в Халкидон он (Диоскор) отлучил от церкви легатов Льва и бывших при нем епископов, заставил подписать это отлучение. С Диоскором, в сущности, так мало стеснялись, как он с Флавианом на соборе 449 г. Диоскор сразу попал в положение обвиняемого. Между тем, на скамьях обвинителей сидел Феодорит, низложенный в 449 г. Диоскор с полным правом протестовал против его допущения на собор ... Сановники заявили, что Феодорит, «снова получив свое место от святейшего архиепископа славного города Рима, входит теперь в качестве обвинителя». Спорившие епископы обменивались «простонародными и неприличными восклицаниями».

«...Императорские комиссары сделали предложение – подвергнуть Диоскора, Ювеналия и трех других главных деятелей собора 449 г. тому же наказанию, какое постигло Флавиана и Евсевия в Ефесе. Предложение встретило сочувствие. Низложение Диоскора однако, было произведено только в третьем заседании, после того,

как он, зная свою судьбу, перестал посещать собрания, за неявку на трехкратное приглашение собора и за отлучение Льва. Низложить за еретический образ мыслей его избегали ... Пять его соподвижников, приговоренных к низложению, на четвертом заседании собора были помилованы...».

«На пятом заседании ... было прочитано определение веры, составленное, кажется, Анатолием. В актах помечено: «Определение негодно было внести в эти памятные заметки». Эта пометка загадочна. Акты перегружены таким количеством баласта, что вычеркивание проекта определения по важнейшему вопросу, занимавшему собор, заставляет исследователя насторожиться. Когда Анатолий спросил: «Нравится ли вам определение?» – то все почтеннейшие епископы, кроме римских и некоторых восточных, воскликнули: «Определение нравится всем! Это вера отцов! Если кто мудрствует иначе, да будет анафема! Несториан вон!». В это время поднялись легаты Льва и заявили: «Если не соглашаются с посланием апостольского и блаженнейшего мужа папы Льва, то прикажите дать нам грамоты на возвращение, и этим собор окончится». Это был ультиматум и скандал. Комиссары императора предложили составить комиссию из 18 человек с Анатолием и легатами для выработки проекта нового определения. Епископы подняли шум: «Вчера определение всем понравилось. Просим, чтобы определение было подписано пред евангелиями. Кто не подписывает определение – еретик! Святой Дух диктовал определение. Вон еретиков! Дева Мария есть Богородица. Вон несториан! Христос есть Бог!».

«Что было в определении такого, что заставило протестовать легатов? Слова: «из двух естеств один». Оказалось потом, что Диоскор говорил те же слова, продолжая, «а два не принимаю». Сановники спросили, читали ли епископы «epistola dogmatika» Льва? Читали и подписали. Итак, «Закрывающееся в нем внести в определение». Это предположение возбудило бурный протест. Дело было доложено императору. Маркиан потребовал составление комиссии для выработки нового определения. «Если этого не захочет ваша святость, то знайте, что собор будет созван в западных странах, так как ваше благочестие не хотело здесь сделать бессомнительного постановления об истинной и православной вере». И эта угроза не потушила протесты: «Или пусть имеет силу определение, или мы уйдем». Сановники тогда поставили вопрос иначе. В определении говорилось – из двух естеств один. Сановники сказали: «Диоскор говорил: из

двух естеств один – принимаю, а два естества – не принимаю, а святой архиепископ Лев говорит, что во Христе два естества, соединенные неслитно, неизменно и нераздельно. Итак, кому следуете – святейшему Льву или Диоскору?». Произошел моментальный переворот: «Как Лев, так веруем. Противоречащие – евтихинысты! Лев изложил православно!» Сановники сказали: «Итак, прибавьте к определению, по мысли Льва, что во Христе два естества, соединенные неизменно, нераздельно и неслитно ...». Наконец, определение было принято собором при возгласах: «Это вера отцов! Это вера апостолов! С нею все мы согласны! Все так мудствуем! ...»

«Если ничего не пропущено, и если мы имеем перед собою точное воспроизведение происшедшего, то получается гнетущее заключение: сотни епископов, призванные определять веру, меняют свои взгляды с легкостью, возбуждающею мысль о недобросовестности, низкопоклонничестве, или же, если перемена произошла искренно, о крайней ограниченности их кругозора, о совершенном непонимании проблемы, обсуждать которую они были призваны, о механическом стадном вотиrowании формул, подsunутых заправилami собора...».

Далее Андреев, скрашивая свой убийственный вывод, по многим причинам своего времени, говорит: «Но мы думаем, что в акты собора попало не все...». Заканчивая этими словами свою мысль, он все же почему-то не считает нужным мотивировать свою заключительную мысль. Пос. к ист. цер., стр. 733.

Принятое на соборе определение гласило: «Последуя св. отцам, все согласно поучаем исповедывать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам кроме греха, рожденного прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни родилось и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа Единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо и одну ипостась, не на два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и единородного Бога-Слово, Господа Иисуса Христа».

Далее Андреев выражает свое недовольство и критику этого определения: «... Стена нечерная – может означать и красную, и белую, и зеленую, и всякую другую. В сущности, четыре формулы означали запрещение думать или, скорее, отказ от определения. Неслитно, нераздельно... А как же? – Неизвестно как. Это было не решение проблемы, а уклонение от него...».

«На восьмом заседании было рассмотрено дело Феодорита Кипрского. (Он (Феодорит тут же) предал анафеме Нестория и был восстановлен на кафедре...». Далее так же был восстановлен и Ива Эдесский, осужденный в 449 г.

На последних двух заседаниях собора было проведено решение о приобретении Константинопольской кафедрой равных прав с папою Римским. Легаты протестовали, но все же решение такое состоялось. Халкидонский собор выработал еще два правила, направленные против монахов, подчинив их полностью епископу.

Но и Халкидонский собор не дал умиротворения умам человеческим.. После ссылки Евтихия, его горячий сторонник монах Феодосий в Палестине подымает всю провинцию и делает призрачною власть императора и епископата. В Иерусалиме разыгрываются сцены, далеко оставляющие позади то, что происходило в Константинополе в деле Нестория и Флавиана. Феодосий сгоняет с кафедр епископов, принявших Халкидонское определение и ставит своих сторонников. Он опирается на простой народ, жжет дома, производит убийства, растворяет тюрьмы и всю провинцию ввергает в состояние анархии. Когда Константинополь собрался с силами и подавил смуту, Феодосий ушел на Синай к монахам.

Такой же бунт был поднят в Александрии пресвитером Тимофеем «с четырьмя или пятью епископами и несколькими монахами, попавшими в еретическую секту Аполлинария». Патриарх александрийский (после Диоскора) Протерий осудил их, а император отправил в ссылку. Этим было положено начало. Тимофей «предал проклятию Халкидонский собор, собрал мятежную чернь народную и вооружил ее против церковных порядков, против государства и законов ... На пасхе 458 г. Тимофей послал упомянутых монахов в город, чтобы они произвели волнение и мятеж, и поднял такое смятение, что стали раздаваться непристойные вопли, и никто из свободных и спокойных жителей не мог выходить на улицу». Очевидно немало этих монахов было. Другая толпа во главе с монахами отправилась в собор, где Тимофей принял посвящение в

патриарха. Началось изгнание из клира лиц непокорных. Но прежде всего надо было устранить Протерия. Спасаясь от убийц, Протерий заперся в крещальню. Но палачи проникли и туда и «бесчеловечно умертвили его, вместе с другими шестью человеками, потом возили везде его изуродованный труп и зверски влачили его по всем улицам города, без милосердия поражали бесчувственное тело, рассекли его на части, сожгли и рассеяли даже пепел по ветру». Началось «преследование православных епископов»... «Все церкви египетского округа объяли страх и печаль». Многие епископы вынуждены были «удалиться из своих городов и проводить жизнь бо-язливее зайцев и лягушек».

Движение докатилось, наконец, и до Антиохии. Здесь священник Петр Гнафей (сукновал) поднимает «аполлинаристов», в рядах которых стояли, главным образом, монашество и духовенство, против местного патриарха. Свое учение Петр формулировал в целях более успешной пропаганды, в виде прибавки к Трисвятому – распныйся за ны – (святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, распныйся за ны, помилуй нас). Петр сделался патриархом. Его пострадавший соперник отрекся от кафедры ... Как известно, епископы империи вторично подтвердили при Льве (императоре) определение Халкидонского собора. И вот теперь эти же епископы и их преемники, в количестве 500 человек, при воцарении Василиска, подписывают отмену его. Изгнанные Тимофей Элур и Петр Гнафей снова получают кафедры в Александрии и Антиохии». Новый император Зинов начал свое царствование снова изгнанием Петра Гнафея. В провинции эта мера произвела переполох. В каком положении оказались теперь 500 епископов, подписавшихся под энцикликкой (отречения)? Мы видим, что к Акакию (патриарху константинопольскому) стали поступать объяснения вроде следующего: «Этою покаянною грамотою свидетельствуем, что мы дали свои грамоты не по убеждению, изъявляя согласие буквами и словами, а не сердцем, ибо веруем так, научены тому преданием вселенских светил 318 и 150 святых отцов. Веруем вместе во все, что право и благочестно определено в Халкидоне собравшимися там святыми отцами». Епископы спешили, однако, с покаянием напрасно. Зинов намеревался гасить смуты, а не раздувать их». Андреев, Пос. к ист. ц., стр. 754.

«Восток зашел в тупик вероисповедной анархии и вынужден был искать выхода в обращении к посредничеству Запада. В самом

деле, кому было верить? Епископам? Но они в 451 г. говорили одно, в 475 г. прямо противоположное, а в 479 г. еще иное. Каждый тянул на свою сторону». Андреев, Пособ. к ист. цер., стр. 758.

Следствием каждого вселенского собора было недовольство тех или иных групп духовенства, а через них и населения империи. Часто это недовольство в связи с грубостью эпохи и неуравновешенностью страстей человеческих выливалось в ряд эксцессов, как буйство, разгромы, насилия и убийства. В особенности все это имело место, когда правящие власти в лице императоров и их сановников тесно примыкали к одной из каких-либо групп. Духовенство, происходя из среды этих народных масс, ничем не отличалось от своих «пасомых», исключая редких лиц, получивших свои знания в известных школах александрийского или антиохийского богословия. Зачастую они сами же с амвонов подымали чернь на всяческие бесчинства, совершенно забывая слова Спасителя: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего своего и ненавидь врага твоего (Лев, 19 – 17, 18). А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас.». (М-к 5 – 43, 44). Ни одного собора, как видели, не происходило без целой серии «анафематствований», и все это делалось во имя Христа и Его Учения, совершенно забывая слова Его: «что вы зовете меня Господи, Господи, а не делаете того, что Я говорю?... А слушающий и не исполняющий подобен человеку, построившему дом на земле без основания, который, когда наперла на него вода, тотчас обрушился; и разрушение дома сего было великое». (Лука 6 – 46, 49).

Все время, когда изучал историю церкви и соборов, я искал деяний соборов, обоснованных на Учении Христа и Его апостолов, но их не было за очень и очень редкими исключениями. В основе деяния соборов лежат писания св. Афанасия, Кирилла, Феофила и других отцов и приводятся, как авторитет, Кирилловские 12 «анафематствований». Сравните все творения заседавших и проклинавших «отцов» с великим Учением Христа и ответьте: Его ли Учение проводили отцы на соборах, и Его ли последователями были они? Тысячу раз нет! Воистину можно сказать, что дела человеческие повторяются и на эти дела можно ответить, как некогда сказал Христос: «Приближаются ко мне люди сии устами своими и чтут Меня языком; сердце же их далеко отстоит от Меня. Но тщетно чтут меня, уча учениям, заповедям человеческим». (Мат. 15 – 8,9 и Исаии 29 – 13).

Удивительно ли, что неприязнь, вражда, ложь и насилия махровым цветом цвели во все время деятельности этих соборов? А может быть и до сего времени они излучают корни в виде крайней нетерпимости к чужим взглядам, мнениям, мыслям, убеждениям и знаниям людей? Именно, не следование Учению Христа требуется, а следование, прежде всего, столпу церковного Учения: Кириллу, Феофилу и всем анафематствам, изливавшимся широким потоком на всех этих соборах. Ведь это же ужасно! Неужели же не ясно людям, что чем больше изрыгают они свою злобу с проклятиями и нетерпимостью, тем больше засеваются эти плевелы в мировом пространстве? Все эти излученные вибрации есть самые реальные явления, которыми засоряются сферы земли. Вот почему лучшие святители церкви восставали против не только «12 анафематствований» Кирилла, но и против всяческих насилий и нетерпимости соборов, за что и подвергались преследованиям, изгнаниям и заточению, но они были крупными среди взбаламученного моря страстей человеческих.

«Чернь всегда такова, – пишет Лебедев во 2-ой части Вселенских соборов (стр. 8), – что легко воспламеняется яростью и пользуется всяким поводом к произведению беспорядков, но преимущественно перед всякою другою такова была, именно, чернь александрийская». Я бы сказал: каков пастырь, таково и стадо. Кто столь долгое время руководил и давал пример александрийцам? Ведь там заседал целый ряд епископов, как: Феофил, Кирилл и Диоскор – председатель «разбойничьего собора»! Разве вся их деятельность могла остаться без всяких следствий в отношении дальнейших событий? Лебедев и описывает их в том же духе (стр. 9), как и Андреев, а потому я не стану повторяться и утомлять своих читателей.

АНАФЕМИРОВАНИЕ ОРИГЕНА И ДОКТРИНЫ ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

В «Истории соборов» Карла фон Хейфеле во 2-ом томе в § 255 на стр. 786 и в § 257 на стр. 790 издания 1875 г. приводится два документа с анафематствованиями. Первым дошедшим до нас был эдикт царя Юстиниана, адресованный константинопольскому патриарху Менассии (Мине?). Этот акт, как сообщает Хефеле, «быть сперва сообщен Барониусом на латинском языке; затем Лупис привел его также по-гречески; эдикт был включен в собрание актов 5-

го вселенского собора. Царь в самом начале эдикта говорит, что его главной заботой является сохранение чистоты веры и единства церкви. К сожалению, он узнал, что защищаются некоторые заблуждения Оригена, которые сродни язычеству, учениям Ария и Манихейским. Кто следует такому мужу, как Ориген, едва ли может быть назван христианским, ибо он умаляет достоинство св. Троицы. Ориген утверждает, что «Отец больше Сына и Сын больше св. Духа. Сын не может лицезреть Отца и св. Дух – Сына; Сын и св. Дух суть творения и что Сын находится в таких отношениях к Отцу, как мы к Сыну». Далее царь приводит другие главные заблуждения Оригена как: предсуществование, апокастасис (воссоздание всего¹⁵ – *Wiederherstellung aller Dinge*), множественность миров и т.д. – и противопоставляет им места из Грегора Назианского, Хризостома, Петра александрийского, Афанасия, Василия и т.д., которые высказывались против Оригена. Так как он, – продолжает царь, – хочет устранить от церкви все неприятности, то, следуя св. писанию и отцам, которые осудили Оригена, отправил он это писание Его Святейшеству (Менассии) с упоминанием, что синоду присутствующих в Константинополе епископов и настоятелей поручено требовать письменную анафему Оригену и его заблуждениям, в особенности в пунктах, указанных в царском декрете. Менассия должен был тотчас же разослать экземпляры этого синодального акта другим епископам и настоятелям с тем, чтобы и они дали свои подписи под анафемированием Оригена и его заблуждений. В будущем никто не должен быть назначаем епископом или настоятелем без того, чтобы он не подписался бы под анафематствованиями еретиков Сабелия, Ария, Аполлинария, Нестория, Евтихия, Диоскора, Тимофея Аелурского, Петра Монгу, Антипа Трапезунского, Феодосия Александрийского, Петра Антиохийского, Петра Апаицкого, Севера Антиохийского, а также под анафемой Оригену. То же самое написал царь и патриарху Вергилию – папе старого Рима, как и другим святым патриархам, а именно: Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, – чтобы и они приняли соответствующие меры. Для того, чтобы, наконец, все могли видеть, что писания Оригена еретичны, царь привел далее только некоторые из его непристойностей. Указаны 24 пункта из 4-х книг, в особенности из 1 и 4-ой. Дабы быть по сему, – кончает царь, – Ориген должен быть предан анафеме в следующих 10-ти пунктах:

---

¹⁵ Или по современной терминологии – перевоплощение.

1. Всякий, кто исповедует или думает, что человеческие души предсуществуют, т.е. что они были раньше духами и святыми силами, но пресытились созерцанием Бога, стали плохими, вследствие чего остыла в них божественная любовь и, во искушение сего, они были названы душами и ниспосланы в тела, да будет тот анафема.

2. Всякий, кто исповедует или думает, что душа Господа предсуществовала и соединилась с Господом Логосом перед вочеловечением и выявлением через Деву, тот да будет анафема.

3. Всякий, кто исповедует или думает, что сперва было образовано тело нашего Господа Иисуса Христа во чреве св. Девы и только после этого соединился с ним Господь Логос и предсуществовавшая душа, да будет анафема.

4. Всякий, кто исповедует или мыслит, что Господь Логос стал подобен всем небесным порядкам, для херувимов – херувим, для серафимов – серафим, коротко говоря, стал подобен всем высшим силам, да будет анафема.

5. Всякий, кто исповедует или мыслит, что при воскресении человеческие тела будут шарообразны¹⁶ и нам не подобны, да будет анафема.

6. Кто исповедует, что небо, солнце, месяц, звезды и воды, находящиеся над небом, одухотворены и есть разумные существа, тот да будет анафема¹⁷.

7. Всякий, кто исповедует или мыслит, что Господь Христос в будущем будет распят для демонов, подобно тому, как был распят для людей, тот да будет анафема.

8. Всякий, кто мыслит или исповедует, что могущество Господа ограничено и он создал столько, сколько может вместить, тот да будет анафема.

9. Всякий, кто мыслит или исповедует, что наказание демонам и безбожным людям будет только временным и будет иметь конец, тот да будет анафема.

10. Анафема Оригену и каждому, кто подобному учит или подобное утверждает».

Далее фон Хейфеле пишет: «Составил ли этот эдикт сам царь Юстиниан или его авторами были папский апокристий Пелагиус и патриарх Менассия, как то предполагает Барониус, остается невы-

---

¹⁶ Вероятно, имеющие ауру шарообразной формы.

¹⁷ В книге «Воспитание духа» я привел выдержку ученого Фехнера, подтверждающего мысль, что все одухотворено. Стр. 94. То же говорит и Боше, там же стр. 17.

ясненным. Также является вопросом церковного права, имел ли право царь выпустить подобный эдикт, или он подлежал другой компетенции. Я думаю, что мы тут имеем дело с одним из многих случаев Византийского превышения власти, хотя и с доброю целью и даже, если царь действовал заодно с Менассией и Пелагием. Издание этого эдикта, по мнению Баллерини относится к 543 г., по Барониусу к 538 г., а по Гарнье к 539 – 540 г.» §259, стр. 790.

Такое обилие «еретиков», проклятых всеми святейшими соборами, уже одно показывает на обстоятельство, что где-то в официальном христианстве не все в порядке. Проклинать и сжигать легче и проще, умения и знания для этого не требуется никакого, а разрешать противоречия, обнаруженные такими «еретиками», как Арий, Несторий, Саванаролла и пр., дело очень не легкое, которое и до сих пор не разрешено. Я не буду касаться всех попыток всевозможных Манихеев, Аполлинаристов и всяких иных философов в своем стремлении разрешить неправильно поставленные вопросы. Ибо, как уже и говорил, сама неправильная постановка вызывает нескончаемое множество положений, столь запутанных и сложных, что, действительно, невозможно хоть сколько-нибудь удачно их разрешить. Но всякое пресечение в выяснении их запретом или указанием о великой тайне, чем очень многие лица из духовенства стараются воздействовать, будет весьма недобропорядочно, ибо и сам Христос говорил: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (Марка 4 – 22). Но и эта тайна, как и всякая иная, не станет явной без мысли, работы и труда над разрешением ее: «Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам». (Матвея 7 – 7). Если тысячелетия искания не привели ни к чему, не следует ли тогда изменить основной принцип, на котором созидалась философская мысль людей? Если для высококачественной стали не пригодна сера и фосфор, люди тогда обычно прибавляют что-либо другое, как: марганец, никель, вольфрам, молибден – и снова применяют всевозможные способы сплавления. Но иногда не отказываются от устремления приложить свой труд и энергию для нахождения иных возможностей, прикрываясь великой тайной¹⁸. Но прежде всего нужно иметь мужество отрешиться от вековых предрассудков и поставить вопрос правильно, но об этом я уже говорил.

---

¹⁸ Никто не смущается тем, что всякие знания и во всех областях находятся под покровом великой тайны, но к тому же люди знают, что под лежащий камень вода не потечет. Всегда и во всем нужен труд.

Из всего материала, высказанного царем Юстинианом в своем декрете, я хотел бы остановиться на отрицании им множественности миров. В то древнее время господствовала теория Аристотеля и Птолемея, как среди ученых того времени, так и в церкви. Она выясняла, что земля есть центр вселенной и окружена тремя сферами с прикрепленными на них светилами; к одной из этих сфер прикреплено солнце, к другой – луна, а к третьей – звезды. Сферы, вращаясь каждая с определенной скоростью, движут и светила, освещающие нашу землю. Против такой теории восстал ученый монах Джордано Бруно, доказывая множественность миров, и поплатился за это свою жизнь на костре по приговору духовенства в 1600 г. Теперь, на этой площади в Риме, где был сожжен этот несчастный ученый, поставлен памятник, чему сильно противодействовало современное духовенство. Оно не научилось даже и до сих пор прощать своим противникам за противодействие и ставить правду превыше личного самолюбия, хотя уже весь мир и сами они убедились в ошибочности своих некоторых догм.

Помест. Собор в Константинополе против Оригена в 543 г.

«Без сомнения, патриарх Менассия не замедлил созвать по желанию царя, собор в Константинополе в 543 г., и Юстиниан послал собранию послание, в котором он отвергает заблуждение палестинских монахов пифагорейцев, Платона и Оригена. Собравшиеся отцы, по обсуждению вопроса, предали анафеме Оригена и всех иже с ним».

Далее фон Хефеле проводит 15 анафематствований и свои предложения, основанные на целом ряде доказательств, что их вынес поместный Константинопольский собор в 543, а не V вселенский в 558 г., как ранее думали некоторые ученые. Я не буду останавливаться на этих доказательствах проф. Хефеле, так как для наших задач это совершенно безразлично, но я выделил эти анафематства в особый отдел, ибо в актах V-го вселенского собора нет никакого следа кроме одиннадцатого канона, где имя Оригена приведено без детального обсуждения, как было поступлено с Феодором, Феодоритом и Ивой. Да, наконец, и этот 11 канон, по заявлению Хефеле, тоже оспариваем, т.е. принадлежит ли он V всел. собору. Но для полноты картины осуждения Оригена, я все же приведу в конце отдела и этот 11-ый канон.

Интересно отметить, что поместный собор после анафемации Оригена отправил царю послание, из которого Евагрий приводит

три отрывка, характеризующие отношение собора к царю: «Так как ты обладаешь душою, которая сродни небесному дворянству, христианский царь ... мы бежим, да бежим этого учения (Оригена), так мы не знаем чужого голоса (т.е. голоса не нашего пастыря), мы связали его (Оригена), как вора и разбойника, петлями анафемы и выбросили из святилища... Содержание того, что мы сделали, увидишь ты из письменного сообщения...».

15 АНАФЕМАТСТВ

1. Кто исповедует сказочное предсуществование души и связанный с ним апокатастасис (воссоздание всего – *Wiederherstellung aller Dinge*), да будет анафема.

2. Кто исповедует, что разумное творение (РбснщЮ) состояло только из бестелесных духов (пб) без числа и имени, так, что их идентичность друг другу осуществлялась благодаря единообразию их назначения, силы и энергии, как и их единообразному единению с Богом Логосом, и их единообразному пониманию Его; что они, якобы, пресытились созерцанием Бога, вследствие чего стали плохими, каждый соответственно его склонностям, приняли более тонкие или более плотные тела и получили названия, вследствие чего получилась разница, как имен, так и тел высших сил. С тех пор одни стали херувимами, другие серафимами, архаями, силами, господствами, тронами, ангелами и, вообще, существующим порядком небесных сил, тот да будет анафема.

3. Кто исповедует, что солнце, месяц, звезды принадлежат к числу тех же разумных сущностей, и что они, став плохими, стали тем же, чем они теперь есть, тот да будет анафема.

4. Кто исповедует, что разумные существа, в которых божественная любовь охладела, включены в более плотные тела, подобные нашим, и названы людьми, иные же, которые достигли вершины зла, получили темные и холодные тела и стали демонами и злыми духами, тот да будет анафема.

5. Кто исповедует, что, как ангелы и архангелы стали душами, а души демонами и людьми, так и люди снова могут стать ангелами и демонами, а также, что каждый класс небесных сил целиком состоит из высших или низших сил, или из низших и высших сил одновременно, тот да будет анафема.

6. Кто утверждает, что существуют 2 вида демонов, из которых один состоит из людских душ, другой же из высших, низко павших

духов; и что из всего комплекса разумных существ только один дух неизменен в божественной любви и созерцании Бога, что этот дух стал Христом и царем всех разумных существ, что он создал небо и землю и все, что находится между ними; кто говорит, что мир стал существовать благодаря тому, что он заключает в себе элементы, которые старше мира, и которые существуют сами по себе, а именно: сухость, влажность, теплота, холод, – а также прообраз, по которому мир сотворен, и что не всесвятая единая троица создала мир, но нпау дзмйьсгду¹⁹, который старше мира, дает ему существование и проявил его, как существующее, тот да будет анафема.

7. Кто исповедует, что Христос явился во образе Бога и извечно был соединен с Богом Логосом, но в последствии снизошел до человечества, смилостивился над ним и во всяком случае над группой духов, чтобы привести их обратно, прошел через все классы, принял различные тела и получил разные имена, стал всем для всех, среди ангелов – ангелом, среди сил – силою, получил среди всех разрядов разумных существ соответствующий образ, затем принял, подобно нам, плоть и кровь и стал среди людей человеком, кто это утверждает и не признает, что Бог Логос снизошел до нас и стал человеком, тот да будет анафема.

8. Кто не исповедует, что Бог Логос единосущен Отцу и св. Духу, вочеловечился и что один из числа Троицы есть собственно Христос, но утверждает, что Логос был назван Христом только (збфбчтзуфйкшу²⁰) ради создающего духа (creaturlicher Geist), который самоунизился; этот дух, связанный с Богом Логосом, и есть в собственном смысле Христос; тот же Логос назван Христом только ради соединения с нпау²¹ и что он созидующий дух (нпау) по воле того назван Богом, тот, кто это признает, да будет анафема.

9. Кто исповедует, что не Логос стал Богочеловеком, через приятие одухотворенной шЮлщЮ²² и нпесЬ – плоти, спустился в Хадес и снова, как равный, вернулся на небеса, но что это сделал так названный ими (нпау), о котором они безбожно говорят, что он и есть, собственно, Христос, который стал им благодаря Монас'у (Monas²³), тот да будет анафема.

---

¹⁹ творческий разум.

²⁰ как дух хороший, отличный, честный, дельный, совершенный.

²¹ ум, разум, мысль, образ мыслей.

²² разумный дух.

²³ сознание.

10. Кто утверждает, что тело Господа, по воскресении было эфирным и шарообразным по своему образу и что тела и других по воскресении будут такими же, и что Христос сперва скинул (abgelegt) свое настоящее тело, и что так же будет и со всеми телами, что природа тела перейдет в ничто, тот да будет анафема.

11. Кто исповедует, что будущий суд доказывает уничтожение тел, и что конец сущности будет нематериальная цэжу²⁴, и что в будущем не будет ничего материального, но единственно только дух, тот да будет анафема.

12. Кто исповедует, что с Божественным Логосом одинаково соединятся и небесные силы, и все люди, и дьяволы, и злые духи, подобно тому нпау (wie jener NUS), которого они называют Христом, который представляет образ Бога, и который, по их словам, унизился, а также, что царствию Христа будет конец, тот да будет анафема.

13. Кто исповедует, что Христос (тот нпад NUS) не отличается от других разумных существ ни в отношении обычая, ни в отношении постижения, не превышает других в могуществе и энергии, и что все будут стоять одесную Бога, как и называемый ими Христос (NUS), и что так это и было во время их предсуществования, тот да будет анафема.

14. Кто исповедует, что когда-нибудь все разумные существа будут опять воедино, когда ипостаси, числа и тела будут упразднены; что по достижении мудрости будет следовать конец света и упразднение тел и что тогда будут уничтожены имена и исполнится идентичность мудрости (gnosis) и ипостаси; что далее в результате сказочного апокастасиса останутся только духи, как это было и при воображаемом предсуществовании, тот да будет анафема.

15. Кто исповедует, что существование духов тогда будет подобно их прежнему существованию, когда они еще не опустили и не пали, ибо начало и конец суть подобны друг другу, и что конец есть мерило началу, тот да будет анафема.

11 канон V-го вселенского, Константинопольского собора

«Кто не анафемирует Ария, Евномия, Македония, Аполлинария, Нестория, Евтихия и Оригена, вместе с их безбожными писаниями, как и других еретиков, которые осуждены и анафемирова-

---

²⁴ природа.

ны святой католической и апостольской церковью и 4-мя ранее названными соборами, совместно со всеми теми, кто единомысленен с названными еретиками, кто до конца тверды в своем безбожии, тот да будет анафема».

После всего изложенного, хотелось бы яснее подчеркнуть всю деятельность наших соборов. В их постановлениях не видно никакого просветительного труда, нигде не проявлялось желание постичь причину стольких разногласий и отхода верующих от истинного направления, простого желания уберечь членов церкви от дальнейших ошибок – ничего подобного в деятельности церкви нет. Видны лишь только действия, подобные плевкам по направлению к мыслителям, которые во многом ошибались, но все же было и великое устремление и труд примирить непримиримое благодаря неправильной базе, взятой по причине вековых суеверий. Можно ли такому учреждению, которое именует себя «святым собором», употреблять, как воздействие на людей, столько сплошных проклятий? На любом базаре не услышишь такой неприязни к людям, сколько их было на каждом из «святых соборов». Где же тут заветы Христа? Такое деяние недопустимо даже далеко не святым людям, а всякому трезвому и претендующему на уважение человеку. Если же в настоящее время ссылаются на мрачное и грубое время средневековья и оправдывают этим постановления соборов, то, логически разбираясь, не следует ли вновь пересмотреть все решения тогдашних соборов и вынести новые постановления, соответствующие истине и справедливости при теперешнем состоянии человеческого сознания? Думаю, что да.

V ВСЕЛЕН. СОБОР В КОНСТАНТИНОПОЛЕ (553 г.)

«Пятый вселенский собор, – повествует Лебедев далее (на стр. 14 – 17), – не имеет дело с какими-либо новыми ересями, подобно вселенским соборам предшествующим и последующим. Его задаче уже ... Он имеет в виду частью монофизитов, частью несториан ... Он разрешает спор о трех главах или 3-х лицах уже умерших, но которые своею предыдущею деятельностью и учением продолжали производить соблазн в Церкви. Лица эти: Феодор, епис. Мопсуеский, Феодорит, епис. Кирский, Ива, епис. Едесский; все умерли в V веке... ни один из них не был осужден ни на соборе III вселенском, на котором решался вопрос о несторианском учении, ни на соборе Халкидонском, который имел случай обсуждать образ дея-

тельности Феодорита и Ивы и отчасти выразил свое суждение и о Феодоре... Несториан было много в восточной Римской империи, между тем именными императорскими указами сочинения Нестория изъяты были из публичного употребления; при таких обстоятельствах для поддержания и распространения своей ереси несториане прибегали к такому средству: вместо сочинений Нестория они стали изучать и распространять сочинения тех церковных писателей, которые... проводили несторианские мысли, являясь приверженцами этой ереси, каковы именно и были Феодор, Феодорит и Ива... Церкви надлежало произнести свое осуждение на Феодора, Феодорита и Иву за то, что ими написано и сделано в пользу несторианства и вопреки интересам православия. За это то дело и принимается Церковь, по внушению тогдашнего императора Юстиниана. Дела церкви были предметом самых ревностных попечений этого императора: в этом отношении он был вторым Константином Великим. За делами церкви он готов был забывать свои прямые обязанности государственные... В числе приближенных к нему лиц был некто Феодор Аскида, архиепископ Кесарии Каппадокийской... В своих личных целях он начал указывать императору, ...что стоит только произвести анафематствование Феодора, Феодорита и Ивы... и мир церковный водворится..., а император покроет себя вечною славою. Совет императору понравился... Юстиниан издал указ, которым он подвергал анафеме Феодора Мопсуестского со всеми его сочинениями и учением, Феодорита Кирского за его сочинения, направленные в свое время против св. Кирилла александрийского и III вселен. собора, Иву Едесского за его послание к некоему Марию Персу, из которых можно было видеть несторианские склонности этого епископа. Указ этот не дошел до нас...» Стр. 17.

«Указ издан был Юстинианом с тем, чтобы его подписали и приняли все представители церковной власти и чтобы, таким образом, он получил общее церковное значение... Указ вызвал великое смятение и споры в Церкви..., явились порицатели его, но нашлись и защитники... Феодор (Мопсуес.) был учителем еретика Нестория, если не в собственном, то в переносном смысле... Он вооружался против церковного учения (но не против Христова Учения, ведь это нужно постоянно разграничивать, ибо одно не соответствует другому – Замечание автора книги), что от св. Девы Марии родился Бог Слово..., (но) он отличал в лице Богочеловека храм (человечество) от обитающего в Нем Бога (в понимании Пав-

ла: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос». Прим. Автора. Цитата привед. из послания к Гал. 4 – 19). Против Феодора ополчились Кирилл алекс., св. Прокл конст., Равуль едесский и император Феодосий младший. В своем указе пишет он «надлежит, чтобы книги (изложенные Феодором) были отыскиваемы со всем тщанием и найденные были публично перед всеми сжигаемы».

Но были и иные лица, как епископ Кирский Сергей, который совершил какое-то небывалое празднество в честь Феодора Мопсуестского и других представителей несторианства, за что епископ Сергей лишен был кафедры. «Два вселен. собора III и IV, хотя имели некоторые поводы выразить свое суждение о неправославии Феодора, однако ж не сделали этого (анафематства), как бы считая это незаконным и неправильным. Ибо Феодор уже умер прежде III всел. собора».

Кроме того нужно указать на «высокое уважение, каким имя и сочинение Феодора пользовались в целом и обширном патриархате Антиохийском...». «Архиепископ Антиохийский Иоанн и епископы этого округа собрались на собор, на котором положено было твердо стоять за Феодора и ходатайствовать за него перед Проклом и императором Феодосием», после анафематств Кирилла и Прокла. А народ на сходках провозглашал: «да умножится вера Феодора! Так веруем, как Феодор». Стр. 24, 25. После такой горячей защиты Феодора, император Феодосий издает указ: «пусть никто не осмеливается предначинать что-либо против тех, которые скончались в мире с церковью». Стр. 27.

«Не менее было возможности спорить и против Феодорита Кирского... Его можно было с одинаковым правом выставить и еретиком и ревностным православным... Приверженность его к Несторию с ясностью можно видеть из некоторых писем его, писанных к разным лицам и самому Несторию. К последнему он писал: «с тем, что несправедливо и противозаконно совершено было против твоей святости, я не позволю себе согласиться и тогда, если бы кто-нибудь отсек мне обе руки...». В письме к Александру, епис. Иерусалимскому (Феодорит) говорит: «Я и прежде говорил твоей святости, что если учение господина моего достопочтенного и святейшего епископа Нестория будет осуждено, я не буду иметь общения с теми, которые это сделают». О своем отношении к III вселен. собору в одном письме Феодорит объявляет: «Я никаким образом не со-

глашаю на осуждение Нестория, которое постановлено в Ефесе...». Самого Кирилла называет человеком «дерзким, коварным» и его учение нелепостью, снопами еретических семян. Таким образом склонность Феодорита к несторианству, его борьба с Кириллом, противление его собору III вселен. и авторитетный отзыв о нем Кирилла, давали сильное оружие порицателям Феодорита в споре о трех главах».

«Но с другой стороны не без оружия в руках оставались в борьбе с противниками Феодорита и защитники его чести и памяти. Феодорита с полным правом можно было отстаивать, как мужа, послужившего благу церкви, и как приверженца православия... Когда же начало развиваться монофизитство, он сделался первою жертвою происков монофизитов; сделался исповедником за православие, ибо собор «разбойничий» 449 г. лишил Феодорита епископского сана, а император Феодосий II сослал его в ссылку... Собор Халкидонский по прошению Феодорита должен был пересмотреть этот приговор..., но потребовал анафематствования Нестория. Феодорит просил прочесть его писания и убедиться в его православной вере, но собор не соглашался и, когда после некоторого препирательства, он все же произнес требуемое анафематствование, собор воскликнул: «Феодорит достоин престола, православный учитель, да примет церковь! Феодориту епископу пусть будет возвращена церковь». (Стр. 28 – 30. «Всел. соборы», Лебедева).

Третьим лицом был Ива Едесский. Его жизнь давала много доказательств: и в пользу его несторианства, и в пользу его православия. «На соборе в Берите на него донесено было, что он несторианин, и св. Кирилл назвал его еретиком». То же было и на соборе в Тире. Но все же эти два собора не объявили его еретиком, потому что это было до примирения между Кириллом и Иоанном, архиепископом антиохийским, под началом которого он состоял. На соборе же Ефесском 449 г., «разбойничьем», происки его обвинителей все же имели успех и он был осужден. На Халкидонском же соборе суд Ефесский был отменен и тоже от него потребовали проклятия Нестория и Евтихия; после чего и он был восстановлен в своем сане. (Стр. 31, 34).

«Послание (к Марию Персу) было такого содержания, что на нем можно было построить и обвинение против Ивы, и защиту его». В первой половине его Кирилл порицался; он описывался смутотворцем и еретиком. «Они писали один против другого па-

губные книги. (С одной стороны) Несторий сказал, что блаженная Мария не есть Богородица, так что многие думали, что он был последователем Павла Самосадского, который говорил, что Христос был чистый человек. А Кирилл, желая опровергнуть книги Нестория, погрешил и оказался впавшим в учение Аполлинария. Ибо он говорил подобно ему, что сам Бог Слово сделался человеком, так что не было различия между храмом, т.е. человечеством Христа и Обитающим в Нем, т.е. Божеством. Он написал 12 глав о том, что естество божества и человечества Господа Иисуса Христа – одно. Это полно всякого нечестия...». Стр. 34 и 35.

«Как сказано, издан был указ Юстиниана, спор мог возгореться и действительно возгорелся». Стр. 38.

Мысль о том, что подобным осуждением (в указе) наносится оскорбление собору Халкидонскому и даже колеблет авторитет его, одних из епископов сделала медлительными в исполнении императорского повеления и желания, других – явными врагами указа».

«Патриархи восточные сначала приняли указ недоверчиво и колебались подписаться под ним, но только на короткое время. Первое лицо, от которого император потребовал подписи указа, был патриарх Мина. Он подписался не вдруг... Но потом он подписался на условии, что признает свою подпись недействительной, если папа Римский не согласится на подпись указа. Другой восточный патриарх Зоил Александрийский подписался под указом тоже не без колебания и только после понуждений со стороны Юстиниана. Третий патриарх восточный Ефрем Антиохийский сначала объявил себя врагом указа... и только опасность лишиться своей патриаршей кафедры побудила его исполнить требование... Патриарх Иерусалимский Петр объявил перед иерусалимскими монахами, что кто подпишет указ, тот враг Халкидонского собора. Но, наконец, и он согласился исполнить волю императора. За этими главами церкви так или иначе подписались и прочие епископы Востока...».

«Иначе отнеслась церковь западная к указу. Запад, как один человек, поднялся на борьбу с ним...», Стр. 39, 40.

С особенною ревностью сопротивлялись осуждению трех глав епископы африканские... От лица африканских епископов императору было написано послание епископом Понтианом: «... сочинения их (указанных лиц в указе) мало известны. Если они (сочинения) дойдут до нас и мы прочтем их, а равно и другие сочинения противные правой вере, то мы осудим их, но не самих авторов, уже

умерших... Да и к чему нам вести войну с умершими? Они перед лицом Судии истинного, выше которого нет другого судьи. Оставь, государь, мир церквам! Осуждая уже умерших, ты должен будешь наказывать и живых за непослушание...». Когда Римскому папе Виргилию сделался известным указ Юстиниана, он не подписался под ним, но вместо того ... осведомился у африканских епископов о том, как смотрят они... В ответ на этот вопрос карфагенский ученый диакон Фюльгенций Ферранд написал послание в Рим, в котором высказал свое несогласие с указом Юстиниана и которое сделалось руководительным для церкви Римской. (Он пишет что) «не должно отмечать суд, переменять его суждения древних отцов, которые собирались в Халкидоне... Каждый обвинитель имеет право на апелляцию только тогда, когда может обратиться к высшему суду; но к кому обратимся в данном случае?... Из каких стран или городов соберем мы епископов, которые были бы лучше прежних епископов?... Умерших осуждать не должно. Что пользы вести борьбу с уже умершими или производить смуты церковью из-за таковых?... Император своим указом делает насилие над совестью членов церкви. Никто не может навязывать своего мнения другим, иначе мыслящим. Конечно, каждый может в видах утверждения веры излагать письменно, что он думает, но однако же не с тем, чтобы написанное им заставляло принимать других ... Он (ап. Павел) повелевает прилежно испытывать изреченное, чтобы по легковерию не впасть в заблуждение...» Стр. 39 – 44.

Пока (папа) оставался вдали от столицы восточной, Константинополя, действовать на него в интересах дела было не легко; поэтому император вызвал Виргилия в Константинополь... Прибывши в Константинополь, он (Виргилий) отлучил патриарха Кон-кого Мину на четыре месяца от церковного общения за его согласие на осуждение трех глав; с своей стороны Мина сделал то же самое с Виргилием. Неизвестно, какой оборот приняло бы дело, если бы папа оставался упорен в своем мнении... Но папа не мог не уступить, отчасти по слабости характера, отчасти по влиянию на него двора...» Стр. 45.

«Измена папы Виргилия воззрениям, каких, как мы видели, держался Запад, вызвала западное духовенство на борьбу с самим папою, как отступником от веры. Сопроотивление папе обнаружилось в самом Конст-оле, в лицах принадлежащих к свите Виргилия. Такими были диаконы Рустик, родной племянник папы и Себастиан... Они стали осуждать Кирилла александр. за его старание под-

вергнуть анафеме сочинения Феодора..., объявляли, что папа становится противником определения собора Халкидонского, писали письма в разные места, в которых доказывали неправильность осуждения 3-х глав, и тем настолько возмутили церковь, что в некоторых местах дело между спорящими доходило до кровопролития... За все это Рустик и Себастиан вместе со многими другими участниками их «заговора и скопа» лишены были своего церковного достоинства... Епископы африканские... собрали собор и отлучили папу Виргилия от церковного общения... Иллирийские епископы тоже подняли свой голос в защиту тех же глав... В отдаленной Галлии так же обнаружилось церковное возмущение против папы... то же было и в других местах». Стр. 46.

«Но самым сильным борцом против осуждения трех глав был на Западе епископ африканский Факунд, который около этого времени издал свое обширное сочинение под заглавием «В защиту трех глав». В нем он вооружился всею своею ученостью и своим остроумием на защиту каждого из трех лиц, осуждение которых требовалось... «Если в точности следовать по стопам Кирилла, – писал Факунд, – пришлось бы порицать и осуждать и Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, ибо когда Антик, архиепископ Константинопольский (после Златоуста), внес имя Иоанна в церковные помянники, Кирилл писал ему: «прикажи вычеркнуть имя Иоанна из списков епископов. Если же это позволительно, то позволительно внести и имя предателя Иуды в число имен апостольских...». Стр. 47.

Далее Факунд пишет: «... нужно осудить не одного Иву, но и св. Генадия, архиеп. Константинопольского и св. Исидора Пелусюта, потому что и они худо отзывались о Кирилле ...». Исидор писал: «Многие из тех, кои собирались на собор Ефесский (III всел.), осмеивают тебя, как в комедии, потому что ты не изыскивал того, что православно и Христово, но лишь отмщал за свои личные обиды. Говорят, ты действовал, как родственник Феофила (архиепископа александрийского, враждовавшего против Златоуста) и подражатель его воли». Стр. 50.

В свою очередь «Юстиниан не щадил сил для того, чтобы склонить церковь к осуждению трех глав. Но дело мало продвигалось вперед... При таком положении император для окончательного решения вопроса вознамерился составить новый вселенский собор, пятый», Стр. 58.

«Число отцов на соборе, при открытии его (в Константинополе), было 150, при заключении 164. Первое заседание происходило

5-го мая 553 г. Председателем его был Евтихий, патриарх Константинопольский. Императору угодно было, чтобы в соборе принял участие и папа Римский, Виргилий, но папа под разными предложениями отклонял от себя приглашение императора... Вслед за папою Виргилием отказались приехать на собор и некоторые другие западные епископы под разными предложениями: «так как папа не председательствует, то я не пойду». Другой заявил, что так как нет на лицо его митрополита, то он не может отправиться на собор без его разрешения» и т.д. Стр. 59 и 60.

«Указ сделался программой и руководящей нитью в деяниях собора». Стр. 62.

И опять собор начал разбираться в вопросах разных писаний: «... от Пресвятой Девы Марии родился не Бог, но человек», «не Бог Слово родился от Марии, родился же от Марии тот, кто от семени Давида», «Бог Слово не рождался от Марии Девы, Он только присутствовал в человеке Иисусе при рождении Его и во время остальной жизни Его». «Почему до воскресения из мертвых Он укорял Петра за то, что этот соблазняет Его своими словами (Мф. 16 – 23). Через воскресение же Христос сделался совершенно непорочным», «Христос нуждался в руководительстве Духа Святого и в подкреплении от самого Бога Слова». «Выражение: возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола (Мф. 4 – 1), означает, что Христос, как человек, был руководим Духом; Им был направляем к должному; Им был научаем тому, чему следовало; Им был укрепляем, так что способным стал на столь трудное состязание». «Подобное же содействие оказывает человеку Христу и Бог Слово помогает ему как существу иному – чуждому. Феодор пишет: «Бог Слово много возлюбил Его и все Его усвоил себе и все перенес, сопровождал Его во всех страданиях, силою своею сделал Его через них совершенным...» и т.д. Стр. 56 – 65.

Далее собор начал читать иные писания об осуждении св. Отцами еретиков: Лев, папа Римский, сначала принял сторону Евтихия и в своем послании одобрял его, однако после осудил его и анафематствовал как еретика... Кирилл писал: «И так должно осуждать тех, которые повинны в дурных поступках, в живых ли они находятся или нет». «В доказательство позволительности осуждать лиц, заслуживших того, после их смерти, отцы собора ссылались на одно постановление собора Африканского, которым предписывалось епископов, завещавших свое имущество еретикам, подвергать ана-

феме после их смерти. Кроме того собором представлены были и многие другие свидетельства в том же роде...». Стр. 70 и 71.

Наконец, по рассмотрении всех свидетельств за и против, собор приступил к произнесению своего приговора. «На соборах, – объявили отцы V вселенского собора, – должно внимать не речам отдельных лиц, но тому, что определяется всеми вообще, или большинством». Стр. 75.

«Осуждаем и анафематуем вместе со всеми другими еретиками и Феодора... и его нечестивые сочинения, и то, что нечестиво писал Феодорит против правой веры, против 12 глав святого Кирилла и против Ефесского собора, и что написано им в защиту Нестория... Кроме того, анафематуем и нечестивое послание, которое написал Ива к Марию Персу... Итак, анафематуем вышеупомянутые три главы... и их защитников и тех, которые писали или пишут в защиту их... стараются защитить их нечестие именем св. отцов и св. Халкидонского собора». Стр. 76 и 77. Далее Лебедев старается подкрепить анафематства собора позднейшими проклятиями Виргилия и сочувствием ему папы Пелагия I и папы Григория Великого. Стр. 77 и 78.

Собором приняты во внимание и рассмотрены были все свидетельства и писания, но совершенно не были приняты во внимания великие Учения Христа:

- 1) Не судите, да не судимы будете – Мф. 7 – 1;
  - 2) Кто без греха – первый брось камень – И-н 7 – 8;
  - 3) Кто не против вас – тот за вас – Мк. 9 – 40;
  - 4) Любите врагов ваших и проклинаящих вас – Мф. 5- 44;
  - 5) Священник прошел мимо, тоже и левит. Самаринянин же увидев сжалился. «Кто из этих троих... был ближний?» Лк. 10 – 36.
- Но если можно получить от еретика и язычника, то почему нельзя дать или оставить ему наследство?

Воистину «тщетно чтут Меня, уча учениям и заповедям человеческим». Мф. 15 – 8,9.

МОНОФЕЛИТСТВО

Не успел V всел. собор закончиться, как опять и опять поднимаются «ереси», а вместе с ними и отлучения, проклятия, заточения и всяческие насилия. И снова приходится констатировать, что все обоснование церкви зиждется не на вечной Христовой истине, а на суждениях человеческих, вечно изменяемых и дополняемых. Все эти «ереси» не разные, а одни и те же, возникавшие на старых во-

просах, исходящие из того же источника – неправильного понимания и приложения Учения Христа и Его апостолов.

Не успели покончить с монофизитами, как они же выродились в монофелитов, кои утверждали, «что во Христе одна воля и одно действие божеское, человеческой же воли и человеческой деятельности не признавали в Богочеловеке! Такой переход монофизитства в монофелитство был весьма естественен... Монофизитское учение об одной природе во Христе – божественной, и непризнание в Нем природы человеческой само собою вело к учению об одной воле во Христе, тоже божественной, и к непризнанию в Нем воли человеческой...». Эти люди рассуждали таким образом: «Господь наш Иисус Христос и по воплощении пребывает в двух совершенных естествах неслитно и нераздельно в одном лице и одной Ипостаси; особенности того и другого естества стеклись в одно лицо, в одну Ипостась; поэтому мы исповедуем Христа в новом образе без телесных хотений и человеческих помыслов, исповедуем в Нем одно Ипостасное учение, хотение и действие... Правильное же церковное учение заключалось в признании во Христе двух волей – Божественной и человеческой...». Стр. 79 и 80. Истор. соб. Лебедева.

«Широкое распространение монофелитство приобрело лишь с царствования императора Ираклия, который хотел воспользоваться... (и попытаться) присоединить последователей монофизитов к церкви православной, если в последней будет провозглашено учение, сходное с монофизитством...». Патриарх Константинопольский Сергий одобрил план императора. Папа Гонорий тоже охотно встретил унию. Таким образом была введена уния. В Египте, где было много монофизитов, уния имела огромный успех. Но для православных это была измена вере и они встретили унию сопротивлением. Не помог и указ императора. Все царствование Ираклия прошло в спорах и беспокойствах. Новый император Констанс II издал второй указ, но и он не внес умиротворения.

Вместе с Софронием, патриархом иерусалимским, выступает св. Максим в защиту служения православию. Максим был исповедником и мучеником за учение о двух волях во Христе. Сначала он занимал высокую должность императорского секретаря и за свои таланты высоко ценился императором Ираклием. Затем, бросив государственную службу, сделался монахом и игуменом одного Константинопольского монастыря. Когда появилось монофелитство, он оставил столицу и жил частью в Африке, а частью в Риме. Он

имел огромное влияние на епископов, «потому что они, хотя и превышали его саном, но мудростью были гораздо ниже его».

Им было написано замечательное послание, в котором он рассуждал и убеждал так: «Как Бог, Он (Христос) совершал божественное, как человек – человеческое». Это послание, кроме своей обширности, еще обращало на себя внимание тем, что не указывает прямо на монофелитов, но в духе кротости, обходя лиц, восстает на защиту истины». Стр. 92.

Вообще ошибка всех спорящих лиц была та, что, совершенно не зная сложнейших сторон и функций нашей физической жизни, люди приступали к утверждению еще менее известных им функций духовной нашей сущности. Св. Максим совершенно верно и правильно заключал о двух волях Христа, но как будто не учитывал, что все им сказанное могло с равным успехом быть приложенным и к каждому человеку, как обладателю физическим телом, так и божественным, вечным духом, частицею Отца нашего небесного.

Новый папа Мартин стал на сторону православия. Поэтому император послал в Италию экзарха Феодора Каллиопу с многочисленным войском, чтобы арестовать папу и отправить его в Константинополь. Ночью папа был схвачен и посажен на корабль. Путешествие больного папы было крайне тяжелое. В Константинополе он подвергся оскорблениям и осмеянию. В суд внесли его на носилках, совершенно ослабленного долгой и тяжелой болезнью, но судьи потребовали, чтобы он отвечал стоя. Но едва он начал свою оправдательную речь, как его оборвали, заявив «ничего не говори о вере, мы сами христиане и православные», – какие бы люди ни делали мерзости и насилия, они всегда покрывались именем христиан и православных, лишь бы у них была полнота власти к тому.

После суда императорский чиновник приказал префекту от имени императора: «возьми Мартына и рассеки его на части». С него сняли принадлежности первосвященнического достоинства, разодрали на нем даже нижнюю одежду, оставя его полуобнаженным, надели на шею железные кандалы и повели по городу в тюрьму. Умиравший патриарх Константинопольский Пирр выпросил у императора решение не казнить Мартина. Взамен этого он был отправлен в ссылку в Херсонес в Крым, где скоро и скончался в крайней нужде». Стр. 101.

Одновременно с папою претерпел мучения и Максим. Его повлекли босого и полунагого по улицам города, – и бросили потом,

как злодея, в тюрьму. Все старания привлечь его к унии не увенчались успехом. После увещаний его начали избивать, топтать ногами и оплевывать. Потом опять отправили в ссылку, но недолго он был в ссылке, его вновь привезли в Константинополь и в претории наказали воловьими жилами, отрезали до корня язык и отсекали правую руку. И вновь повели его, изувеченного, по улицам города для отправки в Колхиду, где он и закончил свою жизнь. Все это делалось во имя Христа и Его Учения. После собора Халкидонского объявляется императорским указом символ Константинопольский, как обязательное исповедание для каждого христианина, а до него в царствование Феодосия, в императорских указах предписывалось держаться символа Никейского, а теперь, в указах Ираклия и Констанса II, с согласия патриархов и папы, требуется уния монофелитская! Истина Христова едина во все века, во всех местах земли и для всех народов, но проводят ее люди по-своему, в зависимости от своего сознания. Чем выше сознание, тем чище, правдивей и светлей подход к ней среди отдельных личностей. Расширяйте и углубляйте свое сознание и не отдавайте его в порабощение сложившемуся уже суждению человеческому. Этим вы избавите человеческое бытие от повторения недопустимых страниц истории в нетерпимости и неприязни ко всякому иначе мыслящему человеку.

VI ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

«Все дела церкви перепутались» – говорится в истории соборов у Лебедева. (Стр. 104). Император Константин Погонат возымел мысль собрать собор для решения спорных вопросов. Стараниями Константина собор был созван в Константинополе в 680 году. «Всех присутствовавших на соборе епископов и представлявших их лицо пресвитеров к концу собора было 153 человека. На большей части заседаний собора присутствовал сам император Константин... Собор длился почти целый год». (Стр. 106).

Защитником монофелитов был патриарх Антиохийский Макарий. До известной степени ему сочувствует, по крайней мере, в начале собора, патриарх Константинопольский Георгий.

Макарий говорил: «Мы не делаем никаких нововведений в учении, но как приняли от вселенских соборов и святых уважаемых отцов, также и от представителей сего города: Сергия, Павла, Пирра и Петра, – также от Гонория, бывшего папы города Рима и Ки-

ра, бывшего патриарха Александрийского, т.е. о воле и действии, так и уверовали, веруем и проповедуем и готовы отстаивать это». (Стр. 107).

В доказательство правоты взглядов монофелитов, Макарий сослался на писания Кирилла александрийского и папы Льва. После чтения этих писаний в диспут вступает Феофан – монах из Сицилии. Собор согласился со взглядами Феофана. Далее Макарий представил свои писания, в которых обосновывал свою веру. В писаниях были обнаружены искажения свидетельства Афанасия, Амвросия, Кирилла, Златоуста и др. Собор признал Макария достойным лишения святительства, низложенным и анафемированным. На место низложенного выбран был Феофан.

Затем рассмотрели свидетельства епископа Феодора и монаха Полихрония, который в доказательство правоты своей веры предложил воскресить мертвеца. Воскрешение, несмотря на все старания, не произошло и после этого Полихроний был лишен своего сана. (Стр. 117).

Последним был допрошен пресвитер Константин из города Апамеи в Сирии. Он объявил, что империя не имела бы тех несчастий, если бы мир и любовь господствовали между подданными государя, а они господствовали бы, если бы не подвергались порицанию ни исповедывающие одну волю, ни исповедывающие две воли. Лично он признавал волю божественного естества Христа. «А человеческое естество Господа Христа имело волю или нет?» – был вопрос со стороны собора. «Да, естество человеческое (во Христе) имело ее, но временно, от чрева матери до креста, и при том я признаю это свойством и оно есть только свойство». Из этого ответа, – пишет Лебедев, – рождался вопрос: допускает ли Константин, что Христос имел человеческое естество после страданий, так как недопущение воли человеческой во Христе после страданий наводило на мысль, что он отрицает и человечество во Христе после этого «события»? Собор спросил Константина: «так что же? Разве после креста Христос покинул человеческое естество?» – «при Нем не осталось человеческой воли, а покинута она с плотью и кровию, как скоро Он не имел нужды ни есть, ни пить, ни спать, ни ходить». Далее собор спрашивает: «Где остались плоть и кровь Христовы?» – «Христос совок ее с Себя». Константин был анафемирован. (Стр. 120).

Профессор Лебедев высказывает свой взгляд о Константине, как человеке бездарном и заурядном. Но из всего высказанного им, я

закрываю как раз обратное. Конечно, в том, что он сказал, кроется новая «ересь» для церкви. Сложность затронутых вопросов Константином столь была велика, что собор, боясь запутаться в них, спешно решил ликвидировать это дело, предложив Константину отрешиться от ереси и при отказе его, анафемировал. Константин, правда, не был, вероятно, оратором и не мог вдохновить своей идеей массы, или, быть может, народ обнаружил усталость ко всяким новым треволнениям и тупо отнесся к его идеям. Но и теперь даже вопросы, затронутые им на соборе, встают во всей своей силе, способные сокрушить и выявить неправильное направление, взятое церковью.

Действительно, если Христос воскрес в теле, то этим Он сохранил свое человечество и до сего дня, а вместе с этим сохранил и две своих раздваивающихся воли: «не как Я хочу, но как Ты». (Мф. 26 – 39). Такое раздваивание не дало бы Ему никогда того единства и внутренней гармонии с Отцом, каковое необходимо, чтобы быть Богом единым. Это понял Константин, а потому, пожертвовав воскресением плоти в понимании тогдашнего христианства, он во Христе Иисусе сохранил второе лицо Святой Троицы. Но до полного понимания ниже приведенных слов апостола Павла в то суровое время он помыслить не решался – «вы дети Божьи – сонаследники же Христу» (Римл. 8 – 17) или «А мы проповедуем Христа распятого»..., а «для самих же призванных... Христа – Божию силу и Божию премудрость» (1Кор. 1 – 23 и 24).

Если даже и принять во внимание слова Павла (1Кор. 15 – 51): «не все умрем, но все изменимся», – в отношении нашего тела, как толкует современная церковь, то и при этом случае сохранение чего-то человеческого обособляет Христа от Отца, у которого этого человеческого, по мнению же церкви, нет ничего, кроме облика и подобия Божия с человеком. В конце концов, можно ли из-за такого тонкого философского разномыслия преступать собору наивысшую заповедь Христову О ЛЮБВИ и проклинать этого человека? Воистину, Константин выявил себя более христианином, заявив в самом начале своей речи о необходимости выявлять терпимость и любовь для мира и благополучия людей. Но 150 человек собора, став на стезю великого проклинателя Кирилла Александрийского, отошли от заповеди и Учения Христа и восприняли «учение человеческое». Ни один «еретик» так не преступал великие заповеди Христа, как эти «святые отцы» в своих «святых же соборах»!

Далее собором были рассмотрены все сочинения монофелитов и постановлено их сбрать и сжечь, что и было исполнено. (Стр. 120).

Помимо этого было обнаружено, что многие документы V-го вселенского собора были подложны. «После этих изысканий собор провозгласил анафему на подделывателей деяний и на самые подделки». (Стр. 122 и 123).

После чтения своего определения, собор еще раз воскликнул: «...Проповедывавшим, проповедующим и имеющим проповедывать одну волю и одно действие в воплотившемся Христе Боге, анафема». Это происходило 16 сентября 681 года.

В царствование Юстиниана II в 691 или 692 г. был собран поместный собор под названием «пятошестой» или «Трульский» для выработки правил. «Из правил видно, что в духовном чине нравы были в упадке, дисциплина расшаталась. Так, в некоторых местах епископы позволяли себе жить с женами, священники вступали во второй брак или прежде посвящения женились на вдовах, блудницах и актрисах ... Во священники, диаконы и иподиаконы посвящались лица, не достигшие узаконенного для сего возраста; священники и монахи позволяли себе ходить на конские ристалища и в театр ... Митрополиты и епископы являлись корыстолюбцами ... Причастие раздавалось за деньги ... Выдумали приобщать даже умерших ... В храмах ставили скот ...» и т.д. (Стр. 129 –130, II ч. «Вселенские соборы», проф. Мос. Унив. А.П.Лебедев).

ИКОНОБОРЧЕСТВО

Иконоборческие взгляды замечались и со времен Константина Великого. Например, Евсевий Кесарийский на просьбу Лектинии, вдовы императора, отвечает отказом в посылке «образка Христова». «Конечно, ты ищешь икону, изображающую Его во образе раба и во плоти, которою облекся ради нас, но мы научены, что она (плоть) растворена славою Божества и смертное поглощено жизнью...» Евсевий не сочувствовал употреблению икон, как ложному изображению неизобразимого. Были и другие отрицатели икон, как: Филоксен, Севр, император Анастасий (491 – 518). Все такие отрицатели называли почитателей идолопоклонниками. Но главный толчок к иконоборческому движению был положен мусульманским фанатизмом. Ислам, вооружаясь против идолопоклонства, начал гонения и против христиан – почитателей икон. Поэтому

возникла мысль, что уничтожением икон можно сохранить христианство в районе распространения ислама и обратить к нему даже самих мусульман, ибо враги государства византийского одолевали империю. Вот почему одной из причин императора Льва Исаврянина в его борьбе с иконами, заключалась государственная забота о целостности империи. Стр. 146, II ч. «Вселен. соб.» Лебедева.

Император по этому поводу совещался с патриархом Константинопольским Германом., но он не одобрил эту меру. Но император нашел необходимую ему поддержку в кружке, состоявшем из нескольких высших представителей духовенства и среди некоторых лиц привилегированных сословий. Из духовенства сочувствовали идее императора епископ наколийский Константин из Фругии и Фома, епископ Клавдиопольский. Стр. 144 -145, II ч.

«Года за три до начала иконоборства в Константинополе эмир, по имени Езид, распорядился, чтобы истреблены были все иконы в подвластных ему странах ... Кроме того, он приказал уничтожить и все другие изображения, какие существуют где-либо на городских площадях для красоты и благолепия. Этот пример для Льва был красноречивее всяких слов». Стр. 147, II часть «Вселен. соборы», Лебедева.

«Лев издал два указа в пользу иконоборства. Один в 726 году, а другой в 730. Оба указа до нас не дошли ... Первый указ не был подкреплён подписью патриарха константинопольского Германа, второй же имел подобное подкрепление со стороны патриарха Анастасия ... Первой жертвой иконоборческого насилия был патриарх Герма ... Стр. 148, «Вселен. Соборы Лебедева».

Сначала были пущены в ход насмешки и брань, временное лишение кафедры и, наконец, полное низвержение и назначение приемником ему Анастасия, синкелла патриаршего, готового исполнять волю государя. Ссылкою поплатились и многие другие епископы. «Иконопочитателей, отличавшихся высоким происхождением или богатством знания, Лев приказал мучить, наказывать бичами, изгонять; многие получили мученические венцы». Богословские школы в Константинополе были закрыты, те самые, которые были открыты еще Константином Великим. «Кроме того Лев Исаврянин отверг поклонение Божией Матери и святым; вследствие чего мощи предавал поруганию.

Папа Григорий II собрал собор, на котором доказывалась позволительность иметь иконы в христианских храмах, а его прием-

ник папа Григорий III опять собрал собор, на котором было определено: «кто будет отвергать, уничтожать, бесчестить иконы Господа Христа и Его Матери или апостолов и пр., тот лишается приобщения тела и крови Христовой и будет находиться вне церковного общения». Стр. 150–151.

Против иконоборцев выступал патриарх Герман и еще решительней Иоанн Дамаскин. Сначала Иоанн был высоким государственным мужем при калифе в Дамаске, а потом монахом и пресвитером в лавре св. Саввы в Палестине. Противодействия иконоборству сопровождались сильными восстаниями во многих местах государства. «В Италии, при первых же известиях об иконоборстве императора, начали бросать портреты его на землю и попирали ногами, наконец и сам папа Григорий с Римлянами и со всею Италией отложился от подданства Льву». Стр. 152, «Вселен. Соборы» Лебедева.

«Св. Стефан, называемый новым в отличие от первомученика архидиакона Стефана, рассказывают, что представши перед императором, вынул из своего клобука монету и сказал: «какое наказание заслужу я, если эту монету, носящую изображение императора, брошу на землю и стану топтать ногами? Отсюда ты можешь видеть, какого наказания достоин тот, кто Христа и Его св. Матерь оскорбляет на образах». Затем он бросил монету на пол и начал топтать ее ногами. Император приказал ввергнуть его в темницу». Стр. 175. II ч. «Вселен. соб.» Лебедева.

Упорство императора подогревалось его убеждением: «я царь и первосвященник», но эти слова встречали сопротивление духовенства: «знай, император, что догмы св. церкви дело не императоров, но архиреев... Догматы дело не царей, но архиреев, так как мы имеем ум Христов». 2 Кор. 2 – 14, 17. Стр. 156. «Вселен. Соборы» Лебедева.

«Продолжительное царствование императора Константина Копронина (741 – 775 г.), сына Льва Исаврянина, есть время, когда иконоборство достигает своего высшего развития и силы в Византийской империи и церкви. Лишь немногие ереси прежних времен могут равняться с иконоборством по тем бурным движениям, какие вызвало оно в церкви, по той силе и тирании, в каких выражало оно свое господство». Стр. 158. «Вселен. Соборы» Лебедева.

«Патриархи Анастасий, Константин, Никита были людьми послушными воле императорской. Целые сотни других епископов Константинопольского патриархата, примкнули к стороне импе-

ратора и враждовали против православия». Стр. 159 «Вселен. соборы».

Для упрочения своей идеи и воли, в 754 году император Константин собрал собор, состоявший из 338 епископов, близ Константинополя, в царском дворце на берегу моря. Число лиц на соборе было, как на немногих вселенских соборах. Председателем собора был за смертью патриарха Анастасия епископ Ефесский Феодосий. На заседании собора 8 августа произошло избрание нового патриарха Константинопольского Константина, которого сам император взял за руку, возвел на амвон и провозгласил: «многие лета патриарху вселенскому Константину». Собор был провозглашен VII вселенским. Им был развит ряд доказательств недопустимости почитания икон, из которых я приведу лишь некоторые, наиболее выделяющиеся. Иконоборцы ставили себе вопрос: неужели нужно оставаться без всякого образа, который напоминал бы нам об Искупителе? И в ответ приводили слова из Евангелия: «примите и ядите, сие есть тело Мое...» и далее: «сия есть кровь Моя... сие творите в Мое воспоминание (Мф. 26 – 28 и Л-ка 22 – 19). Поясняя эти слова, иконоборцы говорили: «Христос нарочито образом своего воплощения избрал хлеб, не представляющий собою подобие человека, чтобы не ввелось идолопоклонства». Стр. 164 – 165. Далее собор поясняет: «Если бы необходимо отвергнуть иконы Христа, то было бы несправедливым признавать какие-либо другие иконы». «Вообще, продолжают они, искусство неприлично церкви, унижает ее. Недостойно христианам, получившим надежду воскресения, пользоваться обычаями народов, преданных идолопоклонству, и святых, имеющих возблестать такою славою, оскорблять бессловесным и мертвым веществом». 165 – 166. «Вселен. Соборы» Лебедева.

Тут же приводится в доказательство целый ряд выдержек из библии и писаний отцов.

27 августа определение собора было провозглашено на площади с 8-ю анафематствами на вождей и защитников иконопочитания. Стр. 161 и 170. Всел. Соб. Лебедева.

По причине сильного упорства монахов были уничтожены все монастыри, а монахов вынуждали обзаводиться семьями. Сам патриарх Константин стал вести обыкновенную мирскую жизнь. Вообще нужно сказать, что иконоборческие патриархи не уступали императору в ревности к уничтожению св. икон.

НИКЕЙСКИЙ VII ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР 787 г.

Лишь только сошли со сцены земной жизни императоры иконоборцы и вступил на трон Лев IV (775 – 780), иконопочитание начинает приобретать все большее влияние среди духовенства и среди народных масс. В скрытом состоянии иконопочитание замечалось даже в самое суровое время. Когда после смерти Льва IV на престол вступила его вдова Ирина с малолетним сыном Константином, признание иконопочитания было принято официально. Но для этого Ирина решила созвать вновь собор. «Этот собор был тем необходимее, что собор, созванный в царствование Копронима... наименован был VII вселенским собором: нужно было ложному вселенскому собору противопоставить истинный ...».

Во время вступления на престол Ирины патриарх Константинопольский Павел, бывший иконоборцем, вдруг в 784 г. оставил свой архипастырский престол, надел на себя монашеское платье и не хотел более править церковью. Причину такого поступка, как оказалось, было то, что патриарх почувствовал угрызение совести, глубокое раскаяние в своей иконоборческой деятельности. Нужно сказать, что Павел до патриаршества был иконопочитателем, но во время принятия сана, по слабости воли уступил воле императора ...» Стр. 183. «Вселен. Соборы» Лебедева.

После него Ирина избрала Тарасия, состоявшего на посту государственного секретаря, человека глубоко образованного. Он с большой ревностью принялся за созыв вселенского собора. Сторонники иконоборцев всячески старались помешать пересмотреть постановления «лжевселенского собора». Например, накануне созыва вспыхнул бунт среди войска, расположенного в Константинополе, ибо оно было главным образом насыщено иконоборческими воззрениями. «Тогда императрица увидела, что собор в настоящую минуту невозможен, и приказала разойтись отцам. Некоторые из тех епископов, которые были на соборе, но которые скрывали свое иконоборчество, поняли распоряжение императрицы в том смысле, что она изъявляет благорасположение к иконоборцам, и потому они тотчас же и сами присоединились к бунтовщикам. Бунтовщики объявили, что после собора Копронимова не должно быть еще вселенскому собору по вопросам об иконах».

С целью удаления войска из столицы, был объявлен поход на Агарян (мусульман); когда войска вышли из столицы, она отмени-

ла поход и распустила войска по домам. И лишь спустя год, после успокоения народных масс, собор был созван снова, в 787 году в Никее. Стр. 189 «Всел. Соборы».

«Первым делом VII вселенского собора, по открытии его, было восстановление церковью епископов, виновных в иконоборстве». Их разделили на три класса. Первые повинны были во временной приверженности к иконоборству. Каждый из виновных епископов должен был представить письменное отречение от ереси и испросить прощение у собора. При просьбе о прощении были и анафематства «...неразумно созванному собору, названному вселенским седьмым, потому что он грубо, дерзко и даже безбожно, вопреки богопреданным церковным постановлениям, изрекал одни злохуления, предал поруганию св. иконы ...Говорящим, что иконы суть изобретение дьявольских козней, а не предание св. отцов, анафема». Собор похвалил Василия, епископа Анкирского, за чистоту его раскаяния, приведенное выше. В том же духе были поданы раскаяния и другими повинными епископами.

«После всего этого патриарх Тарасий спросил собор, согласен ли он вышеуказанным трем епископам дать прощение и позволить им удержать кафедры? Собор сказал: всем нам это угодно!».

«Второй класс епископов иконоборцев, представших на соборе с мольбою о прощении и милости, был многочисленнее первого ...» Они обвинялись в том, что собирали иконоборческие сборища «не во имя Господа и не во имя Духа Его». Епископы кающиеся объявили, что они действовали по неразумению, потому что «худое учение они приняли от худых учителей». «Собор, на основании канонических постановлений и отеческих писаний, долго и много рассуждает: оставить ли их на епископских кафедрах? Сначала высказывались разные мнения... Напротив, Тарасий смотрел снисходительно и примерами из церковной истории доказывал, что покаяние возвращает указанным епископам их кафедры. Мнение Тарасия восторжествовало». Стр. 192. Всел. Соб. Лебедева.

«Третий класс покающихся епископов состоял из одного епископа, это был Григорий, епископ неокесарийский. Он... кроме иконоборства, обвинялся еще в том, что преследовал и гнал исповедников иконопочитания в предыдущие царствования».

Раскаянию его Тарасий не поверил и спросил: «... покровом хитрости, придавая словам вид истины, в душе остаешься злодеем?». Григорий опять подтвердил свою искренность. На следующем за-

седании Тарасий снова его вопрошал о том же и он все время подтверждал свое раскаяние... «тогда патриарх спросил собор, как поступить с Григорием? Собор отвечал: как в других случаях было поступлено, так и теперь». Так как не было свидетельства, что Григорий кого-либо наказывал, то и ему была возвращена кафедра.

Следующим делом собора было выяснение воззрения на почитание икон. Опять было указано, что в скинии, над ковчегом, были отлиты из золота херувимы, что было сделано по указанию свыше. «Если ветхий завет имел херувимов, осеняющих святилище, сказал Тарасий, то мы будем иметь иконы Господа Иисуса Христа, Богородицы и святых Его, осеняющих алтарь». Далее читались писания отцов о великом значении почитания икон.

Затем собор переходит к объяснению православного взгляда на отношение искусства к религии. По прочтении сочинения св. Астерия Амасийского (IV в.) на затронутую тему, собор заявил: «Значит, искусство живописца есть занятие священное...» и Тарасий подтвердил: «Живописцы не противоречат писанию, а напротив, что говорит писание, то они и представляют, так что они считаются согласными с писанием».

Далее собор переходит к вопросу – как принимать и выражать иконопочитание. Одни понимают поклонение им, другие почтительное лобзание. Член собора, пресвитер Иоанн, заявил: «да, иконы имеют одинаковое значение с Евангелием и крестом». Тарасий приравнивает «святые иконы... к священным сосудам». В послании св. Анастасия, епископа Феопольского, сказано: «мы поклоняемся и св. людям, и ангелам. Но не служим им, как богам, ибо Моисей говорит: Господу Богу твоему поклонишься и Тому единому послужиши». Второз. 6 – 5. Собор, наконец, выразил свое отношение к поднятому вопросу так: «с любовью приемлем мы изображение честного животворящего креста, святые же и честные иконы допускаем... почитаем и почтительно поклоняемся им...»

После решения об иконах, собор переходит к суду над иконоборством. «Этот суд продолжался долго и отличался обстоятельностью». Иконоборцы приравнивались к Навуходоносу, Самарянам, евреям, манихеям, севериянам, а потому собор провозглашает на иконоборцев анафему и решил все их писания предать огню. Стр. 203.

Следующей деятельностью собора был разбор положений «лже-вселенского» собора, Копронимова. Следя последовательно за все-

ми аргументами этого собора, отцы настоящего собора опровергают и их вероопределения и аргументы. Чтение всех этих аргументов взял на себя раскаявшийся Григорий Неокесарийский, изображая собою лжевселенский собор.

Прежде всего привлекает отцов само наименование вселенского и VII-го. Когда на нем не все церкви были представлены, он и не был седьмым, ибо направление его было противное шести предыдущим. Собор Владычицы Богородицы, в котором он заседал, не мог освятить это собрание; как храм, в котором заседал синедрион, судивший Христа, не освящал этот суд. Напрасно было обвинение этого собора всех иконопочитателей в идолопоклонстве, ибо служение происходило всегда Богу, а не инокам. «Он (собор) утверждает, – повествует Лебедев, – что Евхаристия не есть только образ плоти Христовой (как заявляли иконоборцы), но действительная плоть и кровь Господня. «Ни один из апостолов и евангелистов не называет нигде бескровную жертву образом плоти Христовой. Если же некоторые св. отцы, например, Василий Великий и Евстафий Антиохийский и называют бескровную жертву – хлеб и вино «вместообразными» (бнбфхрб), но так они называют только до момента предложения их в настоящую кровь и плоть Господа. Учить, как учат иконоборцы, значит отрицать пресуществление св. Даров».

На указание иконоборцев, словами Иоанна 1 – 18, что «Бога никто же виде нигде же», отцы собора отвечали на это: здесь речь идет о божественной природе Христа, которая действительно неизобразима; что же касается до человеческой природы Христа, в которой Он жил среди людей, то кто осмелится сказать, что она неизобразима? Апостолы видели Христа и даже осязали Его». Стр. 206 – 207.

В том же духе были разобраны все догматы предыдущего собора и после этого составлено вероопределение:

«Определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались (для поклонения) точно так же, как изображение честного животворящего креста, будут ли они написаны красками, или сделаны из мозаики, или какого-либо другого вещества. И будут ли находиться в св. церквях Божиих на освещенных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа Иисуса Христа, или Владычицы Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще с помощью икон делаются они предметами нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самих

первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но никак не то – истинное служение, которое, по вере нашей, приличествует только божественному естеству». Стр. 209 – 210. «Всел. Собор.» Лебедева.

После подписи всеми епископами своего определения, императрица Ирина спросила: все ли члены собора согласны с подписанным определением? – Отцы воскликнули: «все так веруем, все так думаем – и все подписали его по общему одобрению». Ирина после этого утвердила свою подпись и печатью, подписался и юный император. Стр. 210. «Вселен. Соборы» Лебедева.

Какое малое значение имеют решения соборов на умы человеческие, видно из того факта, что почти сейчас же после смерти императрицы Ирины и восшествия на престол Льва Армянина (813 – 821 г.) начались и новые утеснения, а затем и гонения на иконы и иконопочитателей. Мысль человека, его совесть и сознание совершенно свободны от всяких пут, как указы, вероопределения, писания, догмы, предания и т. д., налагаемые решением ли одного человека, либо целым множеством лиц. В исторической жизни народов замечено одно явление чрезвычайно важное, но всегда забываемое людьми. Нельзя насильем внедрять какое-либо убеждение или мировоззрение. Насилие вызывает в человеке внутренний протест свободного человеческого духа, и зачастую правое дело и истина может быть погребена на целые века, исключительно только благодаря протесту на насилие. Но путем воспитания можно постепенно поднять сознание человека на должную высоту и тогда не трудно будет направить волю этого лица на общее благо человечества.

Император Лев Армянин сумел найти как исполнителей своих идей среди епископов, так и сочувствие народных групп и среди того же духовенства. Лебедев, правда, говорит, что император поддержку своим идеям получал не от народа, а от солдат, но солдат – тот же сын народа; и по своим духовным устремлениям он не отличался от своей привычной и родной среды.

После смерти этого императора его дело продолжал его же враг, который сейчас же по выходе из тюрьмы занял престол, под именем императора Михаила II Косноязычного. Впрочем, в первое время царствования Михаила была некоторая передышка для ико-

нопочитателей, как возвращение изгнанников и освобождение из тюрем, но все же иконопочитание не было восстановлено. В 830 году престол переходит к Феофилу, сыну Михаила, при котором продолжались и ссылки, наказания ремнями и палками, прижигали руки монахов, художников-иконописцев и т. д. Только смерть Феофила в 842 году и вступление на престол вдовы императрицы Феодоры и малолетнего Михаила III изменило положение иконопочитателей. Императрица сама была воспитана в семье почитателей икон и так же старалась тайно от мужа воспитать и своего сына.

Ее стараниями опять был созван поместный собор. Он подтвердил иконопочитание и вероопределение VII вселенского собора. Также и Льву Армянину удалось созвать очень многочисленный поместный собор, который тоже подтвердил все вероопределение «лжевселенского» собора. Как у одних, так и у других находились ученые мужи, оспаривавшие своих предшественников, опираясь на те же святыя писания. У иконоборцев был таковым лицом Иоанн Грамматик (стр. 214), впоследствии патриарх, а у иконопочитателей – решительный и смелый Феодор Студит.

Вот полная картина, как ставились вопросы на соборах и как разрешались они! Для большей неизбежности этому шаткому делу пришлось предать ореол святости соборам и всем заседавшим там лицам. Но иное дело, действительно ли всеми вынесенными решениями и постановлениями о всплывавших вопросах, были ли они выяснены в полной мере и разрешены подобающим образом? Само предание проклятию на соборах всех несогласавшихся с отцами возглавителями собора показывает на бессилие и беспомощность святых отцов, принимавших участие в разрешении ими же самими запутанного положения. Это бессилие и невозможность ликвидировать хаос церковной мысли делали их нетерпимыми, полными злобы и мщенья, т.е. антихристианами. Поэтому и решения этих соборов не могут быть для нас назидательными и приемлемыми. Где проклятия, там нет Христовой любви, нет правды и истины.

Во истину можно сказать: «По плодам их узнаете их!» (Мф. 7-16). Эти плоды соборов не показывают в духовных училищах и семинариях и большинство молодого духовенства совершенно о них неосведомлено. Им преподносят лишь решения соборов и выработанные догмы, но не историю их во всей неприглядной деятельности.

Все эти споры, дебаты и заседания происходили из-за терминов: Христос – Сын Божий, Он – второе лицо Св. Троицы, единосущный, рожденный, подобный Отцу, едиnorodный и т. д., а Матерь Его – Богородица или человекородица? Но с другой стороны, все последовавшие указы, постановления и определения не давали разъяснения, как связать слова Христа: «Отец мой более Меня» (Иоанн, 14 – 28). Как могло одно лицо молиться другому лицу, оставаясь одним и тем же Богом, т.е. молиться самому себе? До рождения Сына, или «исходящего от отца», прежде всех веков, т.е. 2-го лица Св. Троицы очевидно не было? Если Иисус Христос едиnorodный, то как понять следующие слова Книги Иова (38 – 4, 7, 16, 20 и 21): «... Где был ты, когда Я полагал основание Земли? Скажи, если знаешь? ... Когда все сыны Божии восклицали от радости? ...» Как может быть Бог своим собственным наследником? Ибо по Павлу мы – сонаследники Христа, а Христос – Бог! ...

Также следует обратить внимание и на следующие слова апостола Павла в послании к Рим. (8 – 19): «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих».

Далее Павел говорит (Рим. 8 – 29): «Ибо кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобным образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями».

А Исаия (в 53 – 12) приводит слова Господа: «Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу за то, что предал душу Свою на смерть и к злодеям причтен был, тогда как Он понес грех многих и за преступников сделался ходатаем». (Библия рус. мис. Общества). Но этот текст в Библии британ. и иностр. библейс. общ. этим словам придан совершенно иной смысл.

В Библии в нескольких местах говорится о времени пришествия Искупителя (Ис. 41 – 14, 49 – 7 и 59 – 20), Ходатая (Ис. 53 – 12), Советника (Ис. 9 – 6), Избавителя (Ис. 19 – 20), Оправдателя (Иер. 23 – 6), Христа (Дан. 9 – 25), Владыки (Мих. 5 – 2), но ведь нигде не сказано было во всех пророчествах, что это был бы Бог. Неужели пророки не были бы оповещены о том, если бы Господь Сам имел бы намерение воплотиться среди Израиля?

В Екклесиасте (1 – 9) сказано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят, «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас».

«Бога никто никогда не видел». (I. пос. Иоан. 4 – 12). Приходили Посланники Божии, Пророки, а если о пришествии Христа было предуказано в Писании, то в Индии, Тибете и Манджурии указано о приходе Майтреи задолго до Его прихода. Такое предвещение делается потому, что эти Учителя Величайшие, а во-вторых, и потому, что и время само по себе необычное. Их приход – сынов Божиих – совершался много раз и будет происходить еще неоднократно в нужный момент на помощь человечеству.

Как все это связать, понять и истолковать, а мест таких очень много в св. Писаниях? Сделать же постановление на соборах и в особенности так, как их выносили и с чем мы уже достаточно хорошо познакомились, не значит, что эти вопросы разрешены и выяснены. И опять не раз нужно твердить, что, при неправильном основании ложно установленной базы наших умозрений, мы не выйдем из подобного лабиринта из целого ряда вопросов. Если мы немощны и бессильны овладеть правильной постановкой вопроса, то где же нам тогда правильно разрешить его?

Вот на чем зиждется незыблемость и неизменяемость этих «богвдохновенно данных» церковных догм! Зная всю эту историю, можно действительно потерять всякую веру во все то, что проповедают наши богословы. Правда, много преступлений, бесчинств и смут творилось простым, легковверным и темным народом, но все же причиною были недостойные иерархи, которые втягивали население в свои корыстные споры и ссоры. Не умиротворяли страсти примером терпимости, смирением и любовью, согласно Учению Христа, а, наоборот, разжигали эту вражду. То же делается и теперь: просмотрите любой печатный духовный орган. Сколько неправды, подтасовок и выгодных умолчаний проделываются участвующими лицами в этих органах, сколько несуразного и ложного льется на Толстого, теософов и оккультистов, какая недостойная перебранка подносится подчас населению, происходящая между их миссионерами, баптистами и пр. Нам нужно, как христианам, забыть все зло, причиненное корыстолюбивыми и честолюбивыми иерархами, но не иначе, как забыв и все те лживые догмы, которыми пичкали они нас около двух тысячелетий, во славу свою и во имя своей власти.

Но счастье наше в том, что все же правда и истина есть на Божием свете, но ее искать нужно не там, куда мы привыкли обращаться взорами с малолетства. Там не найти ее. Ибо зная всю ту непри-

глядную картину, которая обрисовалась перед нашими взорами, поневоле задашь себе вопрос: почему и до сих пор наши богословы, зная все то, как слагалась и творилась вся церковная история с ее обрядами, положениями и догмами, (ибо кому же тогда и знать ее, как не им?) ни разу не возвысили свой голос о полном раскрытии истины в целях очищения и исправления от вековых наслоений лжи и мрака, окружавших церковную жизнь народов?

Ведь я мог лишь только частью коснуться истории церкви, но сколько компрометирующих материалов и идущих в разрез с целями церковных иерархов, изъяты самым тщательным образом, сжигались и уничтожались во всей тысячелетней истории церкви? В своем очерке я коснулся лишь восточной церкви, оставив в стороне мрачную историю насилий, лжи, обмана, отравлений и убийств западной половины ее, со столь известными деяниями ее инквизиции во славу мрачную и ужасную владык ее, но только не Бога.

Больше молчать нельзя, нужно спасти все, что еще можно и должно спасти! Ибо события быстро катятся к великому краху. Только слепые не видят все происходящее.

Я не историк, и не в моих целях разбираться во всех тонкостях богословских течений прошлых веков или школ Александрийской, Антиохийской, Константинопольской и пр. со всеми оттенками мнений и взглядов отдельных ее представителей. Моя задача иная – показать, что все школы и их отдельные представители правы во многих своих взглядах и представлениях и в то же время и не правы, как я уже неоднократно заявлял, с указанием, что такая двойственность их положения происходит исключительно от неправильно поставленного положения о Божестве Иисуса Христа. Незыблемость и непогрешимость соборных решений опровергнуты ими же самими и в особенности после побед, одержанных недостойными патриархами, в лице Феофила Александрийского и его заместителя и племянника Кирилла, на совести которого искусственно разожженный бунт монахов, погром евреев, избиение префекта и убийство благородной женщины, смещение, заточение и ссылка достойнейших иерархов, как Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Нестория и др. Все эти темные деяния в истории церкви, прикрытые пеленою веков, не должны охраняться вечно неприкосновенными. За осуждение этих лиц должны же, наконец, и богословы сказать свое слово беспристрастно, хотя бы после полторы тысячи

лет и взглянуть на принятые догмы со стороны беспристрастной оценки их. Кроме того нужно решить еще вопрос – могут ли иерархи вместо терпимости и любви, называя себя смиреннейшими, расточать столь щедро анафемы? Подумайте над этим!

Как часто история учит нас, что запоздавшая реформа вызывает невероятный разгром и уничтожение всего строя, задерживающего течение жизненного начала. Дайте реке течь безвозбранно и наводнения не будет. Дайте мысли и устремлениям человеческим, достойным и необходимым, осуществляться, и ужасных кровопролитных революций не будет. Сколько ценного, достойного и весьма важного погибает при подобного рода катаклизмах! Обидней всего то, что те же лица, которые более всего повинны в такого рода катаклизмах, как укрыватели правды и истины, всегда находят в себе смелость обвинять других.

Вот что писала по этому поводу Е.П.Блаватская в своей книге «Евангельский эзотеризм» на стр. 17: «Я не имею цели противоречить здесь богословским системам: достаточно это сделали наши великие «неверующие» и неоднократно. Я хочу только повторить здесь одно пророчество, которое стало понятно само собой при современном состоянии христианства: вера в букву Библии и в телесного Христа будет не дольше, как четверть века. Или церковь отбросит свои догмы, или XX век увидит крушение Христианства. И с этим крушением будет утеряна также и вера в Христа, как в Чистого Духа, и наступит век грубейшего материализма, как реакция после веков слепого суеверия, если старые идеалы не будут заменены новыми – идеалами, которые неразрушимы, потому что они универсальны, ибо они построены на скале вечной истины, а не на песке человеческого безумия». Это пророчество уже начало сбываться! Вспомним только, что было в России, а после в Испании. Не пустую фантазию грезят германцы, когда устремляются к своим древне-германским верованиям. А папа подумывает даже покинуть Италию и перебраться в Авиньон, так как и в Италии растет волна крайнего атеизма.

Не прошло и года, и книга не успела еще поступить в печать, как развернувшиеся события заставляют меня сделать новые дополнения. Корреспондент Таймса из Вены передает Лондону 10 октября 38 г. следующее сообщение: «Около 8 ч. вечера вокруг дворца кардинала собралась огромная толпа молодежи, которая стала кричать: «Выдайте нам черного пса Инницера! Разорвем Инницера на

части, чтобы не пришлось посылать его в Дахау». Затем толпа стала делать попытки ворваться во дворец кардинала, не встречая противодействия со стороны небольшого числа полицейских. Но ворота дворца были заперты, и тогда члены юношеской организации притащили лестницы и при их помощи стали взбираться на стены дворца и разбивать окна. Потом через окна стали выбрасывать драгоценную мебель. Тут же на площади был разложен костер, на котором эта мебель сжигалась. Вокруг костра все время бушевала толпа молодежи, которая кричала: «Смерть всем священникам. Убьем всех черных псов». В огонь полетели затем выброшенные из окон дворца драгоценные канделябры, резной крест с распятием, иконы и богослужебные книги... Корреспонденты парижских газет передают, что нац. социал. молодежь хотела выбросить из окна второго этажа секретаря кардинала д-ра Рейнбахера, но тот схватился руками за рамы окна и благодаря этому уцелел, но получил сильные порезы обеих рук. Из второго этажа был выброшен священник Краваник, находившийся во дворце кардинала Инницера, которого тогда не было дома». Так воспитывается атеистическая молодежь, среди политических выступлений вместо того, чтобы быть в школе и развивать свой ум и все другие способности духа.

Неужели же, господа богословы, вам не достаточно этих грозных предзнаменований и вы хотите еще подтверждения всему сказанному? Берегитесь, чтобы грозный поток не смыл бы не только нас недостойных, но он, к сожалению, смоем и многое достойное!

